ОПЫТЪ О СВОБОДѢ ВОЛИ.

(ИЗЪ ПОСМЕРТНЫХЪ РУКОПИСЕЙ).

Проф. П. Е. Астафьева.

БИБЛИОТЕКА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

Оттискъ изъ журнала *Русское Обозрѣніе* 1897 года.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1897.

2 экз

Пров. 1958



BD
591

Дозволено цензурой. Москва, ноября 2 дня 1897 года.

ОПЫТЪ О СВОБОДѢ ВОЛИ.

(Изъ посмертныхъ рукописей.)

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ числѣ рукописей покойнаго Петра Евгеніевича Астафьева сохранился обширный и законченный трактатъ о свободѣ воли. Вопросъ о свободѣ воли, по собственнымъ словамъ философа, „глубоко и издавна интересовалъ“ его, и свой взглядъ на этотъ предметъ онъ считалъ „выраженіемъ самой сущности своего міровоззрѣнія, въ его *итогомъ*“ (см. его брошюру: „Къ вопросу о свободѣ воли,“ М. 1889, предисл.). По свидѣтельству лицъ, близко стоявшихъ къ покойному, онъ придавалъ своему труду о свободѣ воли особенное значеніе и предназначалъ его къ печати. Было бы дѣйствительно очень жаль, если бы онъ не увидалъ свѣта: какъ бы кто ни смотрѣлъ на его постановку и его основную мысль, во всякомъ случаѣ каждый, надѣемся, согласится, что это результатъ тщательнаго изученія вопроса и серіозной работы мысли, — трудъ, который и въ настоящее время, несмотря на довольно долгій, почти двадцатилѣтній періодъ (по точному указанію самого П—а Е—ча, онъ составленъ въ 1874—76 годахъ,—см. цит. брош.), истекшій со времени его составленія, представляетъ отнюдь не одинъ только историко-біографическій интересъ.

Къ сожалѣнію, рукопись оказалась въ формѣ далеко не исправной. Закончивъ свой трудъ, авторъ неоднократно возвращался къ нему,—вносилъ въ него поправки, дополненія и дѣлалъ изъ него извлеченія (такъ, изъ него взято почти все содержаніе первыхъ четырехъ главъ брошюры: „Къ вопросу о свободѣ воли“). Вслѣдствіе этого послѣдняго обстоятельства, а отчасти и вслѣдствіе другихъ, чисто внѣшнихъ, причинъ въ рукописи оказались пробѣлы и иногда довольно значительные (къ

сожалѣнію, страницы въ рукописи не вездѣ проставлены, такъ что не всегда даже можно опредѣлить, сколькихъ именно страницъ въ томъ или другомъ мѣстѣ недостаетъ). Все это могло бы слишкомъ затруднить изданіе рукописи и даже сдѣлать его совсѣмъ невозможнымъ, если бы счастливая случайность не сохранила среди разрозненныхъ листочковъ, затерявшихся въ большой связкѣ оставшихся послѣ покойнаго черновиковъ, маленькаго наброска плана или конспекта первой (наиболѣе пострадавшей) части рукописи. Этотъ то конспектъ, вмѣстѣ съ упомянутою уже нами брошюрою: „Къ вопросу о свободѣ воли," и даетъ возможность возстановить, хотя, къ сожалѣнію, и не въ полномъ составѣ, трудъ нашего даровитаго мыслителя.

Принявъ на себя редакцію рукописи, мы почитаемъ своею нравственною обязанностію возможно бережнѣе отнестись къ этому осиротѣвшему дѣтищу покойнаго философа и поэтому ставимъ своею главною задачей воспроизвести трудъ автора по возможности такъ, какъ онъ задуманъ и выполненъ имъ самимъ. Вслѣдствіе этого, мы удерживаемъ не только планъ рукописи, но и всѣ детали и лишь въ крайнихъ и необходимыхъ случаяхъ позволяемъ себѣ дѣлать въ ней измѣненія, сокращенія и вставки (въ важнѣйшихъ случаяхъ они вездѣ оговорены). Заглавіе сочиненія нами взято изъ чернового наброска конспекта: въ самой рукописи этого заглавія нѣтъ, такъ какъ вопросъ о свободѣ воли, повидимому, входилъ, какъ частный отдѣлъ, въ болѣе обширное сочиненіе, которое, по замыслу автора (насколько можно судить о немъ по двумъ-тремъ уцѣлѣвшимъ страничкамъ), должно было представлять нѣчто въ родѣ Системы Метафизики.

Алексѣй Введенскій.

Сергіевъ Посадъ,
Іюль, 1895 г.

ВВЕДЕНІЕ [1].

I.

Значеніе вопроса о свободѣ воли для мысли и жизни.

Понятіе о *нравственной свободѣ* составляетъ одну изъ важнѣйшихъ задачъ философіи. Только когда намъ удастся сохранить понятіе свободы въ ея настоящемъ значеніи, и понятіе религіи получитъ свою прочную опору: только свободная индивидуальность способна стоять въ дѣйствительно религіозномъ отно-

---

[1] Никакого „Введенія“ въ рукописи нѣтъ. Подъ этимъ заголовкомъ мы объединяемъ два вопроса, входившіе, по первоначальному плану автора, въ составъ *первой главы*. Къ сожалѣнію, только эти два вопроса изъ нея и уцѣлѣли. Всѣ же остальные утрачены (впрочемъ, какъ видно изъ сличенія ниже помѣщаемаго нами конспекта первой главы съ брошюрою: „Къ вопросу о свободѣ воли“, большая часть содержанія первой главы вошла въ составъ первыхъ четырехъ главъ названной брошюры,— по крайней мѣрѣ, самъ авторъ говоритъ въ предисловіи, что двѣ главы онъ взялъ изъ рукописи „почти цѣликомъ“).—Мы относимъ два, предлагаемые здѣсь, отрывка рукописи къ „*Введенію*“, руководствуясь исключительно ихъ содержаніемъ: никакихъ указаній для этого ни въ рукописи, ни въ „конспектѣ“ нѣтъ.—Вотъ конспектъ первой главы, набросанный рукою самаго П—а Е—ча.

§ 1. Задача сочиненія.—Значеніе вопроса для этики и спекулятивной науки.—Дилеммы, въ которыя ставитъ вопросъ.

§ 2. Моменты, существенные для изслѣдованія.—Обыкновенный пріемъ въ рѣшеніи вопроса.—Два возраженія на свободу воли.—Предположеніе, лежащее въ основаніи обоихъ.

§ 3. Различіе вопроса о свободѣ воли отъ вопроса о свободѣ дѣйствія.—Различное отношеніе къ той и другой принужденія и необходимости.—Основное условіе вмѣненія.—Формула вопроса о свободѣ или несвободѣ воли.—Примѣры путаницы, производимой отклоненіями отъ нея.—Ходъ разсужденія детерминизма.—Внѣшность нравственнаго качества „характеру“ въ ученіи детерминизма.—Общая характеристика ученія.

§ 4. Несостоятельность замѣны вопроса о свободѣ воли вопросомъ о ея нравственномъ качествѣ, преим. у Гегеля и Гегеліанцевъ.—Какъ возможенъ выходъ изъ детерминизма.—Попытка искать этого выхода въ единствѣ и всеобщности *я*.—Предположеніе, вслѣдствіе котораго эта попытка кончается ничѣмъ; его односторонность.—Выходъ въ ученіе трансцедентальной свободы.—Общія ученіямъ трансцедентальной свободы и детерминизма черты.—Заключительная характеристика обоихъ ученій.

А. Введ.

шеніи къ Богу. Съ другой стороны, нѣкоторые философы, какъ напр. Гамильтонъ, связываютъ съ вопросомъ о свободѣ воли человѣка даже самый вопросъ о бытіи Бога. По мнѣнію Гамильтона, „рокъ или необходимость могутъ объяснять матеріальныя явленія и помимо Бога. Только бытіе человѣческаго свободнаго духа необходимо предполагаетъ и Творца, который есть свободный духъ. Если наше вѣрованіе въ свободу—иллюзія, если нашъ духъ есть только продуктъ матеріальной природы; то мы имѣли бы основаніе вывести отсюда, что и *вообще* проявленія духа и цѣли въ природѣ могутъ быть сведены, въ концѣ концовъ, на матеріальную необходимость". И дѣйствительно, несомнѣннѣйшее изъ всѣхъ доказательствъ бытія Божія есть доказательство ***нравственное***, выходящее изъ нравственной природы человѣка и его нравственнаго назначенія. Итакъ, дѣйствительно-ли можетъ человѣкъ *автономически* располагать своими силами, вносить въ жизнь и отъ самаго себя ***нѣчто новое***, не предопредѣленное въ природѣ предшествующими дѣйствію условіями, или же онъ составляетъ только одинъ изъ моментовъ въ объясненіи природы, одинъ изъ переходныхъ пунктовъ общихъ космическихъ силъ въ непрерывномъ ряду механическаго причиненія, вещь въ ряду вещей?

Важность этого вопроса видна уже изъ того громаднаго труда, какой искони тратила спекуляція на его рѣшеніе. И должно сознаться, что результаты ея усилій не особенно благопріятны нашей задачѣ. Спекуляція знаменательно склоняется къ детерминистической сторонѣ рѣшенія вопроса, и даже богословіе (преимущественно протестантское) охотно заимствуетъ оттуда конечные выводы. Всѣ системы, признающія предопредѣленіе, становятся тѣмъ самымъ на путь детерминизма; и даже ученія, ничего не знающія о предопредѣленіи сходятся, однако же, съ этимъ ученіемъ въ томъ, что отрицаютъ у человѣка свободу въ смыслѣ способности къ добру, слѣдовательно урѣзываютъ понятіе свободы по крайней мѣрѣ съ одной стороны. Можно заранѣе ожидать, поэтому, что отстоять понятіе свободы будетъ не легко.

Но всего менѣе дозволительно отчаяваться вовсе въ конечномъ рѣшеніи вопроса и закончить, сказавъ себѣ non liquet, какъ сдѣлалъ это, напр., Юмъ. Въ этомъ случаѣ мы за одно отказались бы и отъ всей науки, по крайней мѣрѣ отъ такой, которая стремится ***понять*** природу и духъ. Для обѣихъ областей оставалось бы въ этомъ случаѣ только эмпирическое раз-

смотрѣніе тѣхъ случайныхъ связей и послѣдованій явленій, подпавшихъ нашему наблюденію, которыя ничего не могутъ дать для нашихъ высшихъ задачъ. Но если въ какой-нибудь области и возможно ограничиться простымъ *описаніемъ* фактовъ и ихъ послѣдованій, отказавшись отъ *объясненія* ихъ, отказавшись отъ всякаго исканія *началъ*, объясняющихъ и оправдывающихъ эти факты, то всего менѣе возможно это въ области нравственной. Можно смѣло сказать, что *нравственности вовсе нѣтъ тамъ, гдѣ нѣтъ сознаннаго начала ея*, гдѣ мѣсто такого сознаннаго начала заступали бы, напр., привычка, инстинктъ, чувство и т. п. основанія, полагаемыя иными quasi-философствующими моралистами въ основаніе этики. Какое достоинство ни имѣла бы, въ виду задачъ общежитія, моя привычка, мой нравственный инстинктъ и мое нравственное чувство, какую пользу ни приносили бы они моимъ ближнимъ и согражданамъ; но, сами по себѣ, *какъ естественные продукты* моего естественнаго развитія, они не имѣютъ никакого преимущества передъ другими, также естественно необходимо развившимися привычками, инстинктами и чувствами—они *сами по себѣ не различаются отъ послѣднихъ, какъ добрыя отъ злыхъ, какъ должныя отъ недолжныхъ*. Продукты естественнаго необходимаго развитія—всѣ равно естественны, равно необходимы. Въ ихъ непосредственной естественности нѣтъ *никакого* основанія для различенія между ними какъ добрыми или злыми, истинными или ложными, прекрасными или безобразными. Не выходя изъ области естественной необходимости, мы никогда и не найдемъ этихъ различій (чему лучшій примѣръ—Спиноза, да и весь пантеизмъ вообще). Различія же эти полагаются только съ точки зрѣнія *цѣлей*, началъ нашего сознанія. Только въ нихъ находимъ мы основаніе утверждать, что нѣчто *должно* мыслиться, совершаться и быть, а не просто мыслится, совершается и есть,—что мысли, дѣйствія и образы имѣютъ разную логическую, нравственную и эстетическую *цѣну*, разное достоинство.

Такимъ образомъ, безъ *сознаннаго* начала нравственности, послѣдней, собственно, вовсе нѣтъ, а есть только нравственно-безразличное естественное бываніе, полезное для однихъ, вредное для другихъ. Что нравственнаго сознаннаго начала не могутъ замѣнить непосредственно-проявляющіяся въ насъ привычки, инстинкты и чувства, явствуетъ,—помимо того, что послѣднія какъ только существующіе факты не даютъ никакихъ *нормъ*, ни-

чего долженствующаго быть, никакого различія добра и зла,— еще и изъ слѣдующихъ соображеній.

1) Возможно допустить, что сложившіеся во мнѣ нравственные инстинкты, привычки и чувства сдѣлаютъ меня способнымъ *вѣрно* оцѣнить чужіе, не относящіеся до меня, поступки, какъ нравственно-добрые или злые; но болѣе чѣмъ сомнительно, чтобы я могъ, съ ихъ помощью, *безпристрастно* судить о себѣ самомъ и о дѣйствіяхъ, непосредственно затрогивающихъ мое личное благосостояніе, такъ какъ и инстинктъ и чувство спеціально предназначены для служенія моему собственному благу и самосохраненію, то—указывая мнѣ соотвѣтствующія тому цѣли, то—оцѣнивая, съ этой точки зрѣнія, испытываемыя мною явленія. Затѣмъ, 2) и привычка и инстинктъ и чувство, слагаясь во мнѣ путемъ накопленія предшествовавшихъ опытовъ (моихъ-ли личныхъ, моихъ-ли предковъ), могутъ и быть компетентными цѣнителями—судьями только въ случаяхъ, *подобныхъ* уже встрѣчавшимся въ этомъ прежнемъ опытѣ, передъ *новыми же*, непривычными случаями они безсильны, теряются и оставляютъ меня безъ всякаго испытаннаго руководителя, на произволъ случайности. Наконецъ,—3) и привычка, и инстинктъ, и чувство вовсе не такъ исключаютъ другіе противоположные или различные инстинкты, привычки и чувства, какъ одна мысль, противуположная по содержанію другой, или различная отъ нея, исключаетъ послѣднюю, такъ что возможность неразрѣшимой коллизіи мыслей неисчислимо меньшая, чѣмъ возможность неразрѣшимыхъ коллизій привычекъ, инстинктовъ и чувствъ.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что, руководясь одними инстинктами, привычками и чувствами, мы и не такъ объективно судимъ о себѣ, какъ о другихъ, и не готовы заранѣе для произнесенія нравственнаго сужденія о *всякомъ* возможномъ въ дѣйствительности случаѣ, и не гарантированы заранѣе отъ такого столкновенія однихъ инстинктовъ, привычекъ и чувствъ съ другими, въ которыхъ бы мы остались безъ указанія—какимъ изъ нихъ именно слѣдовать. Сужденія привычки, инстинкты и чувства оказываются, такимъ образомъ, и 1) *необъективными*, и 2) *невсеобщими*, и 3) *не необходимыми*. Для полученія же сужденій и объективныхъ, и всеобщихъ, и необходимыхъ даетъ средства только *сознанное* нравственное начало, нравственный *принципъ*. Напомнивъ, вдобавокъ ко всему сказанному, что въ человѣкѣ, одаренномъ сознаніемъ, привычки, инстинкты и чувства дѣйствуютъ

слабѣе и неопредѣленнѣе, чѣмъ въ любомъ животномъ и тѣмъ слабѣе, чѣмъ развитѣе наша сознательная жизнь, мы должны повторить, уже какъ несомнѣнное, положеніе, что ***нравственности вовсе нѣтъ тамъ, гдѣ нѣтъ сознаннаго начала нравственности***, что, отказываясь отъ установленія и разумнаго оправданія такого начала, ограничиваясь одной привычкой, инстинктивной моралью, ***мы отказываемся тѣмъ самымъ и отъ всей нравственности вообще.***

Но, признавъ однажды необходимость установленія и конечнаго оправданія начала нравственности, мы уже тѣмъ самымъ признаемъ, что и помянутое non liquet,—наложеніе запрещенія на вопросъ о свободѣ воли,—равносильно полному отрицанію нравственности, такъ какъ именно въ свободѣ воли высшее оправданіе и объясненіе всей нравственной жизни человѣка. Ибо, если нѣтъ свободы хотѣть того или другаго, но все совершается необходимо, то нѣтъ и смысла въ различіи понятій о должномъ и недолжномъ. Вопросъ о началѣ и существѣ нравственной жизни тѣснѣйшимъ образомъ связанъ съ вопросомъ о свободѣ воли; у нѣкоторыхъ же философовъ, какъ напр. у Канта, оба вопроса даже совершенно совпадаютъ. Вслѣдствіе этой-то тѣсной связи вопроса о свободѣ воли съ тѣмъ, что есть святѣйшаго и драгоцѣннѣйшаго для человѣка, и такъ ничтожно число философовъ, рѣшающихся ***прямо*** и безъ оговорокъ отрицать свободу человѣческой воли, во имя спекулятивной, теоретической необходимости и послѣдовательности своихъ системъ. Всего чаще встрѣчаются попытки сдѣлки, компромисса. Большинство системъ поэтому допускаютъ самое понятіе свободы, но при этомъ позволяютъ себѣ такія толкованія его, при которыхъ оно теряетъ всякое содержаніе и смыслъ. Не всѣ рѣшаются такъ честно, какъ Спиноза, вовсе отказаться отъ этого понятія, принимая заранѣе и всѣ послѣдствія такого отказа.

II.

Понятіе свободы.

Можно было бы ожидать, что по крайней мѣрѣ понятіе предмета, о которомъ такъ долго разсуждали, точно установлено; но на дѣлѣ оказывается иное: споры о нашемъ вопросѣ даже скорѣе увеличили спутанность понятій въ этой области и въ свою очередь питались ею.

1) Исходя изъ обыкновеннаго словоупотребленія, мы приписали бы слову „свобода“ очень широкое значеніе: маятникъ колеблется свободно, если ничто его движенія не задерживаетъ; животное свободно, если клѣтка не препятствуетъ ему осуществить свое естественное стремленіе къ движенію. Но здѣсь идетъ рѣчь не объ этихъ двухъ видахъ свободы. Первый видъ движенія, наоборотъ, очень несвободный: обусловленное всецѣло внутреннею механикою машины, движеніе здѣсь слѣдуетъ закону необходимости: также и движеніе животнаго всецѣло принадлежитъ физической природѣ, какъ она противополагается нравственной свободѣ. Но и этихъ примѣровъ довольно для опредѣленія понятія свободы приблизительно, по крайней мѣрѣ съ отрицательной стороны. Свободнымъ окажется въ этомъ опредѣленіи все, что не опредѣлено чѣмъ-либо *инымъ*, но всецѣло *само* себя опредѣляетъ: маятникъ въ своихъ колебаніяхъ слѣдуетъ все-таки собственнымъ законамъ своего механизма.

2) Перенося это опредѣленіе въ нравственную область, мы назвали бы свободнымъ того человѣка, который опредѣленъ не чѣмъ-либо отвнѣ, но самимъ собою. Однако, этого еще далеко не достаточно для нашего понятія; мы еще далеко не затронули этимъ опредѣленіемъ настоящаго, *нравственнаго* момента понятія. Можно бы представить себѣ, что дѣйствіе является слѣдствіемъ внутренней природы человѣка въ томъ же смыслѣ, какъ колебаніе маятника — слѣдствіе его внутренняго механизма; оно могло бы представиться какъ самъ собою разумѣющійся продуктъ нашей организаціи, при чемъ получилась бы только связь причины и дѣйствія, слѣдовательно, опять-таки обусловленность, — если и не отвнѣ, то изнутри, — обусловленность, которая была бы опять необходимостью, противополагаемой свободѣ. Недостаточно смотрѣть на дѣйствія человѣка, какъ на слѣдствіе его природы, хотя и соотвѣтствующее ей, но *неизбѣжное*; оно должно быть независимо не только отъ внѣшняго принужденія, но и отъ собственной природы, — *оно не должно представляться развитіемъ одного момента изъ другаго*. Здѣсь умѣстно будетъ указать и на двусмысленность выраженія „природа“ по отношенію къ человѣку. Между тѣмъ, какъ вся природа вещей состоитъ лишь въ той или иной внутренней механикѣ, — въ той или иной данной организаціи, въ которой уже всесторонне предопредѣленъ, какъ необходимое ихъ слѣдствіе, и родъ реакціи вещи на то или другое вліяніе отвнѣ, — природа человѣка содержитъ въ себѣ нѣкоторую

двойственность: наряду съ внутренней механикой, организаціей къ природѣ человѣка принадлежитъ еще и *самосознаніе*, дѣлающее человѣка *личностью* и между тѣмъ часто ничего не знающее о внутренней механикѣ, организаціи физическаго индивида. Между тѣмъ, какъ природа физическаго индивида, животнаго въ человѣкѣ съ такой-же необходимостью реагируетъ на внѣшнія вліянія, какъ и въ любой вещи,—въ самосознаніи человѣческомъ многіе философы видятъ именно основаніе свободы; ибо, относя, въ силу своей самосознательности, всѣ свои представленія, помыслы, желанія *къ себѣ*, сознавая ихъ, какъ *свои*, человѣкъ eo ipso перестаетъ уже опредѣляться ими, какъ причинами, съ необходимостью, но получаетъ возможность относиться къ нимъ *объективно*,—возможность подвергать *данныя* представленія, помыслы и желанія критикѣ, выбирать изъ нихъ и слагать въ себѣ *новыя*. Въ этомъ же самосознаніи, въ которомъ, какъ мы сказали, многіе философы видятъ основаніе свободы,—въ его единствѣ,—и единственное основаніе *единства нравственной личности*. Личность существуетъ въ той мѣрѣ, нравственное существо постольку едино, тождественно себѣ, поскольку оно *само* себя сознаетъ единымъ; между тѣмъ, какъ единство человѣка, какъ существа физическаго, можетъ существовать и помимо собственнаго сознанія индивида, только для сторонняго внѣшняго наблюдателя. Отсюда видно, что не все совершаемое человѣкомъ, какъ физическимъ индивидомъ, есть дѣйствіе *его*, какъ нравственной личности. Какъ такой, ему могутъ быть приписаны лишь дѣйствія самосознательныя, ибо внѣ единства его самосознанія, какъ сказано, нѣтъ и единства его нравственной личности. Приписывая человѣку его дѣйствія *безсознательныя*, проистекшія *только* изъ безсознательнаго въ немъ (напримѣръ, безсознательнаго характера, хотѣнія), или даже *наперекоръ* его сознательному хотѣнію,—какъ дѣлаютъ философы безсознательнаго, Шопенгауэръ и Гартманнъ,—мы, такимъ образомъ, очевидно, упускаемъ изъ виду *единство агента, какъ нравственной, самосознающей личности, и можемъ имѣть въ виду лишь единство агента физическаго*, представляющееся стороннему наблюденію. Не игнорируя же нравственной личности въ агентѣ, мы можемъ ему приписывать только дѣйствіе его сознательнаго рѣшенія и хотѣнія. Эти соображенія особенно важны по отношенію къ *вмѣняемости* человѣческихъ дѣяній, къ отвѣтственности человѣка за нихъ. Очевидно, что всѣ ученія, вмѣняющіяся нравственной личности,

самосознающему человѣку (вмѣненіе же вещи, напримѣръ, снѣгу—его холода, нелѣпо) дѣйствія, вытекающія въ концѣ-концовъ только изъ *без*—или ***предсознательнаго*** въ немъ (таковы ученія детерминизма и трансцедентальной свободы [1]), имѣютъ дѣло уже не съ ***единымъ*** нравственнымъ субъектомъ, но съ двумя различными,—нравственнымъ и физическимъ, такъ что субъектъ ***судимый*** есть иной, чѣмъ субъектъ, ***совершившій*** дѣйствіе. Вмѣненіе же, при такихъ условіяхъ, есть нелѣпость и съ юридической, и съ нравственной, и съ логической точекъ зрѣнія. Человѣкъ, какъ пользующійся своею свободой, долженъ представляться прежде всего ***отвѣтственнымъ***, но это было бы немыслимо, если бы дѣйствіе было заранѣе предопредѣлено чѣмъ-бы то ни было, даже собственною природой индивида, ибо въ послѣднемъ случаѣ отвѣтственность лежала бы не на агентѣ, но на томъ, что создало его природу именно такъ, а не иначе опредѣленною. Если, напримѣръ, гнѣвъ, въ припадкѣ котораго я совершаю насильственное дѣйствіе, есть конечное объясненіе послѣдняго, и имѣетъ основаніе въ моемъ холерическомъ темпераментѣ, въ такой, а не иной комбинаціи нервныхъ токовъ моего тѣла, то я дѣйствовалъ бы иначе, если бы природа дала мнѣ иную организацію, и она, природа, а не я, отвѣчаетъ, конечно, за этотъ фактъ. Свобода, такимъ образомъ, опредѣляется какъ независимое не только отъ внѣшнихъ вліяній, но и отъ собственной опредѣленности, и въ этомъ именно парадоксальность понятія свободы, не уживающагося ни съ какимъ представленіемъ о связи, о порядкѣ состояній, событій etc.

3) Въ виду предшествующаго, свобода, повидимому, является даже тождественною со ***случайностью***, такъ какъ ея результаты могутъ быть во всякомъ данномъ случаѣ прямо противоположны: въ силу свободы своей я равно могу и совершить дѣйствіе и не совершить его. Эта-то ***возможность совершить и то и другое и составляетъ существенное предположеніе свободы***; слѣдовательно—возможность совершенно различныхъ результатовъ изъ одного и того же источника. Это именно мы и называемъ ***случаемъ***, природа котораго и состоитъ въ одинаковой возможности наступленія и ненаступленія, въ полной независимости отъ пред-

---

[1] О недостаткахъ *детерменизма* и теоріи, такъ-называемой, *трансцедентальной свободы* см. брошюру П-а Е-ча: „Къ вопросу о свободѣ воли“, гл. III—IV.

А. Введ.

шествующаго ряда причинъ. Это видимое совпаденіе понятій свободы и случая побуждало многихъ къ отрицанію свободы. Укажемъ, поэтому, уже здѣсь на важную неточность, въ которой должно упрекнуть всѣхъ почти, кто отрицаетъ свободу воли, какъ *чистую случайность*,—на томъ основаніи, что свободная воля есть воля, *опредѣленія которой не имѣютъ причинъ*, отождествляя такимъ образомъ понятіе *случайнаго* (безосновнаго) съ понятіемъ безпричиннаго, не опредѣленнаго *причинами*. Въ такомъ отождествленіи прежде всего слѣдуетъ отмѣтить проступокъ противъ словоупотребленія, ибо случайнымъ зовутъ люди не то, что̀ предполагаютъ не имѣющимъ причинъ (такого предположенія нѣтъ) или чему причинъ они еще *не знаютъ*,—но главнымъ образомъ то, что̀ представляется несоотвѣтствующимъ никакой *цѣли* разума, безцѣльнымъ, неразумнымъ, слѣпымъ и т. п.—таковъ былъ древній fatum (и такое значеніе понятія случайности не безъизвѣстно логикамъ). Далѣе, въ указанномъ отождествленіи случайнаго съ безпричиннымъ заключается и чреватая ошибками *фактическая* и *научныя* неточность. Не опредѣленное *причинами* только тогда случайно, когда оно подъ сурдиной предполагается неопредѣленнымъ и никакими *цѣлями*, или же когда мы заранѣе приняли уже, безъ критики, за вѣрное—положеніе, *что цѣли разума опредѣляютъ послѣдній какъ причины*, суть, какъ и всѣ причины, безусловно (неизмѣнно) предшествующія его опредѣленій. Но это предположеніе невѣрно уже потому, что „цѣль“ никогда не входитъ въ сознаніе *готовою* изъ безсознательной психической жизни или изъ области психическаго механизма. Даны сознанію готовыми изъ этого механизма — *потребности*, *желанія*, но не цѣли. Цѣль, какъ такая, непремѣнно *конструируется* сознаніемъ. Иначе и не можетъ быть, такъ какъ въ понятіи цѣли выражается не одна данная субъективная опредѣленность потребности или желанія, такъ же какъ и не одна данная опредѣленность объективнаго, внѣшнихъ, окружающихъ субъектъ условій—но не данное еще для сознанія приноровленіе, примѣненіе послѣдняго (объекта) къ первому (субъекту). Это же примѣненіе, въ случаѣ *непривычныхъ*, автоматичныхъ актовъ, должно необходимо быть дѣломъ *сознательной работы*. Ergo, понятія цѣли въ сознаніи *нѣтъ*, пока послѣднее ее не конструировало, а потому *цѣли* сознанія и не могутъ опредѣлять его подобно *причинамъ*, такъ какъ всякая причина, дабы быть ею, произвести слѣдствіе, должна быть *дана* съ готовою

опредѣленностью.[1] Мы должны, далѣе, назвать эту свободу произволомъ, совершенно неотличимымъ здѣсь отъ свободы, и— *эквилибристической* или *формальной свободой*, состоящей въ чистой возможности и способности къ дѣйствію (agilitas), ни въ чемъ еще не предопредѣляющей содержанія послѣдняго. Всѣ эти соображенія неизбѣжны для насъ, пока мы заботимся о сохраненіи понятія нравственной и юридической отвѣтственности. Свобода должна, съ этой точки зрѣнія, состоять въ *возможности* начать рядъ нравственныхъ событій дѣйствительно сначала, съ дѣйствительною причинностью; ее невозможно опредѣлить иначе, какъ свободой распоряженія своими силами съ исключеніемъ всякаго принужденія, какъ отвнѣ, такъ и изнутри. Если нельзя удержать понятія свободы въ этомъ смыслѣ, то ея вообще нѣтъ: всѣ попытки видоизмѣнить это опредѣленіе свободы уничтожаютъ самое ея понятіе.

4) Такъ, напримѣръ, вносятся совершенно чуждые этому понятію моменты, когда мы опредѣляемъ свободу, какъ способность дѣйствовать хорошо и дурно. При этомъ, во-первыхъ, не устраняется то затрудненіе, что изъ одной причины могутъ произойти противуположные результаты. Во-первыхъ, здѣсь уже примѣшивается къ тому или иному образу дѣйствія его нравственное качество, между тѣмъ, какъ требуется еще понять послѣднее. Наконецъ, это опредѣленіе непримѣнимо по меньшей мѣрѣ къ Богу, относительно котораго возможность зла должна быть, конечно, отрицаема. Но понятіе свободы, повидимому, должно быть одно и то же и для абсолютнаго, и для сотвореннаго духа, такъ какъ оно совершенно совпало съ понятіями духа, личности.

5) Другое возможное видоизмѣненіе понятія, съ цѣлью избѣжать указанныхъ неудобствъ, состоитъ въ томъ, что свободу опредѣляютъ какъ способность только къ одному роду нравственныхъ дѣйствій, добрыхъ или злыхъ. Такъ смягченное уче-

[1] Замѣтимъ теперь же, что указанное предположеніе необходимо (не говоря о матерьялистахъ, для которыхъ вообще сознаніе, а слѣдовательно и понятіе цѣли, есть только—*опредѣляемое* причинами, но само ничего и никакъ не опредѣляющее) только въ школѣ Гербарта, ибо по ея психологіи наши представленія, понятія etc. суть *механическія силы, сами по себѣ* уже опредѣленныя въ своемъ механическомъ взаимодѣйствіи и только опредѣляющія сознаніе (какъ и всякая *сила*, то-есть, причинно), а не опредѣляемыя имъ. Поэтому всего чаще мы и находимъ отождествленіе случайнаго съ безпричиннымъ у Гербарта и гербартіанцевъ; ср. напр., *Drobisch*: Moral-Statist. u. Willensfr., pp. 62—63).

ніе предопредѣленія приписываетъ человѣку только свободу къ злу, сводя его способность къ добру на помощь свыше, слѣдовательно, на опредѣленіе отвнѣ. Наоборотъ, общепринятое опредѣленіе свободы, въ смыслѣ свободы реальной, находитъ ее только въ выборѣ добра, между тѣмъ какъ зло остается актомъ несвободы и выводится изъ нѣкотораго рода рабства человѣка его чувственнымъ пожеланіямъ. Объ эти попытки взаимно уничтожаютъ одна другую уже потому, что свидѣтельствуютъ одна противъ другой; во всякомъ случаѣ при этомъ тотъ родъ дѣйствій, который исключается изъ сферы свободы, вмѣстѣ съ тѣмъ терялъ бы значеніе *нравственнаго*, eo ipso потерялъ бы это значеніе и противоположный родъ дѣйствій, неисключенный, такъ какъ свое нравственное опредѣленіе добрыя дѣйствія получаютъ только по противоположенію злымъ, и наоборотъ. Поэтому остается только принять выставленное уже выше опредѣленіе свободы. *Свобода есть или власть наша надъ своими хотѣніями, рѣшеніями для дѣйствія или бездѣйствія, для такого или иного дѣйствія,—или же ея вовсе нѣтъ.*

I.

Откуда возникаетъ у насъ представленіе о свободѣ?

Источникомъ представленія о свободѣ воли обыкновенно признается личное сознаніе человѣка. Такъ-ли это? Дѣйствительно-ли это представленіе можетъ быть извлечено только изъ области личнаго сознанія?

Этому, повидимому, противорѣчитъ тотъ фактъ, что человѣчество, въ младенческую пору своего развитія, видитъ во всѣхъ измѣняющихся явленіяхъ окружающаго міра, какъ органическаго, такъ и неорганическаго, свободно, изъ себя, лично дѣйствующія существа; что въ эту пору человѣкъ вообще причины измѣненія одного явленія ищетъ не внѣ его, не въ окружающихъ его, или предшествовавшихъ ему явленіяхъ, но въ *немъ самомъ*, въ присущей ему, или проявляющейся въ немъ волѣ, одаряя его такимъ образомъ самопроизвольностью, личностью. Лишь въ значительно-позднѣйшую пору начинаетъ человѣкъ обезличивать явленіе природы, приписывая измѣненія въ немъ уже другимъ, сосуществующимъ съ нимъ или предшествующимъ ему явленіямъ, сводя измѣненія этихъ послѣднихъ въ свою очередь

на другія и т. д. до безконечности, и, такимъ образомъ, давая понятію причины, понимавшемуся первоначально только въ смыслѣ „свободная воля“, то содержаніе, которое оно въ настоящее время имѣетъ для положительныхъ наукъ. Исторію этихъ эволюцій человѣчества мы можемъ прослѣдить и на исторіи развитія каждаго ребенка (не идіота). Что, въ самомъ дѣлѣ, означаетъ отношеніе ребенка къ неодушевленнымъ вещамъ (стулу, столу, картинкѣ, башмакамъ, палочкѣ), какъ къ своей ровнѣ, бесѣды его съ этими предметами, ссоры и примиреніе, дружба и вражда, или, напр., то обстоятельство, что и значительно развитой уже ребенокъ ничего не находитъ удивительнаго въ тѣхъ разумныхъ разговорахъ между животными, которые встрѣчаетъ въ предлагаемыхъ ему басняхъ,—что означаютъ эти общеизвѣстные факты, какъ не первобытно присущую и человѣку и человѣчеству страсть олицетворять, одарять разумомъ и свободною волей все то, чему онъ еще не узналъ причинныхъ, механическихъ, не свободныхъ и не изъ личнаго разума предметовъ истекающихъ, законовъ?

Однако, если бы вѣрованіе человѣка въ свою личную свободную волю проистекало только изъ этого общаго младенческаго первобытнаго міровоззрѣнія, основываясь такимъ образомъ лишь на *невѣдѣніи* человѣкомъ управляющихъ міромъ явленій, измѣненій и дѣйствій,—неизмѣненныхъ законовъ причинности,— то, съ замѣной этого младенческаго міровоззрѣнія другимъ, научно-развитымъ, устраняющимъ свободную волю изъ міра внѣшняго, у человѣка должна была бы падать и вѣра въ собственную свободу воли, должно было бы явиться сознаніе ложности этой вѣры, и иллюзія должна бы исчезнуть. Но на дѣлѣ отношеніе оказывается иное: младенческій человѣкъ *только потому* и видитъ весь міръ населеннымъ, подобно ему свободно дѣйствующими существами, что, зная первоначально *только себя самого*, въ найденномъ въ себѣ самомъ видитъ мѣрку и объясненіе и всего, что находится внѣ его. Прототипомъ дѣйствующей силы, производящей измѣненія и движенія *внѣ его,* человѣку можетъ служить только сознаваемое имъ въ себѣ усиліе его воли, [1] про-

[1] Усиліе, опредѣленное не только количественно, то-есть, въ степени энергіи, но и качественно, то-есть, по представляемымъ цѣли и направленію (и сознательно, а не безсознательно представляемымъ),—такое, сознаваемое нами въ себѣ, *опредѣленное* усиліе совершенно различно отъ Шопенгауэро-Гартманова понятія о волѣ, какъ пустой формѣ, реализующей

изводящей извѣстныя движенія ради сознаваемыхъ имъ въ себѣ же побужденій, чувствованій и желаній. Поэтому-то воля, побужденіе, чувство, желаніе и вносятся имъ въ безличные предметы внѣшняго міра, чтобы объяснить совершающіяся въ нихъ измѣненія дѣйствующими въ нихъ и производящими измѣненія силами. Таково *необходимое психологически* начало мышленія человѣческаго о мірѣ, гдѣ все представляется ему нравственнымъ существомъ, добрымъ или злымъ, подобно ему самому.

Нѣкоторые философы идутъ еще дальше: они признаютъ за этимъ распространеніемъ личнымъ сознаніемъ *своего* содержанія, по аналогіи, на то, что *внѣ* его,—значеніе не только психологическое, въ исторіи развитія мысли, но и *логическое*, то-есть, признаютъ его необходимою опорой и вполнѣ развитой, *научной* мысли (Ср. Ueberweg, System der Logik; *Шопенгауэръ:* d. Welt als Wille u. Vorstellung, B. II). И это совершенно понятно, ибо мы вообще *понимаемъ* только то, что *переживаемъ* сами. Многія, необходимыя и для объективныхъ наукъ, понятія не могутъ быть никогда заимствованы нами изъ объективнаго міра, но вносятся нами въ него изъ себя. [1] Таково, напр., понятіе *силы* дѣйствующей: міръ предметовъ на него не даетъ никакого намека. Въ

идеальное энергіи (объ этомъ у насъ рѣчь будетъ дальше). Соглашаясь съ Шопенгауэромъ въ томъ, что мы въ самосознаніи находимъ лишь *опредѣленныя* представленія желаній, мотивы и т. п., мы съ одной стороны видимъ ошибку его въ упущеніи того обстоятельства, что находимые нами въ самосознаніи мотивы, желанія и т. п. мы относимъ къ себѣ; съ другой же стороны, противъ Гартмана и Шопенгауэра утверждаемъ, что ни въ самосознаніи, ни въ объективномъ сознаніи, ни посредственно, ни непосредственно мы не находимъ воли, которая была бы *опредѣлена безсознательною*, — что мы и тамъ и здѣсь находимъ только *сознательныя представленія*, или какъ дѣятельныя или какъ *требующія* дѣятельности (что все равно); что, такимъ образомъ, отдѣленіе отъ сознанія *воли*, какъ самостоятельной метафизической или психической реальности, ни въ какомъ случаѣ несостоятельно.

[1] Почему и самый внѣшній міръ доступенъ намъ только въ формѣ состояній нашего собственнаго сознанія и послѣднія суть *единственные* истолкователи смысла всякаго объективнаго явленія и всей объективной природы въ ея цѣлости. Отсюда уже очевидно, какъ невѣрно понятіе Милля (Д. С.) и Бэна о личномъ сознаніи какъ объ „interpretation“ *внѣшняго* опыта, *слѣдующей* послѣднему. Если въ личномъ сознаніи и не дано еще *знанія* о внѣшнемъ мірѣ, то въ немъ и только въ немъ даны всѣ элементы этого знанія и весь его смыслъ. Затѣмъ, если личное сознаніе и служитъ *истолкователемъ* внѣшняго опыта, то отсюда отнюдь не слѣдуетъ еще,—до тщательнаго и непредубѣжденнаго анализа личнаго сознанія,—

этомъ мірѣ мы видимъ только *послѣдованія и сосуществованія* явленій (случайныя для ихъ собственной природы, такъ какъ время и пространство не полагаютъ между явленіями никакой *существенной*, внутренней связи и не даютъ, такимъ образомъ, сами по себѣ, никакого основанія для признанія законовъ послѣдовательности явленій законами *объективными* и всеобщими), но не взаимодѣйствіе ихъ, истекающее изъ ихъ собственной природы.[1] Сознавая себя дѣйствующимъ по своему желанію, произвольно (какъ ему кажется) измѣняющимъ свое положеніе, опредѣляющимъ усилія, нужныя для произведенія разныхъ движеній членовъ своихъ и перемѣщенія другихъ предметовъ, сознавая такимъ образомъ себя со своими хотѣніями за *причину* своихъ дѣйствій, младенческій человѣкъ тѣ же хотѣнія, ощущенія и ту же опредѣляющую сама себя къ дѣйствію силу (спонтанейность) предполагаетъ и въ предметахъ неодушевленнаго міра. Въ *сіо личномъ сознаніи такимъ образомъ корень* его сознанія о мірѣ, какъ совокупности одушевленныхъ и свободныхъ существъ, а не обратно. Поэтому, понятно, съ одной стороны, что замѣна его антропоморфическаго личнаго воззрѣнія на міръ воззрѣніемъ строго-научнымъ, видящимъ въ мірѣ лишь законы причин-

---

что оно истолковываетъ *только* предметы внѣшняго опыта, а не и *собственныя состоянія* (хотя бы, напр., истолковывая себѣ *значеніе* этихъ состояній *для себя*). Еще болѣе очевидно значеніе этого основанія въ области *эстетическаго*, въ томъ впечатлѣніи, какое производитъ на насъ напр. стихотвореніе, олицетворяющее силы природы. Внесеніе зрителемъ *человѣчнаго* элемента въ объекты созерцанія составляетъ, по нашему убѣжденію, *conditio sine qua non* эстетическаго наслажденія *тѣмъ-бы то ни было*, зданіемъ-ли, ландшафтомъ-ли, или и самою живою природой (*Бэнъ*: духъ и тѣло. *Знаніе*, 74, II, 65). Не въ этомъ-ли и корень безкорыстности эстетическаго наслажденія, какъ такого, которою оно отличается отъ наслажденія полезнымъ и пріятнымъ, гдѣ предметы его для насъ суть *только безличныя вещи?!* Не отсюда-ли и безусловное требованіе отъ предмета художественнаго созерцанія *органическаго* характера, то-есть, завершенности въ себѣ, законченности, внутренняго единства частей въ цѣломъ и т. п?! И самое эстетическое созерцаніе не есть-ли такое органическое единство всѣхъ операцій духа, какъ-бы *подтверждаемое* для сознанія художественнымъ объектомъ?!

[1] Это было доказано еще Юмомъ, но многіе забываютъ, что *послѣ* Юма было доказано Кантомъ, что на однихъ повторяющихся *для насъ*, *въ нашемъ* опытѣ, послѣдованіяхъ и сосуществованіяхъ явленій не могутъ основываться „законы природы“, всеобщіе и необходимые, *объективные*, въ отличіе отъ „эмпирическихъ законовъ“. Было это забыто, между прочимъ, и Д. С. Миллемъ въ Сист. Лог.

пости и изгоняющимъ изъ него всякій призракъ свободы, — не влечетъ еще за собою съ *логическою* необходимостью потерю человѣкомъ вѣры въ свою *личную* свободу воли, и затменія въ сознаніи факта этого убѣжденія. Съ другой стороны, фактъ сознанія свободы является здѣсь очевидно фактомъ только личнаго сознанія,—фактомъ, который человѣкъ находитъ въ *своемъ* сознаніи, но на который ничто объективное, сознаваемое имъ, какъ внѣ его сущее, не дало бы ему и малѣйшаго намека, если бы онъ не нашелъ этого факта сначала въ своемъ личномъ сознаніи и не перенесъ его отсюда уже на объективный міръ.

Но мы можемъ утверждать, что это не только *есть* фактъ личнаго сознанія, но что онъ и *можетъ быть* только такимъ фактомъ личнаго сознанія, ни изъ чего внѣшняго, *объективнаго не выводимымъ и ни въ чемъ объективномъ не находимымъ*. И дѣйствительно, если бы было иначе, если бы объективное сознаніе могло намъ дать представленіе свободы, то мы уже не имѣли бы никакого основанія не только утверждать *всеобщность* закона причинности, но, допустивъ существованіе хотя *одного предмета безъ* причины, не имѣли бы права *a priori* предполагать необходимость причины и для всякаго другаго, и *искать* ее, доколѣ *случайно* не подмѣтили бы связи его съ другимъ. А въ такомъ случаѣ былъ бы невозможенъ никакой сознательный опытъ, никакое обращеніе къ явленіямъ съ *вопросомъ* объ ихъ основаніяхъ.

Это, однако же, ничего не говоритъ противъ субъективной необходимости факта личнаго сознанія себя свободнымъ, и не предрѣшаетъ ничего относительно признанія или отрицанія дѣйствительнаго бытія утверждаемой въ немъ свободы воли. Объяснимся. Объективному сознанію, сознанію предметовъ внѣшняго міра, доступна воля, только ставшая *дѣйствіемъ*, только реализировавшаяся, проявившаяся *въ* объектахъ и *на* объектахъ. Воля во внѣшнемъ мірѣ *не видна*, она не объективный фактъ, видны же въ немъ только ея дѣйствія, отъ которыхъ уже и можемъ мы *заключать* къ ихъ причинѣ, волѣ. Дѣйствіе, такое, а не иное, есть *слѣдствіе* такого, а не иного опредѣленія воли, въ такихъ-то объективныхъ условіяхъ; будь это опредѣленіе причины акта другое, и его результатъ, дѣйствіе вышло бы иначе. Съ другой стороны, осуществившаяся во времени и пространствѣ воля есть такой же *реальный* дѣятель въ ряду другихъ, какъ и всѣ прочія явленія природы; подобно имъ и совершив-

БИБЛИОТЕКА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

шееся дѣйствіе есть одно изъ условій всего послѣдующаго и связано со всѣмъ сосуществующимъ; подобно имъ оно—и причина другихъ дѣйствій и само видоизмѣняется другими сосуществующими причинами. Измѣненіе, которое воля можетъ производить во внѣшнемъ мірѣ, возможно—далѣе—только въ предѣлахъ общихъ естественныхъ законовъ: съ ними воля въ *результатѣ* (то-есть, въ дѣйствіи) всегда сообразуется. Такимъ образомъ, совершившееся дѣйствіе, и какъ явленіе между существующими явленіями, и какъ результатъ такого или иного опредѣленія воли, дѣйствительно бывшаго и осуществившагося естественными средствами и по естественнымъ законамъ, безусловно подлежитъ всеобщему закону причинности, и какъ происшедшій изъ опредѣленной причины, и какъ выразившійся сообразно общимъ законамъ природы, и какъ продолжающій свое бытіе подъ тѣми же неизмѣнными законами причинности, какъ и всѣ прочія явленія міра, фактъ. Въ дѣйствіи, слѣдовательно, *насколько воля въ немъ подлежитъ объективному сознанію*, нѣтъ ни малѣйшаго указанія на что-либо, прерывающее безусловную цѣпь причинности, ни малѣйшаго намека на что-либо напоминающее свободу. [1]

Отсюда *очевидно*, *что не объективное сознаніе есть источникъ нашего* сознанія себя свободными, и что, слѣдовательно, никакое изслѣдованіе въ области предметовъ, доступныхъ только объективному сознанію, не можетъ насъ привести къ признанію дѣйствительности свободы воли. Но нельзя не замѣтить здѣсь также и того, что никакое изслѣдованіе дѣйствій, какъ подлежащихъ объективному сознанію *результатовъ* воли и *причинъ* другихъ измѣненій во внѣшнемъ мірѣ, не можетъ также привести и къ *отрицанію* дѣйствительности свободы воли. Не можетъ оно привести къ такому отрицанію потому, что ему доступно только *дѣйствительно совершившееся дѣйствіе*, какъ результатъ дѣйствительно совершившагося опредѣленія

---

[1] Воля совершенно зависитъ *въ своемъ проявленіи* отъ того механизма автоматическаго дѣйствія, который постепенно образуется въ подчиненныхъ центрахъ. Воля не можетъ ни успѣшно совершать новыхъ движеній, ни вообще какихъ-бы то ни было движеній, безъ руководящаго ощущенія какого-бы то ни было рода: образованіе органовъ чувствъ и постепенно совершенствующееся спеціальное приспособленіе ихъ реакцій составляютъ необходимыя, существенныя условія правильнаго развитія и дѣйствія воли (*Маудсли*: физ. и пат. души, с. 114).

воли; вопросъ же о дѣйствительной свободѣ или несвободѣ *самаго* опредѣленія воли, ставшаго причиною такого, а не инаго дѣйствія, этимъ изслѣдованіемъ пока еще и не затрогивается. Вопросъ о свободѣ воли, о свободѣ ея опредѣленія къ такому или иному дѣйствію, вовсе не вопросъ о свободѣ дѣйствія, когда это опредѣленіе уже состоялось. Какъ мы уже видѣли, вопросъ идетъ вовсе не о свободѣ *исполненія* рѣшенія воли, однажды состоявшагося,—это исполненіе всегда должно сообразоваться съ эмпирическими *данными* условіями и средствами, органическими-ли (собств. организація субъекта) или же внѣшними (естественныя и общественныя ограниченія),—а о свободѣ самой постановки рѣшенія, постановки, совершающейся только въ *личномъ* сознаніи, и только *въ немъ* доступной намъ.

Напрасно нѣкоторые мыслители стараются оставить послѣдній вопросъ въ тѣни, убѣждая насъ въ томъ, что намъ *нужно* рѣшить только первый политико-юридико-экономическій (приведу въ примѣръ хотя бы *Юма*). Скрывая отъ себя извѣстные вопросы, или отдѣлываясь отъ нихъ *не разсмотрѣніемъ самого предмета* (личное сознаніе свободы), а указаніемъ будто-бы неразрѣшимой *логической* трудности (безконечность въ velle velle) [1], мы можемъ себя только *успокоить*, но къ рѣшенію вопроса не подвинемся. Всѣ согласны въ томъ, что нѣтъ дѣйствія безъ причины, равно какъ нѣтъ и такихъ человѣческихъ *дѣйствій*, которыя не имѣли бы причины, будетъ-ли служить такою причиною безсознательно данное (рефлексъ, эффектъ, страсть, привычка), или же сознательно поставленное опредѣленіе воли. Поэтому не имѣетъ *никакой* силы противъ ученія о свободѣ воли человѣческой и за ея несвободу тотъ аргументъ, что въ мірѣ объективномъ, доступномъ объективному сознанію (куда принадлежатъ и совершившіяся дѣйствія) нѣтъ ни малѣйшаго слѣда свободы, но, наоборотъ, все указываетъ на безусловное господство причинности. Этотъ аргументъ былъ очень часто высказываемъ сторонниками детерминизма, но, къ сожалѣнію, высказывая его, они не хотѣли принять въ соображеніе того простого обстоятельства, что аргументъ этотъ самъ по себѣ еще вовсе не служитъ детерминистамъ въ пользу, а ихъ противникамъ во вредъ, такъ какъ оставляетъ открытыми коренные вопросы, а именно: свободна или нѣтъ самая *причина* дѣйствія,—

---

[1] И будто-бы менѣе немыслимая безконечность заключается въ „причинности причины?!“

воля опредѣленная такъ или иначе? Даетъ-ли она эту опредѣленность себѣ сама и свободно, или же получаетъ ее отвнѣ, такъ что принятіе ею такого или иного опредѣленія есть необходимое слѣдствіе *данныхъ* (въ ней самой и внѣ ея) причинъ? Говоря иначе, детерминисты забываютъ, что вопросъ идетъ именно о свободѣ *рѣшенія, опредѣленія* воли, а не о свободѣ *дѣйствія такой воли*, рѣшеніе которой однажды уже состоялось. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь, вѣроятно, не нашлось бы ни одного человѣка, который пожелалъ бы себѣ *такую* независимость своего дѣйствія отъ своего рѣшенія воли и сдѣлалъ бы изъ этой независимости философему и притомъ—одну изъ труднѣйшихъ!

Предшествующія замѣчанія даютъ намъ право на слѣдующія два заключенія: во-первыхъ, міръ внѣшнихъ явленій, доступный объективному сознанію, не заключаетъ въ себѣ повода къ образованію представленія свободы воли, и это представленіе выведено, получено изъ сферы объективнаго сознанія быть не можетъ; во-вторыхъ, рѣшенія вопроса о дѣйствительномъ бытіи или небытіи свободы воли должно ожидать отъ изслѣдованія, имѣющаго предметомъ не внѣшній міръ, а самую данную въ *личномъ* сознаніи личную волю и процессы, законы, по которымъ слагаются ея опредѣленія, становящіяся причинами дѣйствій. Въ числѣ факторовъ сознательной воли заключается и *личное сознаніе съ его законами, необходимо принадлежащее такимъ образомъ къ числу предметовъ, съ которыми должно имѣть дѣло изслѣдованіе о свободѣ воли.*

II.

Несостоятельность Шопенгауэрова толкованія природы личнаго сознанія [1].

Итакъ, источника представленія свободы можно искать только въ личномъ сознаніи человѣка. Однако, были мыслители, смотрѣвшіе на дѣло иначе. Такъ Шопенгауэръ, поставивъ въ своемъ

---

[1] Ср., для дополненія этой главы, стр. 61—67 упомянутой выше брошюры П. Е—а: *„Къ вопросу о свободѣ воли“*.—Мнѣнія Шопенгауэра, даже и въ текстѣ, П. Е. часто въ этой главѣ приводитъ въ подлинникѣ; но мы сочли болѣе удобнымъ замѣнить въ текстѣ подлинныя выдержки русскимъ переводомъ (по 2-му изд. перевода *Черниговца*, Спб. 1887). По этому же переводу здѣсь цитируются и страницы трактата Шопенгауэра.—*А. В.*

трактатѣ: „Свобода воли и основы морали“ вопросъ о томъ, находится-ли въ содержаніи самосознанія представленіе свободы, отвѣчаетъ на этотъ вопросъ отрицательно. Разбирая содержаніе самосознанія, онъ находитъ въ немъ только *опредѣленныя, такія, а не иныя*, отдѣльныя стремленія, хотѣнія, чувствованія и т. п. и *ничего больше*, никакого представленія свободы [1]. Шопенгауэръ считаетъ самосознаніе (которое, по нашему взгляду, какъ сознаніе сознанія, отрицаемое имъ, есть условіе и основаніе всякаго *отчетнаго* мышленія) за самый *бѣдный* органъ и *источникъ* познанія. Самосознаніе не указываетъ, по его мнѣнію, на *условія и основанія* нашихъ хотѣній, а только сообщаетъ намъ о *фактѣ* ихъ существованія. „Послѣднее основаніе свое это обстоятельство имѣетъ,—говоритъ онъ,—въ томъ, что воля человѣка (хотѣніе—слѣдовало бы ему сказать) есть собственное его *я*, истинная сущность его: вслѣдствіе этого и составляетъ она основаніе его сознанія, какъ нѣчто просто *данное* ему, *сущее*, дальше котораго оно не идетъ“ (стр. 28). Говоря иначе, въ самосознаніи содержится одно хотѣніе,—но не *основанія*, опредѣляющія его, которыя принадлежатъ сознанію предметовъ, то-есть, познавательной способности. Когда, въ вопросѣ о *свободѣ хотѣній* своихъ, человѣкъ, основываясь на показаніи самосознанія, говоритъ: я хочу, *потому что* я хочу,—то онъ только тождествословитъ, потому что его загнали здѣсь въ сокровеннѣйшее существо его самосознанія, гдѣ онъ находитъ *свое я и свое хотѣніе неразличимыми*, но гдѣ и не остается ничего для обсужденія обоихъ. Показаніе самосознанія о свободѣ хотѣній относится къ нимъ только a parte post (то-есть, я могу сдѣлать то-то, *если* хочу); между тѣмъ какъ вопросъ о свободѣ—a parte ante (объ условіяхъ самого хотѣнія, стр. 31). Такимъ образомъ, *объективное* отношеніе *я* къ своимъ хотѣніямъ, различеніе въ самосознаніи хотящаго я отъ его хотѣнія *того-то или другаго*, сужденіе самосознанія о хотѣніяхъ, какъ случайныхъ, возможныхъ или необходимыхъ для него самого: все это у Шопенгауэра частію отрицается, частію игнорируется, на томъ основаніи, что въ самосознаніи *я* будто-бы совпадаетъ съ своимъ частнымъ *хотѣніемъ*. Но развѣ такое самосознаніе есть *само-*

[1] Мы не понимаемъ, однако, какъ можно въ самосознаніи найти опредѣленное хотѣніе или стремленіе *безъ прибавки*: *мое* хотѣніе, *мое* стремленіе?! Самосознаніе именно тѣмъ и характеризуется, что субъектъ въ немъ *все* свое содержаніе относитъ *къ себѣ*...

сознаніе, гдѣ *я—объектъ* для себя? Если Шопенгауэръ находитъ въ самосознаніи одни опредѣленныя *хотѣнія*; если онъ говоритъ, что въ самосознаніи мы познаемъ себя только какъ *хотящихъ* (стр. 13), а всякое хотѣніе есть хотѣніе *чего-нибудь*; если съ другой стороны, онъ утверждаетъ, что въ самосознаніи намъ дана *сущность* нашего *я*, воля: то онъ самъ себѣ противорѣчитъ. Воля, какъ сущность, по его опредѣленію, есть воля безсознательная; хотѣніе же *чего-нибудь* невозможно безъ интеллекта, безъ *представленія*, хотя бы и смутнаго, о томъ, чего мы хотимъ. Поэтому одно изъ двухъ: или, находя въ самосознаніи *отдѣльныя* хотѣнія, мы находимъ только волю подъ опредѣленіями сознанія, то-есть, *не* Шопенгауэрову волю—сущность; или же это — воля безсознательная, воля не *опредѣленная*, не воля *чего-нибудь* частнаго. Въ первомъ случаѣ самосознаніе было бы уже не сознаніемъ *воли*, какъ такой, а *сознаніемъ сознанія*-же; во-второмъ же случаѣ воля, сознаваемая нами въ себѣ, была бы уже не хотѣніемъ чего-нибудь, но *хотѣніемъ хотѣнія*. Но Шопенгауэръ отрицаетъ и сознаніе сознанія и хотѣніе хотѣнія; и это отрицаніе въ его системѣ *необходимо*, такъ какъ иначе интеллектъ въ самосознаніи познавалъ бы только *себя*-же, а не *волю, какъ свою* сущность, а при такомъ характерѣ самосознанія у Шопенгауэра исчезло бы всякое основаніе къ тому, чтобы признать фундаментомъ вселенной, сущностью—волю, ибо исчезла бы возможность признать *въ самосознаніи* тождество субъекта и объекта.

Здѣсь именно, въ анализѣ самосознанія и открывается несостоятельность всей его системы. Въ самосознаніи дано не представленіе о волѣ,—но или мое представленіе, сознаваемое мною, *какъ мое* (сознаніе сознанія), или,—мое хотѣніе, котораго я хочу, *какъ своего* (хотѣніе хотѣнія). Мы дальше увидимъ, насколько состоятельно такое раздѣленіе интеллекта и воли, какое мы находимъ у Шопенгауэра (Ср. *Liebmann*: Kant und d. Epigon., S. 199): сами мы его отрицаемъ. Здѣсь же указываемъ только на немыслимость *его* самосознанія, будто-бы заключающаго въ себѣ лишь отдѣльныя, опредѣленныя, данныя готовыми *хотѣнія*, не связанныя во едино тѣмъ ихъ свойствомъ, что я сознаю ихъ, какъ *свои*. Отрицая сознаніе своихъ хотѣній, *какъ своихъ*, Шопенгауэръ отрицаетъ *сознаніе сознанія*, именно сознаніе *я*, отдѣляющаго себя отъ своего, сознаваемаго какъ свое, содержанія (хотѣній и представленій) и, въ силу этого, могущаго относиться

къ нимъ (сознательно) *объективно*,—*я* не опредѣленнаго (для самого сознанія) ни однимъ изъ содержащихся въ немъ частныхъ представленій и хотѣній *исключительно*, необходимо.

На этомъ самораздвоеніи *я* въ самосознаніи, на этомъ объективномъ отношеніи его къ своему содержанію, нѣкоторые философы основываютъ *всю* возможность свободы воли, то-есть, всю возможность для личнаго сознанія самостоятельно *ставить* себѣ свои представленія и хотѣнія,—а не брать ихъ *готовыми, данными* ему неизвѣстно какъ, откуда и *для чего*, съ извѣстною опредѣляющею силой. Для Шопенгауэра же всѣ хотѣнія, находимыя въ самосознаніи, суть прямо *данныя* хотѣнія—и punctum! Но хотѣніе, которое я сознаю, какъ *свое*, имѣющее быть осуществленнымъ чрезъ мою *возможную* дѣятельность, для моего личнаго сознанія есть еще не рѣшенное, такъ сказать, не окончательное хотѣніе, но сознаваемое мною, какъ *только возможное для меня, находящееся въ моей власти*. Это же послѣднее *сознаніе мною моей власти надъ своими* представленіями и хотѣніями, конечно, не остается безъ *реальнаго* вліянія на *значеніе* ихъ *для меня*, на *необходимость*, съ которою они опредѣляютъ *мое-же* сознаніе, на *силу* ихъ въ борьбѣ съ другими представленіями этого же, моего сознанія. Во всякомъ случаѣ, тамъ, гдѣ поставленъ вопросъ о свободѣ или несвободѣ хотѣній личнаго сознанія,—нельзя брать хотѣніе, какъ *объектъ природы*, данный мнѣ самостоятельно, безъ *отношенія* къ личному сознанію, котораго хотѣніе оно есть и которое сознаетъ его, какъ свое. Вѣдь вопросъ о свободѣ хотѣнія есть именно вопросъ *объ отношеніи содержанія хотѣнія* (*какъ опредѣляющаго сознаніе*) *къ тому сознанію, которое его сознаетъ, какъ свое хотѣніе*. Въ упущеніи изъ виду этой черты самосознанія,—отнесенія имъ своего содержанія *къ себѣ*, вслѣдствіе чего это содержаніе перестаетъ быть даннымъ съ *готовою* силой, опредѣляющею сознаніе только такъ, а не иначе, подобно причинамъ въ природѣ,—главная ошибка Шопенгауэра, и только вслѣдствіе этой ошибки и не нашелъ Шопенгауэръ въ самосознаніи данныхъ къ образованію *представленія личнаго сознанія* о своей свободѣ.[1] А между тѣмъ эта прибавка: *мое* понятіе, *мое* хотѣніе и т. д. вовсе не малозначительна.

[1] На этомъ-же непризнаніи апперцепціи(самосознанія, сознанія сознанія) за необходимую форму и сознательной воли нашей, а не одного познающаго разума, основано у Шопенгауэра и отрицаніе Кантова понятія *практическаго разума*, отрицаніе имъ элемента a priori (всеобщаго и

Едва-ли есть что-либо, болѣе всеобще и необходимо обусловливающее *всѣ* дѣятельности сознанія—и теоретическую, и практическую, и эстететическую, — чѣмъ это отнесеніе сознающимъ субъектомъ своихъ представленій, хотѣній и т. п. *къ себѣ*. Знакомые съ научною философіей поймутъ меня уже здѣсь; для тѣхъ же, кому не случалось думать, или слыхать и читать объ изумительно богатой послѣдствіями для сознательныхъ дѣятельностей роли этого отнесенія человѣкомъ своихъ представленій къ себѣ, приведу одинъ совершенно очевидный примѣръ этой роли. *Все движеніе* научнаго, *критическаго* мышленія,—и начало его и середина и конецъ, — совершается подъ руководствомъ категорій такъ-называемой модальности,—понятій *дѣйствительнаго*, только даннаго, *случайнаго и необходимаго*, — по которымъ различаются всѣ наши сужденія, какъ ассерторическія, проблематическія и аподиктическія (сужденія, утверждающія простое бытіе, возможность бытія и необходимость его). Только по этимъ категоріямъ различаются мнѣніе, догадка и знаніе. Ни одна категорія, какъ вѣрно замѣчаетъ Тренделенбургъ, не затрогиваетъ такъ глубоко сущность научнаго мышленія, какъ категоріи модальности. Но что такое выражаютъ эти необходимыя категоріи модальности? Не что иное, какъ рѣшеніе самого субъекта, мыслящаго о томъ, какъ онъ (его сознаніе, *я*) долженъ относиться *самъ* къ предлежащимъ ему сужденіямъ о вещахъ, *къ своимъ же мыслямъ*, — какъ къ простымъ-ли утвержденіямъ или какъ къ допускаемымъ на время возможностямъ, или какъ къ необходимымъ, обязательнымъ для него истинамъ? Но эти во-

---

необходимаго *до* и *помимо* всякаго опыта) въ сознательной волѣ и т. п. Но не трудно видѣть, что признавая всеобщія и необходимыя и слѣдовательно апріорныя формы (законы) *одной* дѣятельности сознанія (познающей), мы должны признавать апріорныя, всеобщія и необходимыя формы (законы) и для другаго вида дѣятельности *того же* сознанія (сознательнаго воленія); отрицая же элементъ a priori въ одной области, мы должны отрицать его и въ другой. И *единственное* свое основаніе элементъ a priori въ сознаніи (всеобщее законодательство мысли познающей и сознательной воли) *можетъ имѣть и имѣетъ* только въ *апперцептивной* (соотносящейся къ себѣ) *формѣ* сознанія, апріорной, не заимствуемой ни изъ какого опыта, ибо составляющей *условіе* самой возможности опыта (такъ какъ самое понятіе *объекта* опыта невозможно безъ противоположенія субъекту, слѣд. апперцепціи), всеобщей и необходимой, почему и законы, a priori слѣдующіе изъ этой формы апперцепціи, сами суть всеобщія и необходимыя законодательства.

просы и классификація по нимъ представленій нашихъ имѣютъ очевиднымъ предположеніемъ своимъ *отнесеніе мыслящимъ человѣкомъ представленій своихъ къ себѣ.*

Если бы Шопенгауэръ не пропустилъ этой составляющей *все* самосознаніе черты его въ перечисленіи содержанія самосознанія, то можетъ быть онъ нашелъ бы, что отнесеніе субъектомъ самосознающимъ *своихъ хотѣній къ себѣ* есть, если и не самое представленіе свободы, то быть можетъ—первый зародышъ, изъ котораго это представленіе развивается, и дальнѣйшіе отдѣлы его, очень изящно написаннаго, но основаннаго на ошибкѣ, трактата и самый результатъ его, вѣроятно, были бы тогда другіе.[1]

Утверждая, что въ самосознаніи не дано будто-бы представленія свободы, Шопенгауэръ, однако, какъ извѣстно, удерживаетъ понятіе о ней, хотя въ нѣкоторомъ иномъ слыслѣ,— не въ эмпирическомъ, но въ *трансцендентальномъ* (превышающемъ опытъ). На какомъ же именно основаніи мы должны признать, по Шопенгауэру, эту *трансцендентальную* свободу, раньше всякаго опыта и независимо отъ него опредѣляющую весь нашъ образъ дѣйствій или *характеръ?* На трансцендентальный свободный актъ опредѣленія характера не дастъ конечно, и не можетъ дать, по самому существу дѣла, *прямого* указанія ни самосознаніе, ни сознаніе объектовъ [2]. Но можетъ быть въ ко-

[1] Пропустивъ это свойство самосознанія, Шопенгауэръ думаетъ, что далъ *прямое доказательство* того, что въ самосознаніи нѣтъ представленія свободы; но есть у него и очень любопытное *непрямое* доказательство этого же положенія. Доказавъ, что въ сферѣ *объективнаго* сознанія нѣтъ свободы, но безусловно царитъ законъ основанія, что *слѣдовательно* (это „слѣдовательно“ интересно!) свобода невозможна *вообще*, онъ заключаетъ a non posse ad non esse, и кончаетъ: was überhaupt nicht vorhanden ist, kann auch nicht im Selbstbewusstsein Data haben (откуда это предположеніе въ системѣ, строжайшимъ образомъ раздѣляющей субъектъ и объектъ, самосознаніе и сознаніе объективное?), aus denen es sich beweisen liesse... Можно бы назначить премію тому, кто найдетъ здѣсь доказательство, да еще и не прямое!

[2] Eine sogenannte intelligible That, die nicht einmal ein regelmässig fortlaufendes Thun darstellt, die sogar ohne alle Succession gedacht werden soll und eben desshalb gar keine weitere Entwickelung, gar keine Verbesserung zulässt, ist nicht mehr noch weniger als der klare Zufall (*Herbart*, B. I, p. 210). Актъ трансцедентальной свободы дѣйствительно гораздо болѣе совпадаетъ съ *случаемъ*, чѣмъ отождествляемый съ послѣднимъ актъ эмпирической liberi arbitrii indifferentiae,—ибо трансцендентальный актъ есть не только актъ *безъ причинъ*, но и безъ *цѣлей* (какъ совершающійся *внѣ* и *до* сознанія), тогда какъ свобода *выбора* не опредѣлена *только* причинами и цѣлями, *какъ причинами*.

торомъ нибудь изъ нихъ есть данныя, изъ которыхъ можно косвенно *вывести* этотъ актъ?— „Существуетъ,—говоритъ Шопенгауэръ въ отвѣтъ на этотъ вопросъ,—существуетъ одинъ фактъ сознанія: это именно вполнѣ ясное и достовѣрное чувство *отвѣтственности* за то, что̀ мы дѣлаемъ, *вмѣняемость* нашихъ дѣяній, основанная на непоколебимой увѣренности, что мы сами дѣятели, совершители своихъ дѣяній“ (96). Однако,—спросимъ мы у Шопенгауэра,—развѣ этотъ фактъ данъ въ *томъ* самосознаніи, которое онъ призналъ въ началѣ трактата? По опредѣленію его, въ самосознаніи вѣдь есть одни частныя, *эти*, а не другія *хотѣнія*, (безъ прибавки *мои*, мною поставленныя), а въ нихъ, какъ такихъ, нѣтъ ни малѣйшаго указанія на *вмѣняемость*, *отвѣтственность*. Это во-первыхъ. Во-вторыхъ, это сознаніе отвѣтственности не можетъ быть, конечно, и фактомъ сознанія внѣшняго міра, гдѣ есть только совершающееся, а не *долженствующее* быть. Вообще понятіе отвѣтственности за дѣянія, *какъ* добрыя или злыя, въ систему Шопенгауэра не годится, ибо этика, по его мнѣнію, должна *описывать* совершающееся, а не устанавливать *нормы* должнаго, понятіе котораго будто-бы есть petitio principii. Съ другой стороны, актъ трансцендентальной, неопредѣленной ничѣмъ, но однако опредѣляющей такъ или иначе себя свободы подлежитъ всѣмъ возраженіямъ, которыя Шопенгауэръ такъ побѣдоносно выставляетъ противъ liberum arbitrium indifferentiae: здѣсь есть и essentia sine existententia, и regressus ad infinitum, да ко всему этому, невозможный *актъ вѣ*-времени. [1]. Затѣмъ, по смыслу ученія Шопенгауэра, нельзя вмѣнять человѣку *отдѣльнаго* дѣянія, ибо совершившій *одно* преступленіе этимъ открываетъ свой *неизмѣнно*-злой характеръ. „Дѣяніе вмѣстѣ съ мотивомъ,—говоритъ Шопенгауэръ,—принимается въ соображеніе только какъ свидѣтельство характера виновника; но имѣетъ, однако-же, значеніе достовѣрнаго симптома этого характера, которымъ человѣкъ установленъ навсегда и безпово-

[1] Притомъ, такъ какъ трансцендентальный актъ есть актъ *безсознательной* и *единой* воли, то не видно, почему можно ограничивать, съ Шопенгауэромъ, его дѣйствіе, опредѣленіе интеллигибельнаго характера, одними *человѣческими* характерами? почему отрицать трансцендентальную свободу и слѣд. отвѣтственность у животныхъ? Различіе въ *степени* индивидуаціи въ характерахъ животнаго и человѣка для Шопенгауэра не можетъ имѣть здѣсь силы, ибо различія *степени* принадлежатъ только явленію; актъ-же свободы есть актъ трансцендентальный и совершающійся *безъ* и *до* самосознанія, выражающаго именно высшую индивидуальность человѣка сравнительно съ животнымъ.

ротно“ (97). Однажды потерянная честь не возстановима; кто однажды укралъ, тотъ на-вѣки воръ и т. д. Но тогда почему не назначать за всякое преступленіе срокъ наказанія пожизненный. Вѣдь при неизмѣнности, поставленнаго трансцендентнымъ актомъ характера, вся жизнь имѣвшаго однажды злую волю, будетъ *одно* постоянное преступленіе, и человѣку вмѣняется не его дѣяніе, но самое бытіе его характера [1]. Какъ, при этихъ промиссахъ, возможно воспитаніе и исправленіе? Шопенгауэръ признаетъ, что и воспитаніе и пенитенціарная система имѣютъ задачей исправленіе не *воли*, а *головы*, пополненіе и исправленіе нашихъ *знаній*,— не измѣненіе направленія *желаній*, а указаніе иныхъ лучшихъ путей и средствъ ихъ осуществленія. Но этимъ едва ли удовлетворится кто-нибудь! Наконецъ, *сознаніе собственной вины* и раскаяніе въ этой системѣ также невозможно. Шопенгауэръ опредѣляетъ это сознаніе вины такъ: „Всякій человѣкъ очень хорошо видитъ, что необходимость (его дѣянія) имѣетъ *субъективное* условіе и что *объективно*,—то-есть при существующихъ обстоятельствахъ, слѣдовательно, подъ дѣйствіемъ опредѣленныхъ его мотивовъ,—все-таки вполнѣ былъ возможенъ иной, даже вполнѣ противоположный поступокъ, который и могъ бы осуществиться, если бы только онъ былъ другимъ человѣкомъ“ (96). Но Шопенгауэръ самъ признаетъ всѣ подобныя разсужденія прямо „глупыми“ (dumm) и именно (на стр. 28) выражается по этому поводу такъ: „спрашивать человѣка, можетъ-ли онъ также хотѣть и иначе, чѣмъ онъ хочетъ, значило-бы все равно, что спрашивать его, можетъ-ли онъ быть другимъ, чѣмъ онъ есть,— *а этого онъ не знаетъ*“. На этомъ основаніи можно бы вмѣнять и силамъ природы ихъ дѣйствія, ибо и ихъ дѣйствія были бы не тѣ, *если бы онѣ сами были другія*. И можно-ли меня винить за дѣйствіе субъективно-необходимое, на томъ основаніи, *что объективно* (objective) было возможно другое? Какимъ образомъ можно требовать отъ меня *субъективно-невозможнаго*, потому

---

[1] Затѣмъ не должно забывать и трудности познанія *дѣйствительнаго* характера человѣка изъ его дѣйствій,—познанія, которое для вмѣненія, въ системѣ Шопенгауэра, есть необходимое предъусловіе и при неточности котораго самое вмѣненіе характеру представлялось бы всегда гадательнымъ, случайнымъ. О трудностяхъ этого познанія см. у Д. С. Милля: *Система Логики*, II, стр. 438 и сл. Дальше мы увидимъ *невозможность*, въ системѣ Шопенгауэра, заключенія отъ *намѣреннаго* дѣйствія къ характеру; заключеніе же къ характеру отъ дѣйствія *ненамѣреннаго* есть очевидное contraditio in adjecto!

только, что оно объективно возможно? Шопенгауэръ обходитъ эти вопросы о необходимомъ, то-есть внутреннемъ основаніи вмѣненія, ergo—нравственнаго сужденія, ergo—нравственнаго закона. А вѣдь это—вся этика! [1].

Мы дальше еще вернемся къ критикѣ Шопенгауэрова ученія о трансцендентальной свободѣ. Теперь же напомнимъ его основныя ошибки. Этихъ ошибокъ—двѣ: во-первыхъ, Шопенгауэръ *произвольно* урѣзываетъ содержаніе самосознанія; во-вторыхъ, какъ только-что замѣчено, онъ *обходитъ* именно тѣ вопросы, которые всегда и справедливо считались основными въ области этики.

III.

Необходимость для рѣшенія вопроса о свободѣ воли точнаго изученія фактовъ личнаго сознанія.

Доселѣ мы главнымъ образомъ стремились установить, что свобода воли есть *только* фактъ личнаго сознанія; что, поэтому, изслѣдованіе о свободѣ только и можетъ исходить изъ этого факта: для рѣшенія вопроса о свободѣ воли,—таковъ нашъ выводъ изъ предыдущаго,—прежде всего необходимо точное изученіе этого, равно какъ и другихъ, съ нимъ связанныхъ, фактовъ личнаго сознанія. Остановимся здѣсь нѣсколько подробнѣе на раскрытіи нашего тезиса.

---

[1] Шопенгауэръ, подобно большинству критиковъ Кантовой нравственной системы (особенно изъ Гербартіанцевъ), указываетъ ошибку Канта въ этой области въ томъ, что Кантъ начинаетъ здѣсь изслѣдованіе прямо съ понятія закона, какъ *даннаго*, между тѣмъ какъ законъ-де есть не начало, а конецъ системы, самая высшая, послѣдняя абстракція. Мы видимъ въ подобномъ разсужденіи только недоразумѣніе. *Всякая* наука, а слѣдовательно и этика, имѣетъ дѣло съ какимъ-либо *даннымъ* предметомъ. Каковы же данныя, возбуждающія вопросы этики, обусловливающія самую ея возможность? Это—*факты нравственнаго сужденія*, то-есть сужденія о дѣйствіяхъ, какъ добрыхъ или злыхъ. Если бы не было этого факта, то не было бы и этики. Но всякое сужденіе о единичномъ явленіи (не тождественное) возможно только на основаніи какой-либо общей нормы, подъ которую явленіе подводится,—*общаго закона*. Понятіе закона, какъ общаго (иной законъ—не законъ), *дано*, такимъ образомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ фактомъ, съ котораго ближе всего можетъ начинать этика. Можно, конечно, идти дальше Канта и объяснять самую *необходимость* этого исходнаго факта (нравственнаго сужденія) изъ другаго, болѣе элементарнаго, напримѣръ, изъ анализа моментовъ дѣйствія; но если не сдѣлалъ этого Кантъ, то не сдѣлали и Шопенгауэръ и Гербартіанцы,—и мы далѣе увидимъ, почему не сдѣлали.

Законность требованія такого изученія будетъ для насъ совершенно очевидна, если мы обратимъ вниманіе на связь свободы воли съ такъ называемою *нравственною* свободой. Всѣ соглашаются въ томъ, что человѣкъ только въ той мѣрѣ нравственное лицо, въ какой онъ сознателенъ. Кантъ начинаетъ одно изъ важнѣйшихъ для этики изслѣдованій Grundlegung zur Metaphysik der Sitten словами: „всѣ существа міра дѣйствуютъ по законамъ, одинъ только человѣкъ — по представленію законовъ“. И мы далѣе увидимъ, что нравственное лицо, и по существу дѣла, и по традиціоннымъ юридическимъ и моральнымъ понятіямъ, есть лишь то лицо, *которое само судитъ о себѣ*, какъ объ источникѣ злыхъ или добрыхъ дѣяній [1]. Все это предполагаетъ *сознаніе*. Далѣе,— рѣшая вопросъ о дѣйствительномъ бытіи, или небытіи свободы воли, — разсматривая факторы, участвующіе въ сложеніи нравственно судимаго дѣянія, и

---

[1] Только въ этомъ основаніе ограниченія области нравственнаго одними самосознающими существами. Въ самосознаніи, въ нравственномъ сужденіи человѣка о себѣ, какъ источникѣ поступковъ своихъ, и видятъ право и мораль внутреннее основаніе вмѣненія, наказанія: ибо видятъ возможность *свободы*. Нѣкоторые отрицаютъ связь между свободой и основаніемъ вмѣненія и наказанія. „Напрасно думаютъ современные криминалисты,“ говоритъ Неклюдовъ (Берперъ уч. угол. права, с. 88), что вопросъ о правѣ наказывать предполагаетъ утвердительное рѣшеніе вопроса о произволѣ. Это было бы дѣйствительно напрасно, если бы вопросъ о правѣ наказанія могъ быть поставленъ такъ: „имѣетъ-ли общество право *гарантировать* себя отъ преступленій“ (ibib., с. 91) посредствомъ *насилія*, надъ преступникомъ-ли, несчастнымъ-ли, сумасшедшимъ-ли — все равно? (ibid. 91). Но вопроса *такъ* поставить нельзя, не противорѣча *всѣмъ* основнымъ понятіямъ права, — не противорѣча понятію о нравственномъ и правовомъ лицѣ, какъ *самоцѣли*, persona sui juris — а не простомъ *средствѣ* для внѣшнихъ цѣлей. При послѣднемъ исчезаетъ различіе лица и вещи, и не имѣетъ смысла положеніе, что omnia jura hominum causa constituta sunt. Вопросъ о правѣ не вопросъ о необходимой оборонѣ, — а между тѣмъ вопросъ поставленный г. Неклюдовымъ — послѣдній. Если право наказанія основывается на насильственной самозащитѣ общества, то почему не признается права на подобную же самозащиту *противъ* общества и у мнимаго, признаваемаго таковымъ съ точки зрѣнія *послѣдняго*, преступника? Потому что общество *больше?* Но развѣ количественное превосходство даетъ правду и права? Вѣдь оно отравило Сократа, распяло Христа, сожгло Бруно и т. под.! Или потому, что общество *сильнѣе?* Но это вопросъ факта, а не права. И одно лицо можетъ быть нравственно сильнѣе цѣлаго общества, свѣдущѣе, хитрѣе, ловчѣе, рѣшительнѣе и т. под. „Ни отдѣльное лицо“, продолжаетъ г. Неклюдовъ оправдывать наказаніе съ *своей* точки зрѣнія, „ни общество не наказываютъ, въ общей массѣ, *произвольно*. Человѣкъ, вступая, такъ сказать, въ круговоротъ жизненныхъ явленій,

оцѣнивая это значеніе ихъ по отношенію къ этому ихъ результату, перечисляютъ, между прочимъ: цѣль, мотивъ, желаніе, чувство, умышленіе, намѣреніе, рѣшеніе, сужденіе и т. под. *сознательные* элементы. Не упускаютъ изъ виду и вліяніе однихъ изъ этихъ сознательныхъ элементовъ дѣйствія на орудія. Въ то же время, въ числѣ мотивовъ, считаютъ и мотивы *нравственные*, т. е. *представленія* закона; и законъ физическій отличаютъ отъ нравственнаго, какъ дѣйствующій на насъ и черезъ насъ *независимо* отъ нашего представленія о немъ. Мотивъ отличаютъ отъ прочихъ формъ закона причинности,—какъ такой видъ причинъ, которыя дѣйствуютъ *черезъ* сознаніе или даже познаніе ихъ (Шопенгауэръ). Говорятъ, — вслѣдъ за схоластиками,—что causa finalis movet non secundum suum esse reale, sed secundum suum esse cognitum. Доходятъ до того, что самый нравственный законъ отождествляютъ съ нормою свободы. При этомъ, къ какой-бы философской школѣ мыслитель ни принадлежалъ,—будетъ-ли онъ детерминистъ, или защитникъ свободы, — но, рѣшая споръ о дѣйствительномъ бытіи или небытіи свободы, онъ непремѣнно говоритъ о томъ, *нужна-ли*, или не нужна свобода для этой *сознательной* среды нравственнаго. Кажется, при всемъ этомъ, да еще при знаніи, что свобода между прочимъ есть и фактъ личнаго (слѣдов., и нравственнаго) сознанія (если не фактъ *только* этого сознанія) — какъ бы не прійдти къ мысли о необходимости изслѣдовать значеніе *представленія нашего сознанія* о свободѣ воли для прочихъ представленій, его участія во всѣхъ дѣятельностяхъ

дѣйствуетъ, руководствуясь своимъ разсудкомъ, *а одна изъ составныхъ* частей этого разсудка — идеянаказанія" (89). Но это не оправданіе, ибо 1) въ разсудкѣ есть и много нелѣпыхъ идей, не оправдываемыхъ тѣмъ только, что *онъ есть*; 2) не видно, дѣйствуетъ-ли эта идея—и почему—на нашъ, способный къ критикѣ, разсудокъ, съ неотразимою *необходимостью*; 3) вопросъ не въ томъ, *произвольно-ли* общество наказываетъ преступника, или по необходимости, а—*по какому праву* оно наказываетъ (причиняетъ страданія) *не свободнаго* агента, преступника (отъ котораго вредныя намъ вещи отличаются тѣмъ, что *не* страдаютъ, подчиняясь нашей самозащитѣ). Основаніи *права* наказанія можно искать только въ *сознаваемой вообще* (и преступникомъ, и обществомъ) и поэтому *внутренней* необходимости нравственнаго лица, а не *во внѣшнихъ* ему эмпирическихъ соображеніяхъ, — ибо и само право имѣетъ основаніе только въ *самосознаніи* лица,—внутреннее, иначе сознается не какъ право, а только какъ мощь, подобная всякой физической мощи. При томъ, наказаніе въ теоріи самозащищенія, не уничтожая уже *совершившагося* зла, не есть и видъ самозащиты, оно можетъ относиться только *къ будущему*.

этого содержащаго его въ себѣ сознанія, и въ ихъ результатахъ? Вѣдь опредѣляютъ же взаимное значеніе и вліяніе *другихъ* элементовъ сознанія и вліяніе ихъ на *его* дѣятельности; почему-же не попробовать-бы опредѣлить того-же и для представленія человѣка о свободѣ своей воли, которое также есть одинъ изъ элементовъ сознанія, принимающій конечно, участіе въ его дѣятельностяхъ и опредѣляющій, такъ или иначе, его результаты, такъ какъ это элементъ *всеобщій и постоянный?* Однако, этого нѣтъ. Всего удивительнѣе, что на мысль о необходимости такого изслѣдованія не наталкиваются и тѣ, которые признаютъ за вѣрованіемъ человѣка въ свою свободу *практическое* значеніе.

Главная причина этого упущенія изъ вида вопроса о представленіи *свободы и его роли въ сознаніи и для сознанія*,—вопроса, повидимому, столь близкаго и столь естественнаго, при изслѣдованіи проблеммы о свободѣ воли,— заключается, по нашему мнѣнію, въ томъ, что, взявши вопросъ о свободѣ воли изъ исторіи уже готовымъ, и очень мало остановившись на разслѣдованіи источниковъ представленія о ней, обыкновенно прямо приступаютъ къ разсмотрѣнію вопроса о дѣйствительномъ бытіи или небытіи свободы, *ужъ не какъ представленія въ сознаніи личномъ, но независимо отъ представленія о ней личнаго сознанія,— какъ объективно возможной, или объективно невозможной реальной силы.* Но вѣдь въ этомъ-то именно и вопросъ!—скажутъ намъ. Не совсѣмъ, по нашему мнѣнію. *Ибо возможность и въ сферѣ субъекта, какъ одного изъ факторовъ объективнаго событія,— не менѣе реальная возможность, чѣмъ въ сферѣ объективной.* Какъ бы ни выпало рѣшеніе тѣхъ изслѣдованій, ни одно изъ нихъ не разбирало возможности слѣдующей: процессы *сознанія* суть *реально-существующіе* процессы и причины реальныхъ, падающихъ въ объективный міръ, дѣйствій; процессы сознанія управляютъ нашими представленіями, а отчасти *управляются* ими, представленіе же свободы (если мы его признаемъ, тѣмъ болѣе, за одно изъ всеобщихъ и психически-необходимыхъ, постоянныхъ) играетъ во всякомъ случаѣ *какую-нибудь* роль въ этихъ реальныхъ процессахъ сознанія, и роль настолько же реальную, какъ реальны и самые процессы; возможно-ли, что это участіе представленія свободы въ реальныхъ процессахъ личнаго сознанія таково, что въ немъ, *этомъ дѣйствительномъ участіи, заключается и все дѣйствительное бытіе свободы??*

Этой возможности не разбираютъ, строя между тѣмъ гипо-

тезы на возможностяхъ и гораздо менѣе вѣроятныхъ, и гораздо менѣе понятныхъ,—каковы, напр., теоріи трансцендентальной свободы. Не разбирая, до поры до времени, этой возможности, обратимъ вниманіе читателя на то, что, если бы она оказалась вѣрною, то, во-первыхъ, свобода воли была бы объяснена изъ подлежащихъ повѣркѣ и точному знанію *явленій* (явленій сознанія); во-вторыхъ, была бы объяснена свобода воли въ сферѣ *явленій же*, въ-третьихъ, была бы установлена свобода, не противорѣчащая законнымъ требованіямъ и теоріямъ наукъ о мірѣ внѣшнихъ явленій, ибо не вторгающаяся въ *ихъ* сферу, и лишь ограничивающая незаконное распространеніе основнаго предположенія *этой* сферы на чуждую ей область личнаго сознанія,—ограничивающая это примѣненіе на основаніи полагающихъ между этими сферами различіе существенныхъ чертъ ихъ, и, въ-четвертыхъ, свобода,—*являющаяся* въ отдѣльныхъ дѣйствіяхъ, совершающихся въ нашемъ мірѣ, и подлежащая суду нашего же міра, то-есть, именно та свобода, которой требуютъ понятія человѣческой отвѣтственности, вмѣненія, наказанія и т. под. Наконецъ, замѣтимъ, что вѣроятно нашлись бы средства примирить такую теорію съ другими важными частями человѣческаго міровоззрѣнія (напр., съ понятіями исторіи, божественнаго міроправленія, благодати etc.),—не болѣе отдаленныя и трудныя, чѣмъ бывшія до сихъ поръ всегда къ услугамъ другихъ теорій. Каковъ бы ни былъ результатъ обсужденія этой возможности, она должна, во всякомъ случаѣ, и по праву, занять мѣсто въ ряду другихъ возможностей, занимающихъ спорящія о свободѣ воли стороны. Должно рѣшить вопросъ: *не заключается-ли дѣйствительное бытіе свободы въ участіи представленія личнаго сознанія о ней въ дѣйствительныхъ дѣятельностяхъ этого сознанія,—и не становится-ли ея бытіе невозможностью, какъ скоро мы начинаемъ разсматривать свободу (хотя бы и въ сферѣ сознанія) отрѣшенно отъ ея носителя—представленія нашего сознанія о ней??*

Насколько всѣ, участвовавшіе въ спорѣ о свободѣ воли, были далеки отъ понятія объ этой возможности, равно какъ и отъ понятія о соотвѣтствующемъ ей изслѣдованіи (о значеніи представленія свободы въ сознаніи для сознанія),—это будетъ выясняться читателю по мѣрѣ критики разныхъ сторонъ ученій детерминизма и трансцендентальной свободы; теперь же укажемъ, для примѣра, на г. Кавелина, съ его книгой: о „Задачахъ Психологіи“.

Г. Кавелинъ въ такой степени убѣжденъ, что для его психологической теоріи вопросъ о свободѣ воли есть ключъ позиціи, что говоритъ: вся моя книга есть лишь опытъ выяснить научныя основанія самопроизвольности, и если это мнѣ не удалось, то самая книга не имѣетъ никакой цѣны и никакого достоинства [1]. Насколько же удалось г. Кавелину выяснить научныя основанія свободы?

Первое изъ его основаній слѣдующее: весь міръ представляетъ взаимодѣйствіе *двухъ* истекающихъ изъ одного общаго источника различныхъ порядковъ сочетанія однихъ и тѣхъ же фактовъ. „Свобода дѣйствій вытекаетъ съ роковою необходимостью изъ существованія и взаимнаго противопоставленія двухъ различныхъ порядковъ сочетанія однихъ и тѣхъ же фактовъ“ (345),—психическихъ и матеріальныхъ. *Всякій* изъ этихъ порядковъ, отдѣльно взятый, представляетъ, въ способѣ сочетанія явленій, или звеньевъ, одну, такъ называемую *необходимость*, *роковую связь причинъ и дѣйствій*. *Ни естественныя науки, ни логика* не знаютъ свободной воли. Но оба порядка не отдѣльны; они постоянно соприкасаются, другъ-на-друга дѣйствуютъ. „Законы ихъ взаимнаго отношенія *мы не знаемъ*, точно такъ же, какъ не знаемъ, въ чемъ состоитъ связь психическаго съ матеріальнымъ, души съ тѣломъ“ (346). „Именно потому, что взаимныя *отношенія* этихъ двухъ порядковъ *не опредѣляются закономъ причинности*, и возможна свободная воля... Взаимныя отношенія различныхъ сочетаній явленій въ обоихъ порядкахъ не подходятъ подъ законъ причинности и не поддаются ни подъ какія опредѣленія. Совершенная *неуловимость фактовъ*, въ которыхъ эти отношенія выражаются, вовсе не зависитъ, какъ многіе думаютъ, отъ чрезвычайной сложности самыхъ явленій, а единственно оттого, что взаимныя столкновенія двухъ порядковъ и ихъ сочетаніе не опредѣляются никакими общими формулами“ (348). Итакъ, свобода воли зависитъ отъ того, что *два порядка необходимости, другъ-на-друга дѣйствующіе, въ этомъ взаимодѣйствіи не подлежатъ закону причинности и не поддаются въ этомъ взаимоотношеніи нашимъ опредѣленіямъ и формуламъ*. Что это за двѣ необходимости, которыя другъ на друга *дѣйствуютъ*, другъ друга видоизмѣняютъ, но *не*

[1] „*Психологическая критика*, замѣчанія Ю. Ѳ. Самарина на книгу *Задачи Психологіи*“ (*Вѣстникъ Европы*, 1875 г.), ст. III, 333,—См. объ этой интересной полемикѣ между Кавелинымъ и Самаринымъ въ *шестомъ* томѣ полнаго собранія сочиненій послѣдняго, стр. 373, слѣд.—А. В.

подходятъ подъ понятія причины и дѣйствія? Что это за свобода реальной воли, основывающаяся на томъ, что *мы не знаемъ* способа отношенія двухъ порядковъ, связи души съ тѣломъ, и какъ это мы утверждаемъ объ отношеніи, котораго не знаемъ, что оно не отношеніе причинности?? Что это, прежде всего, за свобода, проистекающая изъ взаимодѣйствія двухъ необходимостей?? На послѣднее теорія г. Кавелина даетъ слѣдующій отвѣтъ: результатъ одного порядка—реальный міръ, другаго—міръ человѣческихъ идеаловъ и цѣлей. „*Идеалы и цѣли* человѣка могутъ такъ далеко *расходиться* съ данными комбинаціями явленій, что всякая связь съ ними порывается“—и въ этомъ заключается условіе свободы (346—347). Какой свободы? Только свободы или несвободы *дѣйствія*. Условіе свободы *воли* заключалось-бы здѣсь только въ такомъ случаѣ, если-бы эти идеалы, цѣли человѣческія были и *поставлены свободно*,—если-бы *импульсъ* къ нимъ былъ свободенъ, а они сами, какъ импульсы, не были-бы плодомъ механической необходимости [1]. О томъ-же, что идеалы человѣческіе и цѣли не сходятся съ данными условіями, никто никогда не спорилъ, и это до вопроса о свободѣ *воли* не касается. Вопросъ о возможности *осуществленія* въ объективномъ мірѣ далеко расходящихся съ его естественнымъ строемъ человѣческихъ идеаловъ и цѣлей есть не вопросъ о свободѣ *хотѣнія* этихъ идеаловъ и цѣлей,—но вопросъ о свободѣ *дѣйствія*. Г. Кавелинъ такимъ образомъ смѣшиваетъ эти два вопроса, и, подставляя одинъ на мѣсто другаго, вклада въ рѣшеніе вопроса не дѣлаетъ, а только увеличиваетъ и безъ того уже избыточную путаницу существующихъ понятій. Что *нѣтъ* свободы воли истинной, свободы *ставленія* идеала, свободы импульса, это г. Кавелинъ говоритъ очень ясно: „самопроизвольность, или воля, какъ стремленіе, какъ импульсъ, толчекъ, есть

[1] Но для г. Кавелина они именно таковы: борьба побужденій, говоритъ онъ, и побѣда однихъ надъ другими имѣетъ скорѣе *механическій* характеръ и вполнѣ *удовлетворительно* объясняется законами психической динамики — исходъ борьбы мотивовъ опредѣляется относительною ихъ *силой* (*Зад. психол.* 1872 г., с. 188) Но развѣ эта относительная *сила* мотивовъ дана сознанію, какъ *готовая* ихъ опредѣленность, подобно опредѣленности данныхъ сознанію объектовъ природы? Развѣ не само сознаніе *даетъ* имъ эту относительную силу, измѣняя ее, какъ она дана напримѣръ, хотя-бы своими сужденіями о нихъ по *модальности*? Если нѣтъ,—то какое основаніе имѣетъ г. Кавелинъ признавать критику, обсужденіе мотивовъ сознаніемъ, за необходимый моментъ произвольныхъ дѣйствій? (ср. напр. с. 191).

данное, обусловленное, по своему происхожденію, роковыми законами" (348). Но какую-же тогда свободу воли доказалъ г. Кавелинъ, и что онъ вообще доказывалъ, чего не могъ бы признать и самый строгій детерминистъ?? [1]

Другое научное основаніе свободы воли,—уже не космологическое, или вообще метафизическое, а психологическое, г. Кавелинъ видитъ въ способности *души*, раздвояясь, обращаться къ самой себѣ и къ тому, что въ ней содержится,—вслѣдствіе чего все ея содержаніе (представленія образовъ дѣйствія, цѣлей) представляется ей чѣмъ-то чуждымъ ей, и она можетъ изъ него сдѣлать *свободный* выборъ, подъ условіемъ спокойнаго настроенія, при которомъ чувство или желаніе, вплетаясь въ мысли, не сообщаютъ имъ ту или другую невольную окраску. [2] Здѣсь г. Кавелинъ, повидимому, близокъ къ той возможности, о которой мы говоримъ, но на дѣлѣ оказывается иное. Не говоря уже о томъ что *это* его психологическое понятіе о возможности свободнаго безпричиннаго выбора между побужденіями прямо противорѣчитъ вышеприведенной теоріи его о двухъ порядкахъ (психическомъ и матеріальномъ), во всякомъ изъ которыхъ будто-бы царитъ *безусловная необходимость*, и что воля обусловлена, по проис-

[1] Мы не говоримъ здѣсь уже о томъ, насколько совмѣстимо съ понятіями г. Кавелина о *точной* наукѣ—доказательство свободы изъ *метафизическаго* предположенія двухъ различныхъ порядковъ сочетанія однихъ и тѣхъ-же потенцій одного и того-же первоисточника всего сущаго. Мы не видимъ здѣсь ничего, кромѣ *Шеллинговой* философіи, критика которой, и съ точки зрѣнія идеалистической теоріи познанія, и съ точки зрѣнія положительной, столь высоко-ставимой г Кавелинымъ, науки, — всецѣло примѣнима и къ теоріи г. Кавелина. Шеллингъ, однако, *зналъ*, что съ его метафизикой несовмѣстимо ученіе эмпирической свободы, и потому прибѣгнулъ къ ученію свободы *трансцендентальной*; г.-же Кавелинъ хочетъ совмѣстить *эмпирическую* свободу съ метафизикой Шеллинга, но выходитъ у него только *утвержденіе*—въ одномъ мѣстѣ одной,—а въ другомъ—другой.

[2] Здѣсь нужно замѣтить, что, во 1), возможность такого спокойнаго состоянія весьма сомнительна, ибо, по теоріи самого г. Кавелина представленія всегда, въ большей или меньшей степени, связаны съ чувствомъ; во 2-хъ, если такое спокойное состояніе возможно, то *выходъ* изъ него, выборъ можетъ быть объясненъ только чувствомъ, которое, привходя, даетъ спокойнымъ представленіямъ ту или иную окраску и опредѣляющую силу; это не можетъ быть дѣломъ спокойнаго, *индифферентнаго* отношенія къ представленіямъ; въ 3-хъ), если свободны только рѣшенія воли подъ условіемъ совершенно-спокойнаго состоянія сознанія,—то выходитъ, что свободны только дѣйствія самыя безынтересныя, привычныя,—но такія-то дѣйствія и совершаются не свободно, а *автоматически* (ср. г. *Кавелина* Зад. псих. с. 192 и сл.)

хожденію, роковыми законами; спросимъ только г. Кавелина: „душа, обособившаяся отъ всего своего содержанія, не ощущая никакого побужденія, созерцаетъ внутреннимъ зрѣніемъ множество какъ-бы разложенныхъ передъ ней общихъ, отвлеченныхъ мыслей, изъ которыхъ каждая способна сдѣлаться мотивомъ для дѣйствія; вдругъ эта душа на одной изъ нихъ останавливается, устраняя всѣ остальныя; эту избранную ею мысль она усваиваетъ, тѣмъ самымъ подчиняется ей, и такимъ образомъ отвлеченная мысль превращается въ побужденіе къ дѣйствію; но *чѣмъ-же* эта самая остановка, этотъ выборъ вызваны?“ На вопросъ этотъ г. Кавелинъ отвѣчаетъ только тѣмъ, что этотъ выборъ *свободенъ*, причины не имѣетъ, что есть поступки, производимые *безъ* всякой *причины*, безъ всякаго *побужденія*, — то-есть выборъ этотъ не вызванъ *ничѣмъ*.[1] Но какъ понять возможность *такого* выбора? Послѣ этого, конечно, ясно, что г. Кавелинъ нисколько не объяснилъ *возможности* свободы воли, въ смыслѣ свободы выбора.

Если-бы г. Кавелинъ поискалъ объясненія возможности индифферентнаго отношенія души къ матеріалу, изъ котораго она производитъ *свободно опредѣленный* выборъ, то онъ бы сослался, какъ на условіе этого свободнаго выбора: или на *сознаніе* душою своей способности дѣйствовать не изъ *причинъ* или безъ *причинъ*, а ради *цѣлей*,—не по *законамъ*, а по *нормамъ*;[2] или онъ сослался-бы на преставленія: *я могу*, *я долженъ* и: *я сознаю себя*

[1] Хотя самъ-же г. Кавелинъ говоритъ, что „безъ мотива совершаются только дѣйствія безсознательныя, или, хотя и сознаваемыя, но происходящія рефлективно (*Зад. псих.* 189). А между тѣмъ условіями произвольной дѣятельности оказывается: во 1-хъ, *холодная*, спокойная мысль, отрѣшенная отъ чувствъ, желаній, стремленій, которая *легко* можетъ быть предметомъ *совершенно*-произвольнаго выбора: во 2-хъ, чтобы эта мысль была *способна* вызвать соотвѣтствующее ей чувство, желаніе или страсть, и въ 3-хъ нужно, чтобы *душа* была способна совершенно произвольно, безъ всякаго посторонняго, отъ нея независящаго побужденія (?) остановить выборъ на той или на другой мысли (с с. 198—199). Конечно, не *объясняется* возможность этого *свободнаго* выбора ссылкой г. Кавелина на психическій организмъ, *по своему* перерабатывающій внѣшнія возбужденія (с. 209);—нужно показать, *каковы* именно условія этой переработки, вслѣдствіе которыхъ ея результаты *свободны*, а не только *своеобразны*, своеобразно-необходимы.

[2] Причемъ онъ остановился-бы подробно на вопросѣ: имѣютъ-ли *для сознанія* и, слѣд., для совершаемыхъ *имъ* актовъ его цѣли и нормы, сознаваемыя, какъ такія, такое-же *необходимо*-опредѣляющее *значеніе*, какъ и причины и законы? Въ равномъ-ли смыслѣ тѣ и другія *даны* сознанію, какъ опредѣляющія его, и только даны, а не *ставятся* имъ?

свободнымъ выбрать между я могу и я долженъ, или на другое какое-нибудь *представленіе*, въ силу особеннаго *содержанія котораго понятна была-бы общая возможность свободнаго выбора*. Но г. Кавелинъ этого не сдѣлалъ и предпочелъ построить теорію, ничего не объясняющую и самопротиворѣчащую, разсматривающую свободу воли отрѣшенно отъ представленія личнаго сознанія о ней. Предполагая основаніе *свободы* въ способности личнаго сознанія раздвояться, быть объектомъ *для себя*, г. Кавелинъ долженъ-бы, до примѣненія къ этой области понятій *причины* и объективнаго *закона*, доказать примѣнимость этихъ категорій къ области личнаго, *для себя сущаго* сознанія, истолковать послѣднее въ соотвѣтствующемъ имъ смыслѣ. Но *всеобщность* этихъ категорій объективнаго для г. Кавелина не подлежитъ вопросу и доказательству: вопросы *критики* для него не существуютъ. При этомъ самое признаніе свободы воли у него есть дѣло не теоретическаго убѣжденія, а хотя и прекрасной, но *личной* нравственной тенденціи. Лучше такихъ не сознающихъ себя теорій мнѣніе Ю. Ѳ. Самарина, просто вѣрующаго въ свободу воли, какъ фактъ личнаго сознанія, и соглашающагося, въ концѣ концовъ, на то, чтобы логическое противорѣчіе свободы и необходимости „признать за *фактъ*, иначе — за признакъ пертурбаціи въ самой жизни“, — мнѣніе, которое нѣкогда было и моимъ, и высказано въ первомъ моемъ печатномъ трудѣ („Монизмъ или дуализмъ“? Яросл. 73 г.).

IV.

Что такое воля, которой усвояется или у которой отрицается свобода?

Резюмируя предшествующее изложеніе, мы получимъ слѣдующіе результаты.

Во-первыхъ, поводъ къ вопросу о свободѣ воли дается единственно *представленіемъ личнаго сознанія* нашего о свободѣ воли; объективное-же сознаніе источникомъ этого представленія быть само-по-себѣ ни въ какомъ случаѣ не можетъ, никогда на него не наведетъ и ничего похожаго на свободу воли не представляетъ, — почему и представляется *самопротиворѣчивымъ искать основаній утвержденію или отрицанію дѣйствительнаго бытія свободы въ области предметовъ объективнаго сознанія, т. е. вѣ области сознанія личнаго, отрѣшенно отъ его опредѣленій.*

Во-вторыхъ, если желаютъ рѣшить вопросъ о дѣйствитель-

номъ бытіи или небытіи свободы воли *нравственной*, т. е. выражающейся въ дѣйствіяхъ *сознательныхъ* и подлежащихъ суду нравственнаго *сознанія*, опять противорѣчатъ своей задачѣ, отыскивая основанія утвержденію или отрицанію дѣйствительнаго бытія этой свободы въ области предметовъ только объективнаго сознанія, — въ области бессознательнаго или до-и сверхъ-сознательнаго (какъ, наприм., Шопенгауэръ), отрѣшенно отъ опредѣленій личнаго сознанія.

Въ-третьихъ, признавая, съ одной стороны, дѣйствительное бытіе личнаго сознанія и содержащихся въ немъ элементовъ (представленій, мотивовъ, чувствъ), какъ реальныхъ факторовъ сознательнаго человѣческаго дѣйствія, а съ другой, стараясь опредѣлить степень и родъ участія этихъ элементовъ въ сложеніи дѣйствія равно какъ *взаимное отношенье и значенье* этихъ сознательныхъ элементовъ, *въ сознаніи и для сознанія*, — произвольно суживаютъ свою задачу и противорѣчатъ ея общимъ требованіямъ, оставляя въ сторонѣ вопросъ: каково дѣйствительное отношеніе элемента дѣйствительно-существующаго сознанія— представленія о свободѣ—къ прочимъ, участвующимъ въ сложеніи дѣйствія элементамъ *этого же* сознанія?—каково участіе этого представленія въ дѣятельностяхъ сознанія, и управляющаго представленіями и управляемаго ими?

Въ-четвертыхъ, признавая дѣйствительность, реальность за процессами сознанія, участвующими въ сложеніи нашихъ рѣшеній, resp. дѣйствій, противорѣчатъ себѣ, не допуская въ то же время, какъ возможнаго предмета изслѣдованія, возможности, что все *дѣйствительное бытіе свободы* можетъ-быть заключается въ участіи *представленія о свободѣ* въ дѣйствительныхъ процессахъ сознанія и упорствуя въ отысканіи основаній утвержденію или отрицанію дѣйствительнаго бытія свободы *внѣ области сознанія о ней* и процессахъ содержащаго въ себѣ это представленіе личнаго сознанія.

Такимъ образомъ, изъ предшествующихъ соображеній мы приходимъ къ тому заключенію, что для полнаго научнаго рѣшенія вопроса о дѣйствительномъ бытіи или небытіи свободы воли необходимо дополнить существующія по этому предмету изслѣдованія — изслѣдованіемъ *о роли представленія свободы* (и нѣкоторыхъ другихъ, важнѣйшихъ для практической области, понятій, какъ, напр., понятія *цѣли* и др.) *въ дѣятельностяхъ содержащаго его въ себѣ сознанія и для результатовъ этихъ дѣятель-*

ностей сознанія,—изслѣдованіемъ свободы воли *въ сознаніи* и *для сознанія*.

Необходимость этого изслѣдованія подтвердится для насъ окончательно, равно какъ совершенно выяснятся и входящіе въ составы его вопросы и данныя къ ихъ положительному рѣшенію,—изъ разсмотрѣнія прочихъ элементовъ, участвующихъ въ сложеніи рѣшеній воли и изъ опредѣленія, такимъ путемъ, насколько въ этомъ сложеніи принимаютъ участіе *безсознательные* факты и насколько—принадлежащіе *личному сознанію*,—насколько сознательно самое *отношеніе* между этими факторами и насколько, потому, взаимодѣйствіе ихъ, слагающее рѣшеніе воли, *можетъ стоять подъ опредѣленіемъ личнаго сознанія*, опредѣлятся его основными понятіями, нормами, а не чѣмъ-нибудь внѣшнимъ, чуждымъ сознанію или предшествующимъ ему. Если-бы оказалось, что *всѣ* факторы рѣшеній воли (и мотивъ, и чувство, и характеръ) *даны сознанію*—непосредственно-ли, или посредственно — то было-бы очевидно, что дѣйствіе *всякаго* изъ нихъ такъ или иначе модифицируется представленіемъ этого-же сознанія о свободѣ своей, что *факторами* рѣшеній воли всѣ они становятся *не безотносительно* къ этому представленію и что, поэтому, *вопросъ о дѣйствительномъ бытіи или небытіи свободы воли вполнѣ рѣшается изслѣдованіемъ о значеніи представленія свободы въ процессахъ личнаго сознанія и для его результатовъ*.

Вопросъ, который намъ предстоитъ такимъ образомъ рѣшить здѣсь, есть вопросъ: „что такое та воля, о свободѣ или несвободѣ рѣшеній которой идетъ рѣчь? *Каково* отношеніе этого субъекта хотѣній къ другимъ факторамъ ихъ,—понятіямъ, мотивамъ, чувствованіямъ, характеру, особенностямъ организма и т. под.? Существующія понятія о волѣ прежде всего можно раздѣлить на двѣ категоріи. Для однихъ воля есть *самостоятельное безсознательное психическое или даже метафизическое начало*, наряду съ мышленіемъ, чувствомъ и т. п. или даже выше, первичнѣе ихъ; такая воля является *самостоятельнымъ* факторомъ хотѣній, и вопросъ о свободѣ или несвободѣ ея очевидно *не рѣшается* еще изъ понятія о свободѣ или несвободѣ нашей въ сферѣ сознанныхъ представленій, чувствъ и т. п. Этому понятію о волѣ противополагается понятіе о ней, какъ о *производной* силѣ, какъ о сложномъ результатѣ *взаимодѣйствія* прочихъ психическихъ и органическихъ факторовъ: хотѣнія, мыслей, чувствъ и т. д., опредѣляемомъ во всякомъ данномъ случаѣ особенными свойствами и способомъ взаимодѣйствія *этихъ послѣднихъ* фак-

торовъ (въ числѣ которыхъ есть и сознательные). О такой волѣ, очевидно, нельзя будетъ сказать, что она *сама-по-себѣ* свободна или несвободна; она будетъ признана свободною, если мы признаемъ себя свободными въ области тѣхъ первичныхъ производителей ея и ихъ взаимодѣйствія, и — несвободна въ противномъ случаѣ. Съ признаніемъ того или другаго изъ указанныхъ понятій о волѣ измѣняется и взглядъ на ея *содержаніе* (основаніе такой или иной опредѣленности ея, ея essentia) и образъ дѣйствія. Принимая волю за самостоятельную, безсознательную силу, рядомъ съ представленіемъ, желательною способностью, чувствомъ, или выше, элементарнѣе ихъ, мы можемъ разсматривать эту силу:

a) Какъ силу совершенно неопредѣленную въ себѣ и получающую всю свою опредѣленность *отвнѣ*, изъ міра представленій (сознательныхъ ли, безсознательныхъ ли), не имѣющую никакого *собственнаго* содержанія, представляющую *пустую форму* энергіи, дѣятельности (опредѣленную только въ степени), наполненіе которой какимъ-либо содержаніемъ, опредѣленное *направленіе — не въ ней*, какъ такой, имѣетъ свое основаніе (ученіе Гартмана).

b) Какъ силу, имѣющую *собственную* опредѣленность, собственное безсознательное содержаніе, не заимствованное изъ области представленій—ни сознательныхъ, ни безсознательныхъ, для которой, поэтому, какъ опредѣленной уже въ себѣ, всякая опредѣленность представленіями сознанія, или безсознательными—*несущественна* (ученіе Шопенгауэра и Банзена).

Съ другой стороны и понятіе о волѣ, какъ о производномъ явленіи, какъ о *результатѣ взаимодѣйствія* представленій, чувствъ, желаній, органическихъ предрасположеній и т. п. допускаетъ двоякое толкованіе:

a) Какъ результатъ взаимодѣйствія факторовъ, данныхъ во всякомъ частномъ случаѣ съ такою, а не иною *частною* опредѣленностью, воля не имѣетъ въ себѣ *специфическаго*, одного во *всѣхъ* случаяхъ содержанія, никакого специфическаго *закона*, общаго ей во всѣхъ случаяхъ, при всевозможныхъ особенныхъ производителяхъ, — содержанія и закона, которые не вытекали бы изъ тѣхъ, различныхъ во всякомъ особомъ случаѣ, частныхъ факторовъ. Здѣсь воля представляется образующеюся по типу *механическаго* сложенія силъ, гдѣ цѣлое всецѣло и со всѣхъ сторонъ опредѣлено составляющими частями, не содержитъ въ себѣ *ничего*, чего нѣтъ уже въ частяхъ и въ сущности одно-

родно съ ними: это самый распространенный взглядъ на волю, общій и большинству древнихъ, и многимъ психологамъ и матеріализму; по этому взгляду моментъ воли есть только *моментъ перехода субъективныхъ* факторовъ хотѣнія въ *объективное* дѣйствіе, моментъ безъ всякаго собственнаго содержанія, имѣющій, потому, чисто формальное значеніе (подобно, напримѣръ, суммарному выраженію многочлена).

b) Являясь результатомъ различныхъ факторовъ, выступающихъ въ каждомъ данномъ случаѣ со своими особенностями и отличіями, воля, однако, *во всѣхъ* случаяхъ имѣетъ свойственную ей только *(какъ именно этому своеобразному результату*, то-есть, какъ именно *сознательной волѣ*), опредѣленность, собственное содержаніе, и потому не есть уже только моментъ *перехода* субъективнаго процесса въ объективное дѣйствіе, но привноситъ въ послѣднее нѣчто *собственное*, не данное еще въ ея индивидуальныхъ, эмпирическихъ, частныхъ производителяхъ: представленіяхъ, чувствахъ, влеченіяхъ etc. Такая воля будетъ опредѣляться, такимъ образомъ, *собственнымъ закономъ*, вытекающимъ изъ ея формы *сознательности*, который не будетъ ни закономъ представленій, ни закономъ чувствъ, желаній, ни механическимъ (количественнымъ) закономъ чисто-формальной энергіи. Притомъ, такъ какъ воля—результатъ, между прочимъ, и сознательныхъ факторовъ — есть воля *сознательная*, то и ея законъ—сознательный и такъ какъ онъ основанъ въ самой формѣ *сознательности* воли—всеобщей и апріорной, то и самъ всеобщъ и апріоренъ. Эта воля, слѣдующая собственному закону, *сознанному закону воли*, не эмпирическому и потому всеобщему, хотя бы и происшедшая изъ и по поводу *другихъ* эмпирическихъ факторовъ, есть „практическій разумъ“ въ смыслѣ Канта. Въ этомъ послѣднемъ взглядѣ на волю предстоитъ еще объяснить, *какъ* первичные факторы сознательной воли (и *какіе* именно) въ своемъ взаимодѣйствіи съ необходимостью должны дать своему результату—волѣ ея *специфическое* содержаніе, законъ ея, какъ практическаго разума, и *каковъ* именно этотъ законъ?

Разсмотримъ всѣ эти понятія о волѣ, начиная съ Гартманова.

V.

Гартманово ученіе о волѣ, какъ міровомъ принципѣ.

По ученію Гартмана, міръ есть результатъ взаимодѣйствія *двухъ* атрибутовъ всеединаго безсознательнаго Первоначала, *нераз-*

дѣльно слитыхъ въ немъ: безсознательной воли и безсознательнаго представленія. Безсознательное представленіе, которое, *по своему качеству представленія*, совершенно недѣятельно, вѣчно „остается при себѣ“ и равнодушно къ выступленію изъ себя, къ реальному бытію, становится началомъ *опредѣленности* въ реальномъ (въ *актахъ* безсознательнаго Первоначала) только черезъ то, что захватывается безсознательною волей, *чистою дѣятельностію* реализаціи идеальнаго, которая сама по себѣ неопредѣленна и потому не могла бы сдѣлаться дѣйствительнымъ (опредѣленнымъ) актомъ, не захвативъ себѣ опредѣленнаго содержанія въ видѣ *безсознательнаго представленія*. Такимъ образомъ *недѣятельное* представленіе и дѣятельная, но *неопредѣленная* въ себѣ воля, лишь въ силу своего сліянія, могутъ образовать реальный, опредѣленный *актъ* Безсознательнаго; въ отдѣльности-же ни одно изъ нихъ не существуетъ реально. Безсознательное представленіе, опредѣляющее безсознательную волю, есть ея содержаніе, *цѣль* ея энергіи, и весь міръ есть только совокупность *безсознательно-цѣлесообразныхъ* актовъ всеединаго Безсознательнаго. Вся реальность въ бытіи принадлежитъ, такимъ образомъ, волѣ, которая, хотя Гартманъ и учитъ о ней, что она недѣйствительна *внѣ* связи съ представленіемъ, однако же, прежде чѣмъ войти въ эту связь, *захвативъ* себѣ представленіе и *опредѣливъ* себя имъ,—къ самому этому захвату, начинающему рядъ реальныхъ актовъ безсознательнаго, побуждается тѣмъ, что она уже *сама по себѣ есть состояніе хотѣнія*, неопредѣленнаго, но реальнаго стремленія хотѣть чего-нибудь, пропзводящаго въ ней томленіе, изъ котораго она выходитъ именно захватывая себѣ опредѣленную цѣль—безсознательное представленіе. Такимъ образомъ, *воля* Безсознательнаго оказывается *реальною*, дѣйствительною волею уже до сліянія съ безсознательнымъ представленіемъ, *сама по себѣ*. Будучи, въ опредѣленныхъ актахъ Безсознательнаго, нераздѣльно слита съ безусловно недѣятельнымъ представленіемъ,—въ субъектѣ *сознательномъ* (которой есть сумма опредѣленныхъ актовъ Безсознательнаго, какъ и все сущее) безсознательная воля (*единственное* начало всякой дѣятельности) можетъ (и даже должна) расходиться съ его *чисто-пассивными*, остающимися вѣчно „при себѣ“, представленіями сознанія. И самое *сознаніе* (совокупность индифферентныхъ представленій) есть только *производное явленіе* дѣятельности безсознательной воли, наполненной Безсознательными представленіями,—происходящее вслѣдствіе столкновенія

этой (индивидуализировавшейся) воли съ чѣмъ-нибудь чуждымъ ей, не составляющимъ *ея* безсознательной цѣли, съ внѣшнимъ ей, какъ индивидуальной, актомъ Безсознательнаго. Сознаніе такимъ образомъ есть нѣчто и само по себѣ *недѣятельное*, равнодушное, могущее быть введено въ реальность только воздѣйствіемъ отвнѣ, и *вторичное*, продуктъ комфликта безсознательныхъ актовъ всеединаго Безсознательнаго. Затѣмъ, и въ области Безсознательнаго, безсознательное представленіе *чисто-недѣятельно*, и вся реальность, вся *активность* принадлежитъ пустой безсознательной волѣ, которая реальна уже *до* наполненія безсознательными представленіями, — *до опредѣленныхъ* актовъ творца міра—всеединаго Безсознательнаго, въ формѣ неопредѣленнаго *хотѣнія хотѣнія*.

Таковы метафизическія понятія Гартмана: во 1-хъ) объ отношеніи воли къ представленію и во 2 хъ) объ отношеніи сознанія къ безсознательному,—откуда вытекаютъ и его взгляды на значеніе и взаимодѣйствіе факторовъ человѣческаго хотѣнія. Разберемъ эти понятія, указавъ, для оцѣнки всей метафизической системы Гартмана, на прекрасную главу въ соч. проф. *Каринскаго* („Критич. обзоръ послѣдняго періода германской философіи“) и на монографію Куно Фишера.

Что̀ такое безсознательная воля Гартмана? Какія *данныя* имѣлъ онъ къ составленію понятія о ней? Каково *наукословное* значеніе этого понятія? Какова его *пригодность* къ объясненію явленій, логическая его состоятельность? Отвѣтимъ на эти вопросы поочередно.

Прежде всего, къ допущенію этого понятія въ свою метафизическую систему, *данныхъ* Гартманъ не имѣетъ *никакихъ*. *Воля*, какъ утверждаетъ онъ совершенно справедливо, противъ Шопенгауэра, отнюдь не *дана* намъ въ *самосознаніи*. Самосознаніе не знаетъ *непосредственно* о единой волѣ ничего; ему даны только отдѣльныя чувства, стремленія и хотѣнія, и все это, какъ данное *сознанію*, дано ему только въ формѣ представленія; единая же безсознательная воля есть только плодъ *умозаключенія* нашего сознанія отъ дѣйствій къ ихъ необходимой причинѣ. Къ волѣ мы заключаемъ, какъ къ *необходимой*, хотя и *неизвѣстной* причинѣ извѣстныхъ физическихъ и психическихъ процессовъ. Но такъ-ли это? Можетъ-ли быть *единая безсознательная* воля, какъ то утверждаетъ Гартманъ, подведена подъ понятіе *причины*? Въ наукѣ причиною зовется то, что̀ *необходимо* производитъ такое-то дѣйствіе, или-же что̀ безусловно предшествуетъ другому

опредѣленному же дѣйствію. Условіе момента *необходимости* въ связи причины съ дѣйствіемъ есть *опредѣленность* какъ дѣйствія, такъ и причины; только тамъ, гдѣ *оба* члена отношенія, и предшествующій, и послѣдующій, и обусловливающій и обусловленный, опредѣлены для сознанія не какъ пустыя формы,—тамъ и приложимо понятіе *причины*, и, какъ неопредѣленное для сознанія дѣйствіе не можетъ быть принято за дѣйствіе опредѣленной для сознанія причины, такъ и неопредѣленная для сознанія причина не можетъ быть принята за необходимое предшествующее (или производящее) опредѣленнаго дѣйствія. Единая же безсознательная воля, какъ *совершенно-неопредѣленное* (ибо воля, по Гартману, получаетъ всякую опредѣленность только отъ *представленія*; представленіе-же безсознательно и потому происходящая изъ него опредѣленность воли для сознанія *недоступна*), не болѣе можетъ быть признана за производящую причину сознаваемыхъ явленій, какъ и единое протекшее *время* само по себѣ не можетъ быть принято за *произведшее* настоящія явленія. Такимъ образомъ, не подходя подъ *объективное* понятіе причинности, будучи невыводимою изъ сферы *объективнаго* сознанія, и въ то же время не будучи *дано* и въ непосредственномъ субъективномъ, *личномъ сознаніи*,—единая безсознательная воля у Гартмана не можетъ быть и плодомъ никакихъ логическихъ *заключеній*,—есть чисто произвольная концепція.

Нельзя также подводить единую безсознательную волю (хотя бы и полную безсознательныхъ представленій) и подъ понятіе *сущности* явленій, ибо сущность (essentia) по своему логическому значенію такъ же должна быть опредѣлена, какъ *необходимое* въ признакахъ опредѣленнаго явленія, какъ то, безъ чего *это* явленіе есть уже не *это*, а другое. Сущность же, совершенно-неопредѣленная, общая всѣмъ и всякимъ явленіямъ, eo ipso ко всѣмъ *опредѣленнымъ* явленіямъ,—а неопредѣленныхъ явленій нѣтъ,—какъ такимъ относится индифферентно,—не есть необходимо *ихъ* сущность, не болѣе ихъ сущность, какъ и пустое время и чистое *ничто*, которое, конечно, не можетъ имѣть въ себѣ и *количественной* опредѣленности, *степеней энергіи* и т. под. (что все должно, однако-же, имѣть подполагаемая Гартманомъ единая безсознательная воля). [1]

---

[1] Для того, чтобы не подлежать этому возраженію, „сущность“ должна быть опредѣлена *еще чѣмъ-нибудь*, кромѣ того, что она—сущность всего существующаго; только *опредѣленная* такъ или иначе сущность можетъ

Затѣмъ остается подвести „единую, неопредѣленную и безсознательную волю Гартмана только подъ *общее* всему являющемуся, *единое* для нихъ всѣхъ и ни въ чемъ неопредѣленное для сознанія понятіе *бытія* (простая позиція); но и это въ системѣ Гартмана невозможно, ибо безсознательная воля у Гартмана есть только *реализующая* идеальное дѣятельность, *отличается* этимъ отъ самаго идеальнаго (опредѣленныхъ представленій) и, слѣдовательно, должна бы быть началомъ только *реальнаго* бытія. Между тѣмъ понятіе *бытія* равно относится и къ идеальному—представленію, и къ реальному—волѣ, и *въ немъ самомъ* не заключается ни малѣйшаго указанія на *различіе* представленій отъ воли и на необходимость обоихъ; между понятіемъ бытія и безсознательной только реальной воли никакой необходимой логической связи нѣтъ. Поэтому, даже и признавъ, что Гартмановo сверхсознательное (въ которомъ слиты безсознательная воля съ Безсознательнымъ представленіемъ) совпадаетъ съ понятіемъ бытія, мы все-таки *изъ этого* Сверхсознательнаго не *выведемъ* понятія безсознательной воли, какъ начала реальности, а такъ какъ не могли вывести его и изъ міра явленій, то и *вообще* не выведемъ его. Но, такъ какъ безъ этого понятія, какъ одного изъ необходимыхъ опредѣленій Всеединаго Сверхсознательнаго, и понятіе послѣдняго падаетъ, то и вообще мы должны признать эти основныя понятія Гартмановой метафизики за произвольныя,—отнюдь не за „результаты соединенія опыта и спекуляціи“, какъ желаетъ Гартманъ. Какъ ясно изъ сказаннаго, въ этихъ понятіяхъ пока не видать слѣдовъ—ни опыта, ни спекуляціи.

Затѣмъ, оцѣнивая наукословное значеніе понятія безсознательной воли, какъ чистой энергіи, *реализующей* идеальное, но не имѣющей собственной опредѣленности и получающей послѣднюю лишь отъ представленій (безсознательныхъ-ли, сознательныхъ-ли),—мы должны признать, на основаніи предшествующаго, такое раздѣленіе *воли* отъ *представленія* неопредѣленной реализующей силы отъ опредѣленной, но *не имѣющей собственной реальности*—формы,—за совершенно незаконное *ипостасированіе*, объективированіе понятій, которыя суть только продуктъ субъективнаго Пріема мышленья-отвлеченія, и вдобавокъ—отвлеченія, которое и

быть (если допустить понятіе сущности въ науку, не какъ *предѣльное* понятіе) мыслима *не индифферентною* къ явленіямъ существующаго міра, но связанною съ ними и потому дѣйствительною ихъ сущностію, принятіе которой *что-нибудь* объясняло-бы въ этихъ явленіяхъ.

съ точки зрѣнія субъективныхъ нуждъ мысли несостоятельно. Если въ самомъ дѣлѣ, безсознательная воля Гартмана не *можетъ быть* ни причиною, ни сущностью; если, далѣе, она не *должна быть* идеальнымъ бытіемъ и только произвольно можетъ быть отождествляема съ реальнымъ; если, наконецъ, она нигдѣ не *дана* непосредственно сознанію: то *откуда* было возможно *отвлечь* ее сообразно съ законами логики, и *чѣмъ* она можетъ быть? И какъ, тѣмъ болѣе, можетъ это чистое ничто имѣть *степени*,—проявляться *во времени* и т. под.? За послѣднее время было черезчуръ уже много говорено, вслѣдъ за Кантомъ, противъ ипостасированія абстракцій ума, противъ усвоенія самостоятельнаго объективнаго (метафизическаго) бытія тому, что̀ есть только плодъ субъективнаго пріема мышленія. Поэтому мы только указываемъ здѣсь на чисто логическую несостоятельность самого логическаго пріема, приведшаго Гартмана къ такому понятію о *только* реальной волѣ. Что̀ бы, напр., сказали люди о томъ ученомъ, который понятіе силы тяготѣнія раздѣлилъ-бы на понятіе неопредѣленной реализующей *энергіи* и — понятіе опредѣляющаго эту энергію, но не реальнаго *качества* тяготѣнія,—затѣмъ приписалъ-бы обоимъ метафизическое значеніе,— и наконецъ, въ разъясненіе данныхъ явленій тяготѣнія, одно (реальность) въ этихъ явленіяхъ объяснялъ-бы *силою*, а другое—*тяготѣніемъ*, а самыя явленія—*взаимодѣйствіемъ* силы и тяготѣнія, по извѣстному закону, каковъ-бы послѣдній ни былъ. Конечно, подобный пріемъ только *удивилъ*-бы своею странностью. Но пріемъ Гартмана въ раздѣленіи воли и представленія и въ пользованіи ими (въ ихъ *взаимодѣйствіи*, слѣд., относительной отдѣльности) при объясненіи разныхъ явленій, совершенно аналогиченъ указанному невозможному пріему. [1]

---

[1] По Гартману результатъ дѣйствія какой-либо *силы* есть ея безсознательная *цѣль*; она-же сама, становясь *непосредственною* причиною средствъ осуществленію цѣли, есть только реализующая безсознательное представленіе *сила* или *энергія*. Дуализмъ безсознательныхъ цѣлей и слѣпой воли (формальной энергіи) вносится Гартманомъ въ самыя элементарныя—*атомныя силы* и затѣмъ, пользуясь *такимъ* понятіемъ дѣятельной силы, Гартманъ ,конечно, уже безъ особыхъ затрудненій находитъ безсознательную *цѣлеобразность* во *всѣхъ* дѣйствіяхъ силы, и ею *объясняетъ* эти дѣйствія, не замѣчая, что объяснять результатъ *изъ* цѣли, принявъ предварительно результатъ *за* цѣль,—весьма нетрудное, но и безполезное занятіе. Мы дальше увидимъ, что *цѣль* безсознательною, по основнымъ своимъ опредѣленіямъ, *быть не можетъ*, (ибо немыслима внѣ апперцепціи); что цѣлесообразность всегда предполагаетъ *сознательнаго*

Наконецъ, если-бы допущенію понятія „безсознательной воли“ и не препятствовали указанныя логическія и гносеологическія соображенія; если-бы мы рѣшились игнорировать quand-même и требованія спекуляціи и законы опыта, прельщенные не столько Einsicht (разумностью), сколько Absicht (практическимъ стремленіемъ) этой модной философіи,—то насъ все-таки заставило-бы отказаться отъ понятія неопредѣленной воли, какъ неопредѣленнаго *само-по-себѣ начала реальности* въ мірѣ, получающаго *всю* свою опредѣленность *только* отъ представленія,—и безусловная *негодность* этого понятія ни для какихъ цѣлей. Негодно это понятіе уже въ метафизической области, какъ одинъ изъ аттрибутовъ Всеединаго Бытія, Сверхсознательнаго, дѣломъ котораго долженъ представиться весь міръ явленій. Если воля *только* неопредѣленное начало реальности (бытія), всякая-же неопредѣленность или форма суть дѣло ничѣмъ не интересующагося, *само-по-себѣ бездѣйственнаго* представленія, то никакое сліянія ихъ во-едино, никакое воленіе Сверхсознательнымъ *чего-нибудь*, *гдѣ-нибудь* и *какъ-нибудь*, никакое опредѣленное хотѣніе (а реальный міръ явленій долженъ быть, по Гартману, міромъ опредѣленныхъ хотѣній, актовъ Сверхсознательнаго) немыслимо ни въ Сверхсознательномъ, ни въ человѣкѣ. Совершенно неопредѣленная воля—индефферентна ко *всякой* опредѣленности, и *сама-по-себѣ* ее не приметъ: ей только нужно *быть* (но она *есть* уже въ доміровомъ хотѣніи хотѣнія),—но не нужно быть *чѣмъ-нибудь*; безусловно-же пассивное, равнодушное представленіе, чуждое само-по-себѣ бытію, никогда не прибавитъ къ своей идеальной опредѣленности—реальности бытія. *Выборъ* неопредѣленною волею опредѣленнаго представленія,—а безъ такого выбора невозможенъ ни одинъ опредѣленный актъ воли, неопредѣленныхъ-же актовъ нѣтъ,—самъ есть уже *опредѣленный актъ*, предполагающій ранѣе другой выборъ пред-

---

агента, *какъ посредника причинности цѣли*, такъ что видимая цѣлесообразность въ безсознательномъ не можетъ быть дѣломъ цѣли, какъ *непосредственной* безсознательной причины. Здѣсь замѣтимъ, что всѣ понятія безсознательной цѣли, какъ причины осуществляющихъ ее средствъ (реальныхъ причинъ цѣли, какъ дѣйствія, результата) берутся всегда—и Гарманомъ, какъ всѣми—изъ понятія цѣли, *какъ мы ее находимъ въ личныхъ сознательныхъ* существахъ, относящихъ *къ себѣ* свои цѣли и *причиненіе* дѣйствія соотвѣтствующихъ средствъ. Только съ этими ограниченіями допустимо старое (Вольфово) опредѣленіе цѣли: Quoniam finis est effectus causae efficientis et simul causa actionis causae actionisefficientis: finis et causa efficiens sunt sibi mutuo causae.

ставленія, какъ свое условіе, и такъ далѣе до безконечности; при этомъ *раздѣленіи* реальнаго и идеальнаго никогда ни одинъ актъ Сверхсознательнаго не состоялся-бы, и та „голова Медузы", передъ которой Гартманъ, какъ истый философъ, цѣпенѣетъ послѣ долгаго выслѣживанія возможности *перваго* отдаленнѣйшаго акта Сверхсознательнаго, была имъ самимъ создана уже въ первыхъ, ближайшихъ опредѣленіяхъ воли и представленія. Не становится возможнымъ *опредѣленный актъ* неопредѣленной въ себѣ воли, опредѣляемой только не реальнымъ въ себѣ представленіемъ, и черезъ то, что *въ Сверхсознательномъ* воля и представленіе *не разъединены*, а суть свойства *единаго* субъекта. Или этотъ субъектъ—сознателенъ, но тогда падаетъ вся философія *Безсознательнаго*, и воля является искони *опредѣленною* сознаннымъ представленіемъ, а представленіе сознанія—искони *реальною* силой, и самая воля—уже не *всеобщее*, *всеединое* и т. под. хотѣніе; или-же Всеединый субъектъ, начало міра, какъ это и утверждается Гартманомъ, *безсознателенъ*, хотя и полонъ представленій, которыя всѣ искони присущи ему (вслѣдствіе чего онъ не сомнѣвается, не заблуждается, не устаетъ и т. под.); но тогда является новая логическая невозможность. Что такое *безсознательное представленіе и безсознательное хотѣніе?* Безсознательное представленіе—contradictio in adjecto. Опредѣленное представленіе (а неопредѣленныхъ — нѣтъ) есть представленіе *чего-нибудь*, о *чемъ-нибудь*, представленіе *объекта*. Но представленіе *объекта* возможно не иначе, какъ подъ условіемъ ***противоположенія субъекту***. Гдѣ нѣтъ этого противоположенія, тамъ нѣтъ и объекта, нѣтъ и представленія *чего нибудь* опредѣленнаго, нѣтъ *опредѣленнаго* представленія, а слѣдовательно, и представленія вообще. И предполагаемое безсознательное представленіе можетъ быть *только*—опредѣленное, ибо иначе не давало бы опредѣленности актамъ безсознательнаго, а такъ какъ опредѣленность всякое представленіе можетъ имѣть только подъ условіемъ противоположенія представляемаго объекта представляющему субъекту, т. е. подъ условіемъ *самосознанія*,—а гдѣ есть самосознаніе, тамъ необходимо есть уже сознаніе,—то значитъ, что „безсознательное представленіе" вообще немыслимо, въ Сверхсознательномъ-ли, въ человѣкѣ-ли.

Но не лучше обстоитъ дѣло и съ опредѣленными безсознательными хотѣніями [1]. Воля сама по-себѣ, говоритъ Гартманъ,

[1] И что Гартманъ самъ дѣйствительно плохо вѣритъ въ возможность *совершенно-безсознательнаго* хотѣнія — это видно изъ того, что предше-

есть только „*пустая форма* хотѣнія“. Хотѣніе актуально, дѣйствительно только *въ отношеніи* между *представленіями* настоящаго и будущаго состояній... Если мы изъ понятія воли удалимъ это отношеніе, то отнимемъ у нея реальность, существованіе. Воля, которая не хочетъ *чего-нибудь*, не существуетъ. Поэтому всякое безсознательное хотѣніе должно быть соединено съ представленіемъ. И представленія, нужныя для того, чтобы состоялась воля, суть представленія настоящаго состоянія, изъ котораго требуется выйти, и состоянія будущаго—желательнаго. Даже та воля, которая хочетъ продленія настоящаго состоянія, возможна только при представленіи о прекращеніи этого состоянія. Никакое состояніе, замкнутое въ себѣ, „не могущее выйти изъ себя“, не даетъ хотѣнія.

Здѣсь мы видимъ, во-первыхъ, что воля и представленіе настолько тѣсно связаны по понятіямъ самого Гартмана, что раздѣлять ихъ не представляется ни малѣйшаго основанія. „Пустая форма“ всегда и *вездѣ* (въ явленіи-ли, или въ умомыслимомъ) остается только абстракціей. Гартманъ и *не* раздѣляетъ воли отъ представленія во всеединомъ Субъектѣ, творящемъ міръ,— въ Безсознательномъ. Но, раздѣливъ ихъ въ сферѣ *явленій*, и объясняя взаимодѣйствіе ихъ *здѣсь* и возможность конкретнаго хотѣнія только изъ непрерывнаго вмѣшательства дѣятельности Безсознательнаго, имѣющей своимъ условіемъ ихъ единство въ

ствующее первому опредѣленному акту Безсознательнаго, до-міровое его состояніе *хотѣнія-хотѣнія уже сопряжено* съ сознаніемъ *томленія*, такъ что у Гартмана, въ противность его собственнымъ положеніямъ, признается, *до всякаго участія безсознательныхъ представленій*, до-міровое реальное хотѣніе и даже до-міровое *сознаніе*. Но, во-первыхъ, зачѣмъ, при этомъ, были нужны Гартману безсознательныя представленія? чѣмъ можетъ онъ мотивировать допущеніе этого понятія въ систему? Во-вторыхъ, хотѣніе хотѣнія реально уже не *само-по-себѣ*, а только, какъ опредѣленное уже сознаніемъ (томленіемъ), и сознаніе является уже искони *дѣятельнымъ*, и *Безсознательное* — не безсознательно. Въ-третьихъ, Гартманъ забываетъ здѣсь свою теорію происхожденія сознанія вообще изъ *конфликтовъ отдѣльныхъ актовъ* Безсознательнаго; *съ чѣмъ* могло-бы столкнуться *до-міровое* хотѣніе-хотѣнія безсознательнаго? Въ-четвертыхъ, забываетъ Гартманъ и свое положеніе, что сознаніе есть производное *явленіе*, такъ что, допустивъ до-міровое сознаніе, долженъ допустить и такое чудовище, какъ *до-міровое явленіе!* И *кому* оно было-бы явленіемъ, если Безсознательное— безсознательно?! Нужно вообще согласиться, что Безсознательному Гартмана нельзя оставаться *безъ* сознанія, и что философія Безсознательнаго, несмотря на всѣ находимыя въ ней любителями достоинства, не можетъ долго держаться тамъ, гдѣ дорожатъ истиной и логикой!

немъ,—онъ или долженъ былъ провести это единство,—если оно *объяснитъ* конкретное хотѣніе въ Безсознательномъ,—и въ мірѣ явленій, не раздѣлять воли и представленія *и здѣсь*; или же, если конкретное хотѣніе *непонятно* изъ единства воли и представлевія въ мірѣ явленій, то, конечно, оно не станетъ намъ болѣе *понятнымъ* и въ области метафизической, наименѣе конкретной, мистической въ Безсознательномъ. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ „Безсознательное", для *объясненія* существующаго, ненужное, *мишнее*, и потому ненаучное понятіе: оно годно къ тому только, чтобы затемнить, а не объяснить.

Но „воля" въ Безсознательномъ, при томъ понятіи о ней, какое Гартманъ устанавливаетъ, во-вторыхъ, и *невозможна*. Мы уже указали на невозможность *представленія* (представленія *объекта*) безъ условія самосознанія,—воля же въ Безсознательномъ опредѣлена предполагаемыми безсознательными представленіями, и у него самого, какъ Безсознательнаго, самосознанія быть не можетъ. Но если бы и возможно было допустить безсознательное хотѣніе, какъ волю, опредѣленную *однимъ* безсознательнымъ представленіемъ, если бы Безсознательное, какъ такое, и могло имѣть, хотя *одно* безсознательное представленіе и потому—безсознательно хотѣть *чего-нибудь*: то является опять новое, непреоборимое затрудненіе. Воля, какъ оказывается по Гартману, не существуетъ *внѣ отношенія между, по крайней мѣрѣ, двумя представленіями* (настоящаго и будущаго состояній [1]. Но, и допустивъ на время мыслимость *безсознательнаго представленія* вообще,—какимъ образомъ, спрашивается, возможно мыслить *хотѣніе отношенія между двумя безсознательными представленіями?* Или воля есть *продуктъ* этого отношенія,—и тогда она уже далеко не начало *всякой реальности*; или же воля сама *производитъ* это отношеніе, сравнивая представленіе настоящаго состоянія съ представленіемъ будущаго. Но такое *сравненіе* пред-

[1] И какъ мыслимо представленіе *будущаго* состоянія *безъ* сознанія, безъ различенія разныхъ представленій, какъ *объективныхъ*? Для безсознательнаго представленія возможно было-бы допустить одну форму—*настоящаго*, какъ и вообще для Безсознательнаго. Представленія будущаго, какъ будущаго, и прошедшаго, какъ прошедшаго, какъ *объективныя*, немыслимы безъ самосознанія, противоположенія субъекта—объекту, *какъ имѣющему самостоятельное бытіе*. Поэтому многіе и не признаютъ *объективныхъ* понятій будущаго и прошедшаго въ предполагаемыхъ *несамосознательными* животныхъ, вся жизнь которыхъ почитается замкнутою въ форму *настоящаго, непосредственно*-мотивирующаго.

ставленій окончательно уже невозможно *внѣ самосознанія*. И въ томъ и въ другомъ случаѣ Безсознательное, какъ немыслимое, только обогащаетъ метафизику новымъ чудовищемъ.

Остается, такимъ образомъ, искать объясненія хотѣній, отвѣта на вопросъ объ отношеніи воли, какъ реализующей, къ представленію, въ сферѣ *явленій*. Но *откуда* можно взять здѣсь самое понятіе воли, какъ чего-то *реальнаго?* „Воля, какъ говоритъ Гартманъ, въ качествѣ чисто-формальнаго, получающаго свое содержаніе только въ представленіи, есть *неопредѣленное* въ понятіи, *единственное* въ своемъ родѣ, именно то, *что, не бывши само по себѣ реальнымъ, въ своей дѣятельности осуществляетъ переходъ идеальнаго въ реальное.*“ Мы думаемъ, что вообще такого „понятія“, какъ установленное въ подчеркнутыхъ нами словахъ, никакое сознаніе *понять* не можетъ, и что если бы не могло быть *инаго* понятія о волѣ, то и никогда человѣкъ не додумался бы до предположенія воли. Откуда же, повторяемъ, это понятіе воли, чѣмъ оно оправдывается? Это есть понятіе чистой *дѣятельности*. Но гдѣ *данныя* для послѣдняго? Въ объективномъ мірѣ мы видимъ дѣятельности—только перенося въ видимое нами *послѣдованіе* явленій, по аналогіи, фактъ сознаваемой *нами*, своей дѣятельности, связи хотѣній, усилій и движеній. Но и сознаваемая нами *въ себѣ* дѣятельность — опять (какъ было очень часто и со всѣхъ сторонъ повторяемо) *непосредственно* представляетъ сознанію только *послѣдованіе же* нашихъ хотѣній и положеній, состояній нашего тѣла (притомъ и безъ всякаго сознанія множества промежуточныхъ звеньевъ, связующихъ эти состоянія наши); слѣдовательно, и здѣсь мы *дѣятельности* непосредственно *не видимъ*, — и сюда понятіе о ней привносимъ, по аналогіи, отъиначе.

Откуда же и что нашему сознанію *дано непосредственно*, какъ дѣятельность? Есть *одно* такое явленіе, самое всеобщее, самое интимное и *самое несомнѣнное для того, кто его въ себѣ произведетъ: самосознаніе*. Одно самосознаніе *существуетъ только какъ актъ*, есть непосредственно актъ, а не *состояніе* и не *послѣдованіе* состояній. Великій Фихте (отецъ) безъ конца повторялъ это тѣмъ, которые требовали, чтобъ имъ *доказали* самосознаніе, не хотя *произвести* его своимъ актомъ: все можно показать и доказать, говорилъ онъ, — одного самосознанія (совпадающаго, въ нашемъ воззрѣніи, съ сознаніемъ сознанія) нельзя,—его можно только *самому*, *своимъ* актомъ и *для себя* произвести. *Въ немъ* и только въ немъ намъ дана чистая дѣятель-

ность; съ нимъ, слѣдовательно, и совпадаетъ понятіе воли, какъ чисто-дѣятельной. *Но совпадаетъ съ нимъ, конечно, понятіе воли не безсознательной* (воли Шопенгауэра и Гартмана),—*ибо самосознанія нѣтъ безъ сознанія, безъ сознательныхъ представленій...* [1]

Признавъ предшествующее, невозможно уже никакъ принимать *волю* за самостоятельную метафизическую или техническую реальность, и тѣмъ болѣе за *начало* всякой реальности; хотя, конечно, можно будетъ признать за *словомъ* „воля“ значеніе весьма полезнаго для облегченія мышленія, суммарнаго выра-

---

[1] Здѣсь, для предупрежденія возможныхъ недоразумѣній, замѣтимъ, не вдаваясь въ преждевременныя подробности, что въ нашемъ міровоззрѣніи актъ самосознанія не есть *безусловный* актъ, актъ, *независящій* ни отъ какого готоваго содержанія сознанія. Придерживаясь строго необходимой коррелятивности объекта субъекту, мы самосознаніе считаемъ возможнымъ только подъ условіемъ конкретнаго сознанія; самосознаніе только даетъ содержанію сознанія *форму объекта*, ставитъ сознаваемое какъ объектъ, и самое *сознаніе* объектовъ признаетъ за *себя самого*, за свое сознаніе. Такимъ образомъ самосознаніе у насъ является *сознаніемъ сознанія*, второю потенціею сознанія; оно одинаково отличается и отъ чистаго самосознанія (чистое всеобщее *я*), *дѣйствительность* котораго очень сомнительна и единственное основаніе къ принятію котораго даетъ мнѣніе о *необходимости*, будто бы, его, какъ всеобщаго, формальнаго *условія* дѣятельностей сознанія конкретныхъ, логическаго мышленія напр., — какъ и отъ *эмпирическаго* самосознанія (*я* это, а не другое, особь съ такими-то опредѣленными свойствами, силами и т. под., только — индивидуальное). *Сознаніе* сознанія, давая ту *форму всеобщаго единства* всему содержанію сознанія, всему сознаваемому, — форму, ради необходимости которой для дѣятельностей мышленія и почитается необходимымъ невстрѣчаемое въ дѣйствительности *чистое я*,—слѣд. вполнѣ выполняя задачу послѣдняго, только постулируемаго, и въ то же время дѣйствительно существуя вездѣ, гдѣ есть *мышленіе* о *предметахъ* въ *представленіяхъ* о нихъ, — устраняетъ необходимость постулата чистаго *я* со всѣми его давними, неразрѣшимыми задачами. Съ другой-же стороны оно даетъ необходимое наполненіе эмпирическому самосознанію, которое несостоятельно само-по-себѣ, для осуществленія мышленія *закономѣрнаго*, або всеобщаго по формамъ и единаго, такъ какъ само оно *только*—индивидуально; между тѣмъ какъ сознаніе *о* сознаніи даетъ послѣднему ту чистую форму единства, всеобщности и закономѣрности, безъ которыхъ логическое мышленіе, существующее дѣйствительно, было-бы невозможно. Просимъ читатели помнить, что все сказанное здѣсь слишкомъ кратко для того, чтобы быть понятнымъ всѣмъ, станетъ вполнѣ ясно дальше; здѣсь-же сказано только для предупрежденія возможнаго недоразумѣнія со стороны лицъ, знакомыхъ съ системами, и быть можетъ склонившихся-бы, безъ этого предупрежденія, смѣшать то являющееся самосознаніе, о которомъ я говорю, съ безусловнымъ, трансцендентнымъ актомъ *я*, создающаго объектъ (не имѣя его данным уже), — у Фихте-отца.

женія извѣстнаго ряда сходныхъ психическихъ явленій, *сходныхъ проявленій самосознанія*, различающихся отъ другаго ряда его же проявленій, обозначаемаго нами суммарно словомъ *представленіе*, напримѣръ, хотя бы различными *задачами*, преслѣдуемыми въ немъ самосознаніемъ. Такими различными задачами могутъ быть, положимъ, реализація субъективнаго *я* и идеализація объективнаго *не я*. Обѣ эти задачи невозможны безъ самосознанія, и соотвѣтствующія имъ *воля и мысль* будутъ, при этомъ, поняты, какъ *двѣ формы самосознанія*, единственнаго первообраза дѣятельности вообще. При этомъ уже невозможно будетъ говорить о волѣ безъ мысли и о мысли безъ воли. Съ этой точки зрѣнія подтвердится такъ-же и давно уже доказанная исторіею философіи связь между идеализмомъ (Первоначаломъ какъ дѣятельностью, и волею, какъ только—сознательною, какъ *практическимъ разумомъ*), съ одной строны,—и матерьялизмомъ (Первосущимъ, какъ состояніемъ и безсознательною волей), съ другой. Значеніе „воли“ въ первомъ и второмъ случаяхъ, конечно, весьма различно; но ни одно изъ нихъ не совпадаетъ съ понятіемъ о безсознательной волѣ, какъ началѣ реализующей дѣятельности, съ теоріею воли Гартмана и Шоппенгауэра. Если-бы оказались въ дѣйствительномъ мірѣ и явленія, соотвѣтствующія первому значенію воли, въ смыслѣ идеализма,—и явленія, подходящія подъ смыслъ, придаваемый понятію воли матеріализмомъ то было бы весьма желательно не смѣшивать эти явленія, какъ однородныя, въ одномъ представленіи и подъ однимъ названіемъ, но было бы во всякомъ случаѣ необходимо строго-научно изслѣдовать взаимоотношеніе этихъ двухъ рядовъ явленій и ихъ законы и психическое взаимодѣйствіе.

Во всякомъ случаѣ, *если* мы хотимъ пользоваться понятіемъ воли не безотчетно, но оправдавъ его, *какъ именно понятіе о дѣятельности* (а не какъ объ одномъ изъ психическихъ *состояній*), то мы должны видѣть ея первообразъ *единственно* въ самосознаніи, и можемъ признавать *такую* волю только за существомъ *самосознающимъ*, личнымъ,—*будетъ ли то существо метафизическое, или же являющійся человѣкъ*. И отрицающій самобытность личности пантеизмъ, столь усердно рекомендуемый Гартманомъ, съ понятіемъ *без-*, *до-*или *сверх*-сознательной воли, какъ дѣятельной, несовмѣстимъ. [1]

---

[1] Что видно всего лучше на примѣрѣ Спинозы, въ ученіи котораго *воля* вовсе отрицается, а остается только мощь и appetitus.

Возвращаясь къ Гартману, замѣтимъ, что въ его собственномъ анализѣ условій и моментовъ воли есть указанія, которыя логически необходимо навели бы его на понятіе о волѣ, формѣ самосознанія, и не допустили бы въ его умъ призракъ Безсознательнаго перводѣятеля, если-бы этотъ умъ былъ не умомъ *волящимъ* Безсознательное, а просто мыслящимъ ради *выясненія* истины. Гартманъ прекрасно замѣчаетъ, что никакое *состояніе*, въ себѣ замкнутое, не могущее *само* выйти за свои предѣлы, не даетъ *хотѣнія*. Но онъ долженъ бы припомнить, что это разсужденіе прилагается ко всему, что принимается за только *состояніе*,—ко всему, что есть *только объектъ* для другаго, что существуетъ только объективно, то есть въ другомъ и черезъ другое. Но, если ничто *объективное* не даетъ хотѣнія, то и можно искать основанія послѣдняго только въ томъ, что существуетъ не черезъ другое и не для другаго, но *что есть для себя*, само себя дѣлаетъ. Единственная же извѣстная намъ форма бытія, какъ для себя бытіе, бытіе себѣ объектомъ,—форма, за которою не нужно было бѣгать въ міръ недомыслимаго, Сверхмыслимаго, въ міръ „цѣпенящихъ мысль головъ Медузъ,“ такъ какъ она непосредственно дана всякому въ личномъ опытѣ,—есть самосознаніе. Такимъ образомъ, хотѣніе логически немыслимо внѣ и безъ самосознанія.

VI.

Установка факторовъ сознательнаго дѣйствія (характеръ, мотивъ, воля, чувства удовольствія и страданія), въ связи съ разборомъ ученія Гартмана объ этомъ предметѣ.

Дѣйствіе является у Гартмана продуктомъ *двухъ* факторовъ: *сознаваемаго* мотива, представленія и — реагирующей на представленіе (такъ или иначе,—смотря по отношенію къ *безсознательному* представленію) воли. Если бы воля не имѣла *опредѣленности* въ своемъ безсознательномъ содержаніи; если бы она не была опредѣлена безсознательнымъ представленіемъ, а опредѣлялась только сознаваемыми представленіями, мотивами: то у *всѣхъ* людей такая однородная воля (какъ пустая форма), реагировала бы на одинаковые мотивы, представленія сознанія, *одинаково*. Различное отношеніе разныхъ индивидуумовъ къ одинаковымъ мотивамъ, разная цѣна послѣднихъ для разныхъ людей объясняется только различіемъ составляющихъ опредѣленность индивидуальныхъ волъ, безсознательныхъ представленій.

Эта опредѣленность, отъ которой зависитъ и та или иная реакція воли на мотивъ, называется *характеромъ* и составляетъ самое ядро личности (объективно выражается амплитудой мозговыхъ колебаній). „Характеръ“,—говоритъ Гартманъ,—„есть *родъ реакціи* на всякій классъ мотивовъ, или, *что то же* (далеко не то же!), совокупность *силъ возбужденія* (Erregungsfähigkeit), свойственныхъ всякому особому роду пожеланій“. Такимъ образомъ, реакція на мотивъ совершается, по Гартману, *внѣ сознанія*,—совершенно подобно рефлекторному дѣйствію. Мы видимъ только готовый уже *результатъ* (воли), и притомъ—*только* въ самый моментъ, когда онъ практически выражается *дѣйствіемъ*. Въ подтвержденіе этого Гартманъ приводитъ много любопытныхъ случаевъ того, какъ наше *сознаніе обманываетъ* насъ относительно нашихъ дѣйствительныхъ склонностей, глубочайшихъ желаній и т. п.,—забывая, при этомъ, къ сожалѣнію, что эти любопытные случаи—не единственные, и что сознаніе *иногда* и *не* обманываетъ насъ здѣсь, *что есть и сознательно-намѣренныя дѣйствія и сознательно-цѣлесообразное употребленіе средствъ* и—далѣе, что разладъ между сознаваемымъ и несознаваемымъ хотѣніемъ можетъ объясняться и не единственно при Гартмановомъ пониманіи рѣшительнаго хотѣнія, какъ *дѣла исключительно внѣсознательной реакціи безсознательной воли на представленіе сознанія.*

Мы думаемъ, что, во-первыхъ, весьма трудно понять возможность безсознательнаго дѣйствія безсознательной воли на представленіе сознанія,—не менѣе трудно, чѣмъ непонятое до сихъ поръ взаимодѣйствіе души и тѣла; что, во-вторыхъ, мы не понимаемъ, *для чего* требуется для совершенія дѣйствія *сознательный мотивъ*, если воля уже *и безъ него опредѣлена* безсознательнымъ представленіемъ (въ амплитудѣ мозговыхъ колебаній), если опредѣленное хотѣніе уже *есть* въ ней, и это хотѣніе — *дѣйствительное*, хотѣніе же сознанія есть только предполагаемое хотѣніе, пока не подтвердится или не опровергнется вытекшимъ изъ безсознательной реакціи *дѣйствіемъ*? Въ чемъ здѣсь зависимость дѣйствія отъ сознательнаго хотѣнія, мотива? И при чемъ здѣсь сознанная и направляющая *цѣль* дѣйствія? Мы не понимаемъ, далѣе, не только *для чего* нужно здѣсь Гартману сознаніе, мотивъ его и т. п., безъ которыхъ очень хорошо можетъ состояться и хотѣніе, и дѣйствіе; но и *какъ* представленіе сознанія,—по Гартману, совершенно спокойное, безучастное и бездѣятельное,—можетъ какимъ бы то ни было образомъ *дѣй-*

ствовать на безсознательное, возбуждать волю къ реакціи на свою невозможную *акцію*? При изложенныхъ предпосылкахъ сознаніе, *какъ факторъ* дѣйствія, Гартману и не нужно и немыслимо: вѣдь всѣ дѣйствія, и сознательныя и безсознательныя, и намѣренныя и случайныя,—суть *равныя* дѣйствія безсознательнаго, точно такъ же, какъ и событія природы.

Непонятно, прежде всего, какъ простое *представленіе* сознанія можетъ сдѣлаться *движущимъ* мотивомъ, „достаточнымъ основаніемъ" хотѣнія (которое, однако же, опредѣляется, какъ видно, не имъ, а значитъ—„*не*достаточнымъ" основаніемъ, волей?). Представленіе *само-по-себѣ* не мотивъ, иначе всѣ представленія были бы въ равной степени мотивами. Представленіе сознанія далѣе—не прямо, не *непосредственно* воздѣйствуетъ на безсознательную волю (характеръ), и *реакція* послѣдней на него, дающая ему характеръ мотива, возбуждающаго *пожеланія* или *отвращенія*, также не прямая, непосредственная. Оказывается, что, хотя Гартманъ и призналъ эту реакцію за *внѣсознательную* (и поэтому прямую), но что между волей и представленіемъ есть еще *промежуточное* звено, дѣлающее представленіе мотивомъ, выражающее *моментъ реакціи* воли на представленіе и выражающее эту реакцію *въ сознаніи*. Это выраженіе реакціи воли въ сознаніи, безъ котораго сознаваемое холодное представленіе никогда не приметъ оттѣнка мотива, пожеланія или отвращенія, не возбудитъ никакого интереса къ себѣ,—есть *чувство* удовольствія или неудовольствія, выражающее соотвѣтствіе содержанія представленія или его несоотвѣтствіе внутреннѣйшей природѣ нашей, ея требованіямъ, совокупность которыхъ всѣ называютъ характеромъ, а Гартманъ отождествляетъ съ безсознательною волей. Безъ *сознательныхъ* чувствъ удовольствія и неудольствія—представленіе *никогда* не возбудитъ *сознательныхъ пожеланій* и отвращеній, не сдѣлается мотивомъ.

Но здѣсь Гартмановы понятія о безсознательной волѣ и представленіи ставятъ новыя неподолимыя препятствія. Такъ какъ *сознаніе*, въ его системѣ, чуждо волѣ по ея природѣ (ибо она и такъ уже опредѣлена безсознательными представленіями!), то Гартманъ и объясняетъ происхожденіе сознанія „ступефакціей" *безсознательнаго хотѣнія*, являющеюся, когда оно сталкивается съ тѣмъ, *чего не хотѣло*, съ внѣшнимъ ему: сознаніе, по его ученію, возможно только тамъ, гдѣ индивидуальная безсознательная воля встрѣчается съ чѣмъ-то чужимъ, *даннымъ* ей помимо ея воленія. Поэтому всякій процессъ появленія сознанія

сопряженъ, по Гартману, съ нѣкоторымъ *неудовольствіемъ*. Поэтому же *неудовольствіе* воли должно всегда сознаваться, такъ какъ воля никогда не можетъ хотѣть своего неудовольствія. Но поэтому же и „чувство удовольствія само-по-себѣ не можетъ быть сознаваемо, ибо, осуществляя свое содержаніе, и черезъ это достигая своего удовлетворенія, волѣ не приходится сталкиваться ни съ чѣмъ враждебнымъ ей, и такъ какъ здѣсь полное отсутствіе принужденія отвнѣ, и воля только развиваетъ себя же, то и не можетъ произойти сознаніе". Какъ?—спроситъ читатель,—ужели мнѣ никогда не приходилось сознавать чувство удовольствія и я ошибочно думалъ, что наслаждаюсь, когда наслаждался? По Гартману, выходитъ такъ, ибо сознаніе *чуждо* безсознательной волѣ, и сознается только *чуждое*, несоотвѣтствующее ей.

Впрочемъ, у Гартмана есть оговорка относительно чувства удовольствія, сознаніе котораго отрицать такъ-таки безусловно все-таки мудрено, хотя бы и ради хитрой метафизической системы: сознаніе чувства удовольствія можетъ явиться, по Гартману, тамъ, гдѣ мы, путемъ опытовъ и сравненій случаевъ неудовлетворенія, *узнаемъ его причины* такъ же, *какъ и внѣшнія условія, при которыхъ удается осуществленіе воли*. Едва-ли многіе повѣрятъ Гартману, будто *знаніе* условій успѣха *есть* сознаніе чувства удовольствія; вѣдь самаго чувства удовольствія въ сознаніи, при Гартмановомъ объясненіи, все-таки *нѣтъ*. Если-же *знаніе* условій успѣха можетъ *возбудить* во мнѣ сознанное *чувство* удовольствія, то, значитъ, *вообще представленіе* сознанія можетъ сдѣлать то же, и фактъ сознаннаго чувства удовольствія остается по-прежнему неоспоримымъ фактомъ и въ то же время неоправданною невозможностью въ системѣ Гартмана. Если мы не остановимся надъ этими вопросами и повѣримъ Гартману на-слово, что сознанія удовольствія нѣтъ, что представленія вызываютъ въ сознаніи только чувство неудовольствія, то придемъ къ тому, что представленія, какъ никогда не могущія возбудить положительныхъ *желаній* (ибо желаніе можетъ быть возбуждено только представленіемъ связаннымъ съ *пріятнымъ* чувствомъ), какъ возбуждающія только отвращеніе, отрицаемыя волей, никогда и не могутъ быть положительными *мотивами*, т. е. что сознательные мотивы вообще невозможны (вся реакція воли на представленіе сознанія ограничивалась-бы удаленіемъ воли отъ представленій и представляемаго). Невозможность-же мотивовъ при Гартмановыхъ понятіяхъ о

безсознательной волѣ и нереальномъ представленіи показываетъ намъ невозможность прямаго взаимодѣйствія только-сознательнаго и только-безсознательнаго.

Если возможно взаимодѣйствіе представленія и характера (только-безсознательнаго, познаваемаго только a posteriori, изъ дѣйствій), то только—взаимодѣйствіе не прямое, а черезъ промежуточное звено, которое, *будучи родственно представленію сознанія*, и потому сливаясь съ нимъ, могло-бы давать ему *активный* характеръ мотива. Такимъ сливающимся съ представленіемъ сознанія можетъ быть только *сознаваемое-же чувство*, придающее холодному представленію интересъ для насъ. „Безсознательное представленіе“, если-бы и не было невозможностью и недоразумѣніемъ, не имѣетъ, для самого Гартмана, ничего общаго по природѣ своей (а не по наименованію) съ представленіемъ сознанія; *вся природа послѣдняго въ томъ, что оно представляется* въ такихъ-то и такихъ-то формахъ (во времени, пространствѣ, причинности, отдѣльности, какъ объектъ и т. под.); безсознательное-же представленіе, по Гартману, сознательному — *безусловно гетерогенно* (инородно). „Такъ какъ сознаніе,—говоритъ Гартманъ,—не можетъ ничего представить себѣ внѣ формъ чувственности, то отсюда слѣдуетъ, что сознаніе никакъ не можетъ себѣ прямо представить способъ, *какъ* представляется безсознательное представленіе; сознаніе можетъ только отрицательно знать, что *безсознательное не представляется ни однимъ изъ способовъ, какіе сознаніе можетъ себѣ представить*“. Поэтому нельзя безсознательное представленіе считать за то *родственное* представленію сознанія, черезъ посредство котораго могло-бы осуществиться взаимодѣйствіе послѣдняго съ безсознательною волей. Такимъ связующимъ звеномъ, за негодностью безсознательнаго представленія, остается принять только *сознательное* чувство, извѣстное намъ изъ непосредственнаго опыта, доколѣ метафизика не придумала еще, на мѣсто фактовъ опыта, другихъ, сколько-нибудь логически-состоятельныхъ мыслимостей въ замѣну „безсознательнаго представленія“.

Но если безъ этого сознательнаго промежуточнаго звена непонятна мотивація воли сознательными представленіями, то: во-1-хъ) реакція воли на представленіе *не прямая*; во-2-хъ) она *не-внѣ-сознательная*; въ-3-хъ) представленіе сознанія не чисто-пассивно, но съ реальною силой ведетъ къ реальному хотѣнію, *само* отъ себя; въ-4-хъ), слѣд., нельзя считать за дѣйствительное

хотѣніе только хотѣніе *безсознательное;* въ-5-хъ) нельзя говорить, что мы *не знаемъ* своего дѣйствительнаго хотѣнія *до* совершенія дѣйствія, *до* проявленія внѣсознательной реакціи безсознательной воли (что́ означаетъ, просто, что намѣренность дѣйствій—мнимая, въ духѣ Спинозы) и, наконецъ, въ-6-хъ) нельзя говорить, будто борьба желаній,—тѣхъ силъ, которыя рѣшаютъ, что то или иное дѣйствіе будетъ совершено,—совершается *внѣ сознанія*, и что исходъ этой борьбы опредѣляется безсознательнымъ факторомъ и *внѣ* сознанія. А между тѣмъ всё, высказанное нами здѣсь, какъ невозможное, утверждается Гартманомъ,—хотя трудно понять, какое, при этомъ, имѣетъ отношеніе къ намѣренному дѣйствію и *истинному* хотѣнію (внѣсознательнымъ, безсознательнымъ) моментъ сознанія, представленія мотивовъ и т. п.

Мы здѣсь не будемъ останавливаться на критикѣ этихъ положеній Гартмана (такъ какъ критика совершенно подобныхъ положеній предстоитъ намъ при разборѣ Шопенгауэрова понятія о волѣ) и скажемъ лишь еще нѣсколько словъ въ подтвержденіе необходимости сознательной реакціи характера на мотивъ, чрезъ посредство сознаннаго чувства, для того чтобы изъ взаимодѣйствія характера и мотива могло произойти опредѣленное хотѣніе и дѣйствіе.

Есть *двѣ* возможности представить себѣ характеръ, индивидуально реагирующій на представленіе—мотивъ.

Во-первыхъ, индивидуальный характеръ можно представить себѣ какъ *всесторонне*, до мельчайшихъ частей, опредѣленный уже *внѣ-сознанія*,—какъ такой, въ которомъ уже и безъ помощи сознанія предопредѣлены *всѣ* соотвѣтствующія ему частныя хотѣнія. Но дѣйствія, *соотвѣтствующія* такому характеру, вовсе не нуждались-бы въ опредѣленіи мотивами, сознаніемъ, для того, чтобы состояться въ благопріятныхъ условіяхъ; для дѣйствій-же, несоотвѣтствующихъ такому характеру, мотивы, сознанія, имѣли-бы только то значеніе, что модифицировали-бы выборъ *средствъ* осуществленія хотѣній въ данныхъ сознанію *условіяхъ* и давали-бы *поводъ* проявленію хотѣній. Таково приблизительно и есть ученіе Шопенгауэра. Но, утверждая, что мы вмѣняемъ человѣку дѣйствія его *характера*, что субъектъ вмѣненія есть характеръ, должно-бы при этомъ прійти къ тому курьезному заключенію, что истинно вмѣняемы только дѣйствія, состоявшіяся *безъ помощи* опредѣляющихъ мотивовъ, безсознательныя, или безсознательное въ дѣйствіяхъ,—ибо нельзя-же

вмѣнять характеру то, что обусловлено сознаніемъ, но *въ характерѣ* никакихъ основаній не имѣетъ, внѣшне ему, то-есть *условія*, *поводы* и посильныя *средства* дѣйствія въ этихъ данныхъ отвнѣ условіяхъ! Съ этимъ понятіемъ характера такимъ образомъ несовмѣстимо понятіе о мотивації черезъ сознаніе, какъ о формѣ *причинности*, о вмѣняемости только сознательныхъ дѣйствій, о вмѣненіи характера и т. п.,—словомъ, всѣ этическія понятія самого Шопенгауэра.

Во-вторыхъ, можно представить себѣ, что въ индивидуальномъ характерѣ не предопредѣлены въ частности всѣ его хотѣнія, а опредѣлены, лишь возможныя *общія направленія* хотѣнія, (хотя-бы, напр. въ амплитудѣ мозговыхъ колебаній), которыя такимъ образомъ должны, чтобы сдѣлаться конкретными хотѣніями, такъ сказать *до*получить опредѣленность отъ частныхъ мотивовъ, представленій сознанія. При такомъ взаимодѣйствіи опредѣленнаго только въ *общемъ направленіи* характера и *частныхъ* мотивовъ, дѣйствіе является дѣйствительно произведеніемъ мотива *и* характера, а не *одного* изъ двухъ. Но зато здѣсь, кромѣ этихъ двухъ факторовъ, необходимъ еще и третій, посредствующій и притомъ *сознательный*, такъ что реакція характера на представленія сознанія явится и не *непосредственною* и *небезсознательною*, что для цѣлей нашего изслѣдованія очень важно. Какимъ образомъ можетъ, дѣйствительно, прійти къ единству съ только частнымъ представленіемъ *чего-нибудь* (слѣд., объективнымъ) только общее, безсознательное, не заключающее въ себѣ никакого прямаго отношенія, ни къ одному *опредѣленному объекту*, направленіе? Одно — только-объективно и опредѣленно; другое только-субъективно и неопредѣленно. Очевидно, нужно что-нибудь *общее обоимъ*, дабы общее могло опредѣлиться частнымъ, характеръ мотивомъ. Нужно что-нибудь, также только субъективное, какъ и общее направленіе характера, но носящее въ себѣ въ то же время и *отношеніе* къ лежащему внѣ общей опредѣленности субъективнаго характера *опредѣленному объекту*, и потому уже опредѣленное, несмотря на свою субъективность, и приближающее опредѣленность объекта къ неопредѣленной субъективности. Этимъ условіямъ удовлетворяетъ только *чувство*,—опредѣленность субъективная и общая и въ то же время требующая отношенія субъекта къ какому-нибудь опредѣленному объекту, или къ классу объектовъ, слѣд. могущая составить переходъ, дать возможность взаимодѣйствія между факторомъ дѣйствія безсознательнымъ и

общимъ (опредѣленнымъ только въ направленіи характеромъ и сознательнымъ и частнымъ (мотивъ, обусловливающій конкретное сознательное хотѣніе, это именно, а не другое) [1]. Но для того, чтобы составить этотъ переходъ отъ субъекта къ объекту (данному въ опредѣленномъ *представленіи сознанія*), чувство должно, очевидно, быть *сознательнымъ*; безъ этого оно не заключаетъ въ себѣ *отношенія къ сознанному объективному*, этому а не другому, а слѣдовательно объективное представленіе сознанія и безсознательное направленіе характера останутся, какъ и прежде, безусловно разъединенными, равно какъ останется совершенно непонятною и возможность какого-либо взаимодѣйствія между ними, реакціи одного на другое, перехода безучастнаго само-по-себѣ, объективнаго представленія въ имѣющій *интересъ* для субъекта мотивъ. Мотивъ есть такое представленіе сознанія, которое имѣетъ въ себѣ *отношеніе* къ субъекту, а потому и *интересъ* для него,—не пассивное представленіе. Это *отношеніе*, интересующее субъекта, *въ сознаніи* должно именно выражаться различіемъ для него представленія вообще отъ мотива: иначе для сознанія или *всѣ* представленія были-бы равно мотивами, или же всѣ мотивы были-бы не интересными, безучастными представленіями, то-есть мотивовъ въ сознаніи, какъ *причинъ* опредѣленныхъ хотѣній, вовсе не было-бы. А выражаться *для сознанія* отношеніе объективнаго представленія къ субъекту, *интересъ* перваго для второго можетъ только въ формѣ связаннаго съ этимъ представленіемъ *сознаннаго* чувства. Съ другой стороны, указывая сознанію интересъ *такого-то* объективнаго предсказанія для лежащаго внѣ сознанія субъективнаго фактора, сознаваемое чувство даетъ сознанію знать и объ *общемъ направленіи* этого безсознательнаго субъекта, дѣлаетъ его *извѣстнымъ сознанію и до* совершенія

---

[1] Нужно помнить, что, и съ физіологической точки зрѣнія, „идея не можетъ ни принять стимула прямо изъ внѣшняго міра, ни дѣйствовать прямо на внѣшній міръ; какъ въ ея происхожденіи, такъ и выраженіи принимаютъ участіе органы чувствъ (*Маудсли*, физ. и патол. души с. 135). О важности органовъ чувствъ въ интеллектуальныхъ дѣйствіяхъ, какъ посредниковъ, проводниковъ между физическимъ и психическимъ см. у *Маудсли* с. 134 и сл. Какова роль чувства въ психическихъ событіяхъ, въ связи ихъ съ физическими, видно изъ того, наприм., что „однимъ изъ самыхъ раннихъ признаковъ помѣшательства, однимъ изъ постоянныхъ проявленій разстройства нервныхъ центровъ, отъ какой-бы причины оно ни зависѣло, бываетъ разстройство въ сферѣ чувства, за которымъ уже слѣдуетъ большее или меньшее извращеніе сужденія“ (о. с. р. 150).

дѣйствія (изъ котораго только, какъ изъ объективнаго фактора, мы будто-бы и можемъ узнать свой характеръ, по ученіямъ Гартмана и Шопенгауэра) и *до* конца борьбы мотивовъ, желаній и т. под. [1]

При этомъ взглядѣ на взаимное отношеніе факторовъ дѣйствія (мотивъ сознанія, чувство и безсознательный характеръ), оказывается, что представленіе *дано* въ сознаніи; чувство *должно быть дано* въ немъ для того, чтобы простое представленіе стало мотивомъ сознанія, а безсознательный характеръ въ общихъ чертахъ, по *общему* направленію своему, данъ сознанію, извѣстенъ ему изъ чувства, выражающаго сознанное *отношеніе* объективнаго представленія къ индивидуальному характеру. Ни одинъ изъ этихъ факторовъ сознательнаго дѣйствія (дѣйствія мотивированнаго) такимъ образомъ не можетъ быть его факторомъ, *если чисто-безсознателенъ, если лежитъ безусловно внѣ сознанія.* Отсюда, съ одной стороны, очевидно, что, рѣшая вопросъ объ относительномъ значеніи этихъ факторовъ, какъ производителей мотивированнаго дѣйствія, нельзя никакъ обойти вопросъ объ участіи, *въ ихъ взаимодѣйствіи, самого сознанія, съ его нормами, способами дѣйствія и всеобщими представленіями, каковы, наприм., представленіе свободы воли, цѣли, закона и т. д.* Необходимо будетъ изслѣдовать вліяніе и *этого* содержанія сознанія на *тѣ* факторы дѣйствія *въ сознаніи*, ихъ относительное *значеніе для сознанія*, а слѣд. и ихъ относительную *силу* въ постановленіи сознательнаго рѣшенія, *въ процессѣ образованія рѣшительнаго хотѣнія* сознанія. Съ этой точки зрѣнія всякая теорія дѣйствій и хотѣній, сводящая ихъ, въ концѣ-концовъ, на дѣйствіе *чисто без-и внѣ-сознательныхъ* элементовъ, осуждена; а для рѣшенія нашего вопроса о свободѣ хотѣній подтверждается ранѣе предположенная необходимость

---

[1] Прежде всего *чувство* даетъ намъ знать о *настроеніи*, общей диспозиціи души (которая есть результатъ многихъ *не различенныхъ* аффекцій ея) и объ отношеніи къ этому настроенію возбудившаго чувство *представленія*. Такимъ образомъ въ чувствѣ дано намъ отношеніе субъекта, находящагося въ опредѣленномъ состояніи къ объекту въ представленіи. Первымъ опредѣляется *тонъ* чувства (какъ пріятнаго или непріятнаго), вторымъ же его специфическая *опредѣленность*. Эта послѣдняя опредѣляется всецѣло сознаваемымъ *содержаніемъ* представленія. Изъ того, что въ чувствѣ дано намъ *отношеніе* между разными психическими состояніями, прямо слѣдуетъ, что оно *не есть* что-либо первичное, элементарное,—но производное, въ противность мнѣнію *Lipps'a*, видящаго въ немъ *основу* реальности (см. заключеніе его Kant und die Epigonen).

изслѣдовать представленіе личнаго сознанія о свободѣ воли по его отношенію къ прочимъ *сознательнымъ* (непосредственно-ли, посредственно-ли) факторамъ хотѣнія въ *сознаніи и для сознанія*,—безъ отношенія къ какой-то *безсознательной волѣ*.

Отождествляя *индивидуальный* характеръ съ безсознательною волей, *внѣ* сознанія реагирующею на мотивы сознанія, Гартманъ и Шопенгауэръ не объясняютъ ни возможности *мотивовъ* сознанія, ни возможности взаимодѣйствія только-пассивнаго представленія сознанія и только-активной, безсознательной воли,—не даютъ и *понятія* о характерѣ.

Если Гартманъ подъ индивидуальнымъ характеромъ разумѣетъ безсознательную волю, опредѣленную безсознательными представленіями, то, во-первыхъ, дающее опредѣленность ея проявленіямъ, конкретность хотѣнію есть опять-таки *одно* представленіе, предположенныя-же имъ *безсознательныя представленія*—ошибка въ словахъ; а во-вторыхъ, такой характеръ былъ-бы этими безсознательными представленіями, если они имѣютъ опредѣленность (а иначе они не могли-бы и *давать* опредѣленности), опредѣленъ уже не въ *общемъ направленіи*, а со всѣми своими частными хотѣніями.

Если-же Шопенгауэръ характеръ опредѣляетъ, какъ волю, опредѣленную не безсознательными представленіями (которыя отрицаетъ), а безсознательнымъ *содержаніемъ*, которое и является настоящею *causa finalis* хотѣній и дѣйствій, то, такъ какъ слова „безсознательное содержаніе“ не могутъ ни для кого имѣть *опредѣленнаго* смысла, а слѣдов., и ссылка на это неопредѣленное представленіе никому ничего *не объяснитъ*, – онъ и является вынужденнымъ прибѣгать, дабы скрыть этотъ недостатокъ своего всеобъясняющаго начала, къ *объясненію*, что это, сама-по-себѣ непонятная и не представляемая *causa finalis* wirkt, als wie wenn sie ein vorgestelltes motiv wäre. Но если возможно понять *дѣйствіе представляемыхъ мотивовъ* и уподобленіемъ ему *объяснять* непонятное иначе дѣйствіе безсознательной воли, то нѣтъ никакого основанія прибѣгать къ непонимаемой безсознательной волѣ для объясненія *понятаго дѣйствія представленій*. Одни *представленія*, въ сущности, являются опредѣляющими волю и тамъ и здѣсь, и представленія являются и тамъ и здѣсь *дѣятельными*. Поэтому и ненужно и невозможно предположеніе *чисто-пассивнаго*, нереальнаго представленія, съ одной стороны, и безсознательной едино-реальной *воли* — съ дру-

гой.[1] Если воля для дѣятельности представленія не нужна, то и сама она,—будемъ-ли мы разсматривать ее, какъ метафизическую или психическую реальность,—*не нужна* и есть только плодъ привычнаго некритическому уму гипостазированія искусственныхъ абстракцій.

Совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ, безъ этихъ самопротиворѣчій и невозможностей, безъ этого безплоднаго блужданія въ области недомыслимаго, мистическаго, представляется элементъ *безсознательнаго* въ характерѣ и дѣйствіяхъ для тѣхъ психологическихъ ученій, которыя видятъ этотъ *безсознательный* субстратъ сознательныхъ дѣйствій въ физіологическихъ, анатомическихъ особенностяхъ организма, сложившихся путемъ функціональной дѣятельности (индивида-ли или ряда поколѣній), въ направленіи и привычкахъ мозговыхъ и нервныхъ органовъ, въ темпераментѣ и т. п. Въ этомъ ученіи элементъ безсознательнаго совершенно опредѣленъ для мысли, извѣстенъ намъ, подлежитъ анализу и провѣркѣ; а съ другой стороны, и самое *значеніе* указаннаго безсознательнаго, матерьяльнаго субстрата можетъ быть опредѣлено не изъ него *одного* (какъ этого ожидалъ-бы матерьялизмъ, съ

---

[1] Въ подобную ошибку впадаетъ и почти безупречный Лотце, когда обособляетъ волю отъ представленій и чувствъ, какъ только *поводовъ* къ ея проявленію (Микрок., с. 320). Только тамъ убѣждены мы, говоритъ онъ, что имѣемъ дѣло съ настоящимъ актомъ *воли*, гдѣ ясно сознаются влекущія къ поступку *побужденія*, а *рѣшеніе*, слѣдовать имъ или нѣтъ, подлежитъ дальнѣйшему *розыску* и предоставляется не собственной силѣ *влекущихъ* побужденій, но опредѣленію свободнаго выбора независимаго отъ нихъ *духа*. Въ такой близкой связи понятіе свободы оказывается съ понятіемъ воли (322). *Только въ этомъ рѣшеніи воля.* Напротивъ, всякое возможное *содержаніе* воли всегда слагается *непроизвольнымъ* ходомъ представленій и чувствованій (с. 322). Мы далѣе увидимъ, что *рѣшеніе*, которое Лотце приписываетъ волѣ, какъ особому психическому элементу, совершается вовсе не *безъ* всякихъ мотивовъ, представленій, и такая свободная отъ причинъ воля, которая рѣшалась-бы на что-либо *безъ всякихъ представленій* (и пр. цѣлей) была-бы чистою случайностью, немыслимою и не имѣющею *никакого* нравственнаго значенія; послѣднее и кажется Лотце всего темнѣе въ вопросѣ (с. 329). Невозможно далѣе и вызванное у Лотце раздѣленіемъ воли и представленія признаніе имъ *свободнаго* рѣшенія воли при *непроизвольности* въ ходѣ представленій, ибо, какъ нѣтъ *рѣшеній* воли безъ представленій, такъ нѣтъ и логическаго мышленія безъ намѣренныхъ усилій, *актовъ* вниманія и т. под.; если свободы нѣтъ въ одной области, то нѣтъ ея и въ другой — и наоборотъ. И то и другое, и воля и представленіе, суть только разные виды, *функціи* одного самосознанія (всегда слитыя) по *поводу* возбужденій. Ср. *Lotze*: Medic. Psychologie. 55. 300—302.

которымъ мы вскорѣ начнемъ считаться), а только послѣ разсмотрѣнія вопроса объ его *отношеніи* къ сознанію и къ процессамъ, совершающимся въ немъ, и ихъ результатамъ, хотѣніямъ,— вопроса: дано-ли это отношеніе *сознанію*, посредственно-ли оно, или нѣтъ? Изслѣдованіе о сознательныхъ фактахъ хотѣнія, какъ они другъ-друга опредѣляютъ въ сознаніи и для сознанія, подъ его нормами и требованіями, останется по-прежнему необходимымъ для рѣшенія вопроса о дѣйствительномъ отношеніи сознательнаго къ безсознательному, личнаго къ безличному и т. д. И рѣшеніе это, скажемъ это уже здѣсь, для предупрежденія недоразумѣній, выпадетъ у насъ въ ту сторону, что безсознательный субстратъ дѣятельностей сознанія представляетъ только *общія* условія, *безъ которыхъ* эти дѣятельности невозможны (conditio, sine qua non), но не *положительныя* причины, *изъ* которыхъ получается *вся опредѣленность* результатовъ совершающихся подъ этими условіями дѣятельностей сознанія. *Воля*, какъ самостоятельная психическая реальность, будетъ не нужна и въ этомъ взглядѣ на дѣло, въ качествѣ начала реальной дѣятельности; ибо и здѣсь (кромѣ гипотезы матеріализма) нѣтъ предположенія о *чистой пассивности* представленій, которыя нуждались-бы въ *отдѣльной* отъ нихъ силѣ, придающей имъ дѣятельный характеръ, реализующій ихъ. Понятіе о *представленіи* сознанія таково, что представленіе *не можетъ* считаться *чисто*-бездѣятельнымъ, безучастнымъ. Если представленіе есть только опредѣленное для сознанія, опредѣлено-же оно только какъ представленіе *чего нибудь*, то-есть, если въ немъ данъ сознанію *объектъ*, а какъ объектъ можетъ быть что-либо дано сознанію лишь подъ условіемъ противоположенія субъекту (*я-не-я*), то-есть самосознанію, а слѣдовательно *нѣтъ представленій внѣ самосознанія*,—то *всякое* представленіе, какъ относимое сознаніемъ *къ себѣ*, непосредственно соотносящее объектъ субъекту, не можетъ не имѣть *интереса* для сознающаго его и относящаго къ себѣ сознанія, имѣетъ слѣд. уже *само-по-себѣ* (и безъ воли), извѣстную опредѣленную *силу* (для сознанія, какъ видно, а не само-по-себѣ, какъ въ ученіи Гербарта) относительно другихъ представленій, интересующихъ это сознаніе.

Невозможность безучастнаго, не возбуждающаго никакого интереса и потому чисто безсильнаго и бездѣятельнаго представленія сознанія станетъ намъ совершенно ясна, если мы припомнимъ, что необходимое условіе для того, чтобы у насъ образовалось *опредѣленное представленіе* (а не-опредѣленныхъ

нѣтъ) и чтобы мы не ограничивались одними необъективированными (не projicirt—не проэктированными въ объективное) воспріятіями, есть *вниманіе* сознанія къ этимъ воспріятіямъ (безъ котораго невозможна даже простая локализація ихъ). Самое-же *вниманіе* можетъ быть объяснено только тѣмъ, что субъекту такое-то воспріятіе *не безынтересно*. Еще въ большей мѣрѣ требуется вниманіе, слѣдов. субъективный *интересъ*, для *опредѣленія* нашихъ представленій въ сознаніи, *различенія* однихъ отъ другихъ и т. п. Наконецъ, замѣтимъ, что ученія, признающія представленія за нѣчто чисто пассивное и требующія поэтому *особаго* начала объективной реальности воли, совершенно упускаютъ изъ виду, что въ *исторіи* психическаго развитія всѣ представленія *первоначально* суть *только* мотивы, и ни одно не есть „остающееся при себѣ", безучастное, спокойное. Для животнаго всѣ представленія имѣютъ значеніе не какъ *знанія* объ объективномъ, а какъ *мотивы* его субъективныхъ реакцій на внѣшнее возбужденіе: то же и для ребенка. Только когда *для цѣлей* ребенка становится необходимымъ оріентироваться въ окружающемъ его, въ объективномъ, *какъ такомъ*,— только тогда и становятся для него прежніе мотивы (представленія) представленіями о самостоятельномъ *объективномъ*, какъ такомъ, — объективными, спокойными, безучастными и т. п. Пассивность въ нашихъ представленіяхъ, ихъ объективность есть такимъ образомъ плодъ уже *мотивированной* дѣятельности (то-есть дѣятельности, предполагающей уже представленіе, цѣль etc.), а не моментъ, *первично* и необходимо лежащій въ понятіи представленія. Насколько не первично, не *непосредственно* это свойство представленій, быть спокойными,—это видно, напр., на сравненіи человѣка, мало развитаго, у котораго нѣтъ почти ни одного спокойнаго, неокрашеннаго чувствомъ, представленія, съ философомъ, которому только долгимъ и тяжкимъ трудомъ досталось отдѣленіе представленій отъ субъективныхъ чувствъ, *объективность* его мышленія, пассивность его представленій и умѣнье владѣть ими. Многіе философы, впрочемъ, несмотря на весь потраченный трудъ, такъ и остаются при нераздѣльности своихъ представленій отъ чувствъ, подобно, напр. субъективнѣйшему изъ философовъ, Шопенгауэру.

Мы видѣли, что у Гартмана отнюдь непонятна *необходимость* сознанія, какъ *фактора* сознательнаго хотѣнія, которому соотвѣтствовало-бы *намѣренное* (противное *сознанному* хотѣнію дѣйствіе будетъ уже ненамѣренное) дѣйствіе. Вся

роль сознанія и у него, какъ у Шопенгауэра, ограничивается только пріобрѣтеніемъ *знанія условій и средствъ осуществленія хотѣній*, которыя сами отъ сознанія не зависятъ, ибо воля—только безсознательна, дѣйствительное хотѣніе—безсознательно, характеръ реагируетъ на мотивъ—только безсознательно и т. д. Однако, Гартманъ старается сохранить сознанію хотя видимое значеніе и мѣсто въ ряду факторовъ дѣйствія, ибо безъ того былъ бы рѣшительно непонятенъ дѣйствительный фактъ *намѣреннаго* дѣйствія. На вопросъ: могутъ ли познаніе и разсужденіе вліять *опредѣляющимъ образомъ* (bestimmend) на дѣятельность и характеръ, и *какъ* они это могутъ?—онъ отвѣчаетъ перечисленіемъ *условій* связи между мотивами и пожеланьями, при существованіи которыхъ-де, *если мы ихъ знаемъ*, можно всегда *предвидѣть* по извѣстному мотиву родъ и степень вытекающаго изъ него пожеланія. Но развѣ это отвѣтъ на заданный вопросъ? Развѣ, зная, что я могу *предвидѣть* результатъ извѣстныхъ процессовъ, я уже eo ipso знаю что-нибудь о томъ, могу или не могу *опредѣлять* этотъ результатъ?

Дальше Гартманъ совершенно вѣрно говоритъ о возможности вліять на одни пожеланія, сознательно обращая вниманіе на тѣ мотивы, которые возбуждаютъ другія пожеланія, могущія противодѣйствовать первымъ и уравновѣсить ихъ и—о возможности вліять, путемъ такого сознательнаго направленія желательной функціи на образованіе твердыхъ привычекъ, а, слѣдов., и на измѣненіе собственнаго характера. Но всѣ эти, совершенно справедливыя вещи, рѣшительно несовмѣстимы съ его системой. Какъ можетъ *только пассивное*, безучастное сознаніе направлять желаніе и волю? Конечно, только если оно къ этому было *само* уже направлено безсознательною, едино-дѣятельною волей. Но тогда и направленіе желанія и измѣненіе характера—*ея*, а не *его* дѣло! И какъ возможенъ вызовъ сознаніемъ желанія, противнаго желанію безсознательному и даже способнаго нейтрализировать послѣднее, при томъ законѣ, что желаніе *вообще* есть плодъ безсознательной реакціи безсознательной *индивидуальной* воли (слѣдов., опредѣленной *не ко всѣмъ* противоположнымъ, а только къ такимъ-то желаніямъ) на представленіе — мотивъ? Какой, далѣе, имѣютъ тогда смыслъ всѣ его увѣренія, что „мѣсто дѣятельности воли въ безсознательномъ“; что „борьба желаній совершается внѣ сознанія“; что мы свою волю узнаемъ не прежде дѣйствія, а только *изъ* него,—по его совершеніи и т. под.? Если Гартманъ хочетъ удержать эти свои любимыя по-

ложенія и вообще всю свою теорію безсознательной воли и Безсознательнаго Все-единаго, то лучше пусть, помня правило, что словомъ нужно пользоваться не для того, чтобы *скрывать* свои мысли, неуклонно и прямо придерживается того своего взгляда, что *вся* роль сознанія для дѣйствія состоитъ въ доставленіи знанія *условій и средствъ осуществленія* поставленныхъ безсознательнымъ хотѣній,—и только въ этомъ.

Но съ такимъ взглядомъ на значеніе сознанія, какъ фактора дѣйствій, очевидно несовмѣстима никакая этика: это чисто спинозистическій взглядъ. Гартманъ и въ этой области (наименѣе затронутой у него) совершенно справедливо, но и совершенно произвольно въ виду своихъ предпосылокъ, ограничиваетъ сферу нравственнаго сферою сознательнаго. „Предикаты *нравственное* и *безнравственное*,—говоритъ онъ,—вовсе не принадлежность субъекта самого по себѣ: добрыми и злыми мы называемъ и мертвые предметы.. ; *нравственнымъ* же становится хорошее и дурное только подъ условіемъ *отвѣтственности*“. Условія отвѣтственности, по Гартману, заключаются въ томъ, чтобы у самого субъекта, совершившаго дѣйствіе, были развитыя понятія о нравственномъ и безнравственномъ (откуда?) и чтобы ему ничто не мѣшало сознательно примѣнять этотъ критерій къ собственнымъ своимъ дѣйствіямъ. Всё это,—повторяемъ, — совершенно вѣрно, но предполагаетъ совершенно несовмѣстимое съ его системой *активное*, *опредѣляющее* дѣйствія значеніе нравственнаго сознанія, да и не показано у него внутреннихъ *основаній* этого сознанія и его критеріевъ; оно является у него чѣмъ-то чисто искусственнымъ и случайнымъ для человѣка. „Нравственное и безнравственное не предикаты самого субъекта. Но они и не взяты изъ Безсознательнаго, которому до этихъ предикатовъ нѣтъ никакого дѣла, подобно безсознательной природѣ, которая не знаетъ нравственнаго и безнравственнаго“. Этика въ системѣ Гартмана, несмотря на всѣ его оговорки, мѣста не имѣетъ и не можетъ имѣть. Нѣтъ въ субъектѣ для этой системы внутренняго основанія ни для нравственнаго *закона*, ни для вмѣненія; нѣтъ въ ней мѣста и для вопроса о *свободѣ хотѣній* сознанія,—ибо *истинное* хотѣніе—безсознательное, и *имъ*, а не нравственнымъ сознаніемъ, опредѣляется направленіе дѣйствій.

VII.

Установка факторовъ сознательнаго дѣйствія, въ связи съ разборомъ ученія Шопенгауэра и Бэна объ этомъ предметѣ. Значеніе для сознательныхъ дѣйствій понятія цѣли.

Подобно Гартману, и Шопенгауэръ считаетъ представленіе за нѣчто совершенно недѣятельное, пассивное, а безсознательную волю—за начало всякой реальности. Но между тѣмъ какъ для Гартмана безсознательная воля получаетъ свою опредѣленность отъ безсознательныхъ представленій, при чемъ оба начала (воля и безсознательныя представленія) стоятъ *рядомъ*, какъ аттрибуты единаго безсознательнаго Первоначала всего сущаго,—для Шопенгауэра міръ представленій, интеллектъ не равноправенъ съ волей, а есть ея служитель, *средство* къ ея самопроявленію, и, съ другой стороны, безсознательная воля не опредѣлена никакими представленіями, есть *безусловно-слѣпая*, *безъ* мотивовъ, цѣлей и т. п. И эта безусловно неопредѣленная представленіемъ, безсознательная воля есть сама сущность міра,—Ding an sich. Такъ какъ намъ здѣсь невозможно вдаваться въ критику метафизической системы Шопенгауэра въ ея цѣлости, то, сославшись на ранѣе приведенные нами доводы противъ понятія единой, ничѣмъ *въ себѣ* первоначально не опредѣленной воли, какъ начала какой бы то ни было опредѣленной реальности, мы разсмотримъ достоинство Шопенгауэрова понятія о волѣ только по его пригодности къ разъясненію отношенія между мотивами сознанія, чувствомъ и индивидуальнымъ характеромъ, какъ факторами человѣческаго дѣянія. И здѣсь руководящею нитью и критеріемъ состоятельности ученія послужитъ для насъ оцѣнка того пріема, которымъ самъ Шопенгауэръ дошелъ до своего понятія о волѣ,—именно, разсмотрѣніе *откуда* онъ взялъ это понятіе?

Гартманъ, отрицая непосредственное сознаніе безсознательной воли, **заключаетъ** къ ней отъ извѣстныхъ явленій, какъ къ ихъ причинѣ; Шопенгауэръ же безсознательную волю находитъ въ *непосредственномъ* самосознаніи, и, распространяя этотъ мнимый фактъ, найденный въ самосознаніи, *по аналогіи*, на всѣ прочія явленія представляемаго міра, возводитъ единую безсознательную волю въ сущность, въ начало всего міра объектовъ. Объекты, по его ученію, прежде всего объекты только для представляющаго субъекта; объектъ и субъектъ безусловно корре-

лятивны. Но если объекты неотдѣлимы отъ формъ субъективнаго представленія, то весь объективный міръ превращается въ міръ только *представленій*. Быть объектомъ и быть представленіемъ—одно и то же. На этомъ человѣкъ успокоиться не можетъ; у него есть глубокое убѣжденіе, что міръ не есть только игра представленій, что въ основѣ его лежитъ нѣчто, *реальное само по себѣ*, независимо отъ представленія человѣческаго. Этого реальнаго само по себѣ мы не найдемъ съ помощію хотя бы и всѣхъ наукъ объ объективномъ, такъ какъ всѣ онѣ имѣютъ дѣло съ опредѣленнымъ временно, пространственно и причинно, то есть только съ представленіями. Поэтому остается искать реальнаго только въ самосознаніи. Въ самосознаніи же мы находимъ опредѣленныя *хотѣнія*, *чувствованія*, *стремленія* (но не самое сознаніе, которое, по Шопенгауэру, всегда есть только *субъектъ* сознанія, но не объектъ его). Всѣ эти хотѣнія, чувствованія и стремленія Шопенгауэръ признаетъ за виды проявленія *безсознательной воли*, которая есть истинная сущность и *меня самого, и всего міра*.

Трудно отыскать въ исторіи философіи болѣе произвольное положеніе, чѣмъ это послѣднее, на которомъ основывается вся система Шопенгауэра. Въ самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ могъ онъ,—во-первыхъ, — находя въ самосознаніи *непосредственно* лишь многія опредѣленныя хотѣнія, чувствованія и стремленія, и *заключая* отъ нихъ къ единой безсознательной волѣ, которой проявленія они будто бы суть, утверждать, что нашелъ *эту* единую безсознательную волю въ самосознаніи непосредственно? Во-вторыхъ, на чемъ основано само заключеніе отъ того, что дано только въ самосознаніи, *только подъ опредѣленіями сознанія*, къ безусловно-безсознательному единому основанію ихъ? Въ-третьихъ, если къ волѣ, какъ *нашей* сущности, онъ заключалъ дѣйствительно *только* отъ находимыхъ въ самосознаніи хотѣній, чувствованій и стремленій, то по какой аналогіи могъ онъ *эту же* волю признать за сущность всего міра, въ которомъ, какъ онъ данъ объективному сознанію, не *видно* ни хотѣній, ни чувствованій? Въ-четвертыхъ, почему, найдя въ самосознаніи кромѣ хотѣнія еще и чувство, онъ искалъ *сущности я* не въ чувствѣ (подобно, наприм., Либману), а въ хотѣніи?

Шопенгауэръ это оправдываетъ тѣмъ, что понятіе чувства слишкомъ *неопредѣленно*, что̀ видно, наприм., изъ того, что подъ него подводятся такія разнородныя вещи, какъ сладострастіе и религіозное чувство. Но вѣдь и *хотѣнія* не менѣе *разнородны*,

чѣмъ чувства. Что же касается до бо̀льшой *опредѣленности* хотѣнія сравнительно съ чувствомъ, то эта опредѣленность принадлежитъ не хотѣнію какъ такому (не моменту импульса), а представляемому объекту его; хотѣніе же *безсознательное* гораздо неопредѣленнѣе чувства, ибо никогда не *дано* сознанію, которое къ нему *заключаетъ*, по Шопенгауэру, только изъ совершившагося, ставшаго объектомъ (представленіемъ) дѣйствія, то есть—a posteriori. Съ другой стороны, и чувства *не всѣ* неопредѣленны для сознанія; чувства, связанныя съ извѣстнымъ предметомъ, аффицирующимъ насъ, опредѣлены для сознанія представленіемъ этого предмета [1], чувства же формальныя (наприм., органическія [2]) никакъ уже не менѣе опредѣленны, чѣмъ безсознательныя хотѣнія, ибо, по крайней мѣрѣ, *даны* сознанію. Нисколько не *болѣе* тайна для сознанія и то, что дѣлаетъ чувство—чувствомъ, чѣмъ то, что̀ дѣлаетъ хотѣніе хотѣніемъ. Даже скорѣе возможно объяснить хотѣніе чувствомъ, *свести* первое на второе, чѣмъ обратно, какъ дѣлаетъ Шопенгауэръ; ибо хотѣніе *чего-нибудь* (а другаго хотѣнія и по Шопенгауэру нѣтъ) имѣетъ своимъ условіемъ слiяніе опредѣленнаго представленія съ чувствомъ, вслѣдствіе чего первое становится *мотивомъ*; изъ опредѣленнаго же хотѣнія, если оно не связано съ чувствомъ, не опредѣлено уже имъ, нельзя и вывести чувства, да и само опредѣленное хотѣніе безъ представленія, мотива, невозможно. Во всякомъ случаѣ *хотѣніе* отнюдь не является чѣмъ, то *первичнымъ* и самобытнымъ, но и въ *самосознаніи* уже дано, какъ обусловленное и чувствомъ и представленіемъ.

---

[1] Тамъ, гдѣ чувство не сопровождается болѣе или менѣе ясною дѣятельностью представленія, тамъ мы, по *Вайцу*, не чувствуемъ, а только ощущаемъ. (Lehrbuch der Psychologie, 290. 283).

[2] Хотя собственно „органическими“ могутъ быть не *чувства*, а *ощущенія*, такъ какъ собственно чувствомъ зовется аффекція души какимъ-нибудь *психическимъ* же (а не органическимъ) состояніемъ (отсюда уже слѣдуетъ бо̀льшая опредѣленность чувства, въ сравненіи съ ощущеніемъ). Но, если чувство, какъ реакція души, наприм., на представленіе, даетъ послѣднему извѣстную окраску, то и *независимое* по происхожденію отъ представленія органическое ощущеніе (наприм., тоска вслѣдствіе боли подъ ложечкой) можетъ давать представленіямъ совершенно подобную же окраску. Вслѣдствіе подобія результатовъ весьма трудно рѣшить во многихъ случаяхъ, была ли причина ихъ психическая или же органическое ощущеніе. Однако, обстоятельство это чрезвычайно важно, ибо сознаніе, почти не имѣющее средствъ бороться съ ощущеніемъ (а слѣдовательно, и парализовать его вліяніе на представленія), имѣетъ совершенно иное положеніе относительно чувства, которое можетъ быть *вызвано* сознаніемъ,—посредствомъ соотвѣтствующаго представленія.

Поэтому, если признать съ Шопенгауэромъ, что нужно искать „реальное само по себѣ“ въ самосознаніи, то образъ его можно скорѣе видѣть въ чувствѣ или представленіи, чѣмъ въ ихъ продуктѣ—*опредѣленномъ* хотѣніи (а только опредѣленныя хотѣнія мы находимъ въ самосознаніи). Шопенгауэръ, такимъ образомъ, совершенно произвольно избралъ изо всего содержанія самосознанія одно *хотѣніе*, какъ непосредственнѣйшее проявленіе „вещи въ себѣ“, подводя подъ понятіе хотѣнія—чувство и элиминируя изъ содержанія самосознанія *представленіе*, безъ котораго, однако же, невозможно хотѣніе чего-нибудь и которое, далѣе, есть не только представленіе *объекта*, но и *представленіе*, то есть извѣстное *субъективное* состояніе *я*, сознаваемое въ самосознаніи, какъ такое, не менѣе чѣмъ и хотѣніе и чувство. Но, если бы и не осуждало ученія Шопенгауэра элиминированіе имъ изъ содержанія самосознанія представленія и признаніе хотѣнія за первичное сравнительно съ чувствомъ, то во всякомъ случаѣ непонятно заключеніе его отъ *хотѣнія* частнаго, *опредѣленнаго только въ сознаніи*, къ единой, безсознательной, ничѣмъ и никакъ неопредѣленной волѣ, какъ самобытно-реальной, и началу всякой реальности.

Не давая, такимъ образомъ, никакого оправданія своему понятію *единой безсознательной воли*, Шопенгауэръ, напротивъ, пытается объяснить всю вселенную и, между прочимъ, пользуется имъ для того, чтобы доказать *подчиненность* интеллекта этой слѣпой, безцѣльной и безосновной силѣ, — волѣ (онъ и самое понятіе силы подводитъ подъ понятіе безсознательной воли). Шопенгауэръ процессомъ объективаціи воли объясняетъ образованіе всего множества, всякой индивидуальности въ мірѣ; высшая степень индивидуальности и вмѣстѣ съ тѣмъ объективаціи воли есть человѣкъ; для сохраненія этой индивидуальности (объективировавшей себя воли) въ проникающей всю жизнь индивидовъ борьбѣ, воля даетъ человѣку *мозгъ*, функція котораго есть мысль, какъ совершеннѣйшее средство самосохраненія воли (которая есть воля быть). Интеллектъ, такимъ образомъ, является уже *въ концѣ* всего міроваго процесса объективаціи *безсознательной* воли, какъ ея послѣднее *средство* самоутвержденія. Онъ—ея „слуга“, „орудіе“, „рабъ“, „паразитъ“ и т. п. Его естественное, прямое назначеніе—служить безсознательной, слѣпой волѣ, и онъ у послѣдней состоитъ въ *полномъ распоряженіи*. Примать безсознательной воли (воли быть, жить) надъ интеллектомъ явствуетъ, по Шопенгауэру, главнымъ образомъ изъ того, что *воля*

обща всякому сознанію, присуща всему живущему и всегда въ равной степени, не старѣетъ, не устаетъ и т. под., между тѣмъ какъ интеллектъ, присущій животнымъ въ *разной* степени, устающій отъ дѣятельности, обусловленной множествомъ внѣшнихъ обстоятельствъ, слабѣющій въ старости и т. п., является чѣмъ-то вторичнымъ, и потому зависимымъ. Шопенгауэръ съ особенною любовью настаиваетъ на несамостоятельности интеллекта, его зависимости отъ воли въ формѣ ея непосредственнаго проявленія, организма и паразита—мозга, на отсутствіи самостоятельности въ немъ и т. п. Въ своемъ усердіи доказать ничтожество и полную *пассивность* интеллекта, Шопенгауэръ доходитъ до того, что даже, напримѣръ, *единство* сознанія, сохраняющее связь между его всегда разъединенными представленіями (такъ какъ сознанію, вслѣдствіе его узкости, во всякій отдѣльный моментъ времени, доступно *одно* только представленіе), приписываетъ *безсознательной* волѣ, а не сознанію сознанія, — не тому сознанію „*я мыслю это*“, которое, по мнѣнію философовъ, сопровождаетъ всѣ акты представленія, а потому и кажется пригоднымъ къ возстановленію между ними связи, несмотря на *узкость* сознанія, разъединяющую ихъ. Подсмѣиваясь надъ тѣми мыслителями, которые объясняли единство сознанія не *безсознательною* волей, какъ онъ,—Шопенгауэръ не замѣчаетъ, что его собственное объясненіе никуда не годится, такъ какъ единство представленій требуется вѣдь не съ *объективной*, внѣшней сознанію точки зрѣнія сторонняго наблюдателя его, но *для того именно сознанія*, которое послѣдовательно имѣетъ въ себѣ эти *отдѣльныя* представленія, а такое *единство сознанія для самого сознанія* именно можетъ дать только или „сознаніе сознанія“ (apperceptio), или его представленіе: *я мыслю все раздѣленное* и т. п., а никакъ не *чуждая* сознанію безсознательная воля [1].

Доказывая *всеобщность* (и, слѣдовательно, первичность) воли, Шопенгауэръ видитъ ее главнымъ образомъ во всеобщности инстинкта самосохраненія и заботливости, съ которою природа всѣ существа снабдила средствами къ нему; самостоятельность ея доказываетъ тѣмъ, что она не имѣетъ степеней, но всюду одна и совершенна, всегда и вездѣ въ дѣйствіи, безъ усталости и отдыха; ея существенность—тѣмъ, что она можетъ препятство-

[1] Безсознательною же волей Шопенгауэръ считаетъ возможнымъ объяснить и память. На единствѣ же воли (а не сознанія), по Шопенгауэру, основывается и единство (тождество) лицъ.

вать правильности функціи интеллекта или возвышать ее, но не обратно. Шопенгауэръ здѣсь частію отождествляетъ волю съ жизнью, основными функціями физическаго организма (напр., съ сердцебіеніемъ), чувствомъ и т. п., частію же прибѣгаетъ къ софизмамъ. Какъ образчикъ послѣднихъ, приведу слѣдующій: „Если бы,—говоритъ онъ,—сообразно общему мнѣнію, воля происходила изъ сознанія, какъ его результатъ или продуктъ, то должно бы ожидать много знанія, разумности, разсудка тамъ, гдѣ много воли, чего мы, однако, не видимъ.“ Не трудно видѣть, что этотъ софизмъ основанъ на заключеніи отъ *качественнаго* совершенства (истиннаго, полнаго или неполнаго разумѣнія) къ совершенству количественному (т. е. высшей энергіи, напряженнѣйшей воли). Найдя *волю,* первоначально, будто бы въ самосознаніи, Шопенгауэръ, ради стремленія отнять у интеллекта всякую *активность*, кончаетъ тѣмъ, что всего *больше* воли видитъ тамъ, гдѣ всего *меньше* самосознанія (какъ, напр., въ состояніи *аффекта*), отождествляя такимъ образомъ волю мало-по-малу съ дѣйствующею механически силой.

Но, потративши много остроумія на доказательство безусловной пассивности интеллекта, Шопенгауэръ тѣмъ самымъ отнялъ у себя всякую возможность хоть сколько-нибудь удовлетворительно объяснить сознательное дѣйствіе. Въ самомъ дѣлѣ, вслѣдствіе указанной односторонности, при анализѣ факторовъ дѣянія, Шопенгауэромъ естественно пропущена была цѣль, сознанная, какъ такая, и вызывающая, *по своемъ сознательномъ* признаніи цѣлью, сознательное же употребленіе средствъ (вѣдь сознательнаго употребленія средствъ нѣтъ безъ сознанной цѣли!). Этотъ главный моментъ сознательнаго дѣйствія у Шопенгауэра не имѣетъ никакой самостоятельной роли и исчезаетъ въ массѣ данныхъ *мотивовъ*, влеченій и т. д., какъ имѣющій *подобное* имъ второстепенное для дѣйствія значеніе повода. Это, конечно, было необходимо Шопенгауэру для того, чтобы не пошатнуть своихъ понятій о безсознательной и безцѣльной волѣ, какъ всѣмъ заправляющей, и объ отношеніи элемента сознательнаго къ безсознательному въ дѣйствіяхъ человѣческихъ; однако, присутствіе сознанной *цѣли* есть именно то, что̀ главнымъ образомъ характеризуетъ сознательную *волю*, — волю въ сознательномъ дѣйствіи. Безъ анализа этого *неустранимаго* момента воли, безъ опредѣленія его отношенія къ сознательной волѣ и значенія его для нея, невозможно получить хоть сколько-нибудь удовлетворительнаго понятія о процессѣ сложенія рѣше-

ній воли вообще, а слѣд., и рѣшить вопросъ о *свободѣ* рѣшеній воли.

Впрочемъ, далеко не одинъ Шопенгауэръ повиненъ въ томъ упрекѣ, который мы только-что ему сдѣлали. Понятіе цѣли, специфически опредѣляющее волю въ отличіе отъ всѣхъ другихъ психическихъ состояній и дающее ей совершенно своеобразное содержаніе и законъ дѣйствія,—это понятіе упускается изъ виду въ своей (очень богатой послѣдствіями) особенности такъ же и тѣмъ воззрѣніямъ, по которому воля есть не самостоятельная психическая способность, а результатъ взаимодѣйствія другихъ первичныхъ факторовъ, не имѣющій *никакого особеннаго и только ему свойственнаго содержанія и способа дѣйствія*. Для этого воззрѣнія *цѣль* есть только *результатъ* борьбы данныхъ мотивовъ, побужденій, понятій и т. п., данный волѣ изъ этой борьбы готовымъ, подобно этимъ побужденіямъ и понятіямъ,—*выясненіе* для сознанія того *направленія*, въ которомъ долженъ проявиться во внѣ данный субъективными процессами импульсъ. Говоря иначе, *цѣль здѣсь есть только сознанный по направленію и объекту импульсъ, механически сложившійся борьбой мотивовъ, чувствъ, настроенія, характера и т. п.*, какъ опредѣляетъ ее, наприм., Бэнъ.

Однако, такъ-ли это? Дѣйствительно-ли цѣль, *безъ которой нѣтъ сознательной воли*, выражается такимъ опредѣленіемъ, и есть только преображенный мотивъ, побужденіе и т. п. Если мы не отрицаемъ вовсе категоріи сознательно-намѣренныхъ дѣйствій,—чего нельзя сдѣлать, не сводя всѣ дѣйствія на чисторефлективныя, предопредѣленныя въ предупрежденномъ *анатомическомъ* строеніи нашемъ,—то должны признать дѣйствія, въ которыхъ непосредственное, *ближайшее* предшествующее ихъ импульсу дающее ему опредѣленность есть *сознаніе* цѣли. Для того, чтобы рѣшить, отъ чего зависитъ *опредѣленность* импульса къ дѣйствію: отъ этого-ли ближайшаго предшествующаго (то-есть, сознанія цѣли съ его моментами), или же отъ отдаленнѣйшихъ, безъ- и внѣсознательныхъ предшествующихъ, такъ что сознаніе цѣли являлось бы лишь *моментомъ непосредственнаго перехода* послѣднихъ въ дѣйствіе, ничего къ ихъ дѣйствію, опредѣляющему хотѣніе, не привносящимъ отъ себя, не модифицирующимъ *никакъ* это дѣйствіе,—для того, чтобы рѣшить этотъ важный вопросъ, очевидно, необходимо остановиться предварительно на элементахъ сознанія, какъ ближайшихъ предшествующихъ импульса въ сознательно-намѣренномъ дѣйствіи. Уже изъ анализа

этихъ элементовъ можно будетъ и рѣшить вопросъ о томъ, дѣйствительно-ли и въ сознательно-намѣренныхъ дѣйствіяхъ *опредѣляющее* есть безсознательное хотѣніе? Сознательное хотѣніе (хотя бы и *вступившее* только въ сознаніе изъ области безсознательнаго, *принявъ форму* представленія сознанной цѣли) есть-ли такой же *причинный дѣятель*, за которымъ *необходимо* („безусловно-неизмѣнно", по ученію позитивистовъ) слѣдуетъ опредѣленное такъ и не иначе дѣйствіе, какъ и прочія неизмѣнно-предшествующія неизмѣнно-послѣдующихъ въ мірѣ предметовъ? Безъ такого анализа нельзя отвѣтить основательно и на вопросъ о свободѣ или несвободѣ хотѣній, ибо знакомство съ *данными* предмета неполно. И также мало возможно отрицать представленіе *цѣли съ его моментами, какъ необходимую форму* хотѣнія въ сознательно-намѣренномъ дѣйствіи,—какъ и отрицать сужденіе и его моменты въ качествѣ *необходимой формы* сознательнаго мышленія о вещахъ. Всякій назвалъ бы теперь нелѣпостію мнѣніе, что *вещи сами себя познаютъ* въ насъ, независимо отъ специфически сознательныхъ формъ представленія, сужденія и умозаключенія; но точно такая же нелѣпость содержится и въ мнѣніи, будто вещи и безсознательныя силы въ сознательномъ хотѣніи *сами себя* непосредственно *осуществляютъ*, независимо отъ специфически-сознательной *формы* сознательнаго хотѣнія,—представленія цѣли съ его моментами [1]. На анализѣ этой формы (въ которой, какъ формѣ *сознанія*, уже Аристотель видѣлъ основаніе свободы) мы и остановимся здѣсь.

Если есть какое-либо представленіе, или понятіе сознанія, которое съ наибольшею очевидностью доказываетъ „сознаніе сознанія", „для—себя—бытіе" сознанія, ибо несомнѣнно и съ *необходимостью* относится сознаніемъ *къ себѣ*, то это именно понятіе *цѣли*, какъ оно *дано* во всякомъ личномъ сознаніи и всякому непосредственно извѣстно. Только вслѣдствіе сознанія мною цѣли моего дѣйствія *какъ своей*, вслѣдствіе отнесенія ея

---

[1] И всего менѣе можетъ отстаивать это нелѣпое мнѣніе о самоосуществленіи вещей нашими сознательными дѣйствіями, независимо отъ формъ сознанія, философъ, для котораго, какъ для Шопенгауера, все значеніе, *весь* смыслъ интеллекта только въ *служеніи* безсознательной волѣ, въ *освѣщеніи* ей дороги, въ *разъясненіи* ей отношеній ея (какъ индивидуальной) къ даннымъ внѣ ея условіямъ и т. д. Для этого воззрѣнія формы сознанія не могутъ не имѣть значенія въ сознательныхъ дѣйствіяхъ,—иначе и сознаніе не нужно *волѣ*, не имѣетъ *никакого* значенія, какъ ненужно ей и знаніе.

къ себѣ, становлюсь я *сознательною* причиной средствъ, которыми дѣйствіе осуществляется и слѣд.—причиной дѣйствія сознательнаго по сознанному *плану*. Безъ сознанія *цѣли*, какъ своей, нѣтъ и сознанія себя какъ *причины* дѣйствія, а слѣд. нѣтъ и сознательной намѣренной дѣятельности (сознательнаго импульса къ ней направленія средствъ по плану и т. п.). Категорію *намѣренныхъ* дѣйствій ни одно воззрѣніе отрицать не можетъ; *безсознательность* же, автоматичность въ процессахъ *осуществленія сознательныхъ* цѣлей—фактъ неоспоримый, но ничего ровно не доказывающій, ибо эти автоматичные процессы (напр., ходьба) въ *намѣренномъ* дѣйствіи получаютъ свое начало, импульсъ именно отъ сознанной цѣли, (напр., намѣренія ходить), *причиной* осуществленія которой я сознаю *себя*, въ силу чего и собственнымъ (и сознаваемымъ какъ собственное) усиліемъ даю импульсъ и направленіе готовому въ моемъ организмѣ механизму автоматическаго дѣйствія,—начинаю, продолжаю и прекращаю послѣднее. Остается, поэтому, лишь рѣшить вопросъ: самое намѣреніе,—направляющая цѣль, какъ такая,—есть-ли *только* сознанное *направленіе* импульса къ объекту, или нѣчто *иное?*

Согласно предшествующему, нѣтъ сознательной воли, сознательнаго импульса къ дѣйствію, сознательнаго причиненія послѣдняго,—безъ понятія *цѣли, какъ моей, имѣющей быть осуществленною черезъ меня*. Откуда бы ни была дана мнѣ цѣль,—изъ безсознательной-ли и механической борьбы мотивовъ, чувствъ и т. п., или же она поставлена мною сознательно, какъ условіе сознательнаго причиненія дѣйствія,—отъ понятія о ней *неотдѣлима* принадлежность ея *именно мнѣ*: она ставится вѣдь *мною, моею* дѣятельностью, получаетъ бытіе *черезъ меня*, какъ имѣющая быть для моего собственнаго сознанія, черезъ *мою только* дѣятельность, сознаваемую мной, какъ *моя*, цѣль для этого сознанія *не есть* что-либо уже существующее какъ *данное, готовое помимо меня*. Цѣль *для самого сознанія* (которое есть условіе начала и направленія сознательнаго дѣйствія), такимъ образомъ, никогда *не есть* что-либо данное подобно объектамъ и силамъ природы,—*слѣдовательно* активное *сознаніе* и *не относится никогда къ цѣли, какъ къ чему-то объективно данному, готовому помимо его*, что̀ важно для вопроса объ опредѣляющемъ сознаніе значеніи находящагося въ сознаніи же понятія цѣли. Хотя бы, съ объективной точки зрѣнія, та или другая цѣль и была дана сознанію въ готовой формѣ механизмомъ мотивовъ, чувствъ, органическихъ предрасположеній и т. д.; однако, всту-

нивши въ сознаніе и его формы, будучи сознана имъ, какъ *его* цѣль, она для него перестаетъ быть *данною* ему. Для сознанія цѣль—*его*, имъ самимъ себѣ поставлена, какъ цѣль, ибо она имѣетъ осуществиться только чрезъ *его* дѣятельность,—чрезъ дѣятельность, которую оно само должно начать для того, чтобы она соотвѣтствовала этой цѣли. Такимъ образомъ, цѣль для имѣющаго ее сознанія не есть нѣчто, отвнѣ ему *данное*, существующее въ готовой формѣ *objective*, но—нѣчто, *имъ самимъ себѣ поставленное*, какъ имѣющее быть *чрезъ него*, откуда бы и какимъ бы путемъ эта цѣль ни вошла въ сознаніе [1].

VIII.

Анализъ понятія цѣли и ближайшее опредѣленіе ея значенія для свободно-сознательной жизни.

Сознательная постановка цѣлей имѣетъ весьма важное значеніе для всей области нашихъ намѣренныхъ дѣйствій. Это значеніе цѣлей открывается, главнымъ образомъ, въ двухъ слѣдующихъ отношеніяхъ.

Во-первыхъ, будучи въ сознаніи неотдѣлима отъ признака, *постановки мною*, цѣль этимъ *совершенно* отличается отъ мотива, побужденія, чувства, всякаго представленія *объекта* и т. под., которые всѣ для сознанія только *даны* со своею *готовою опредѣленностью*, такою или иною, ведущею къ такому, а не иному дѣйствію. Отсюда слѣдуетъ, что, съ какой угодно точки зрѣнія, тамъ, гдѣ есть сознанное представленіе цѣли, это представленіе *опредѣляетъ сознаніе не такъ*, какъ данные сознанію мотивы, представленія, чувства и. т. под., и *не такъ*, какъ лежащія *внѣ*

---

[1] Цѣль никогда не входитъ въ сознаніе *готовою* изъ безсознательной психической жизни или изъ области психическаго механизма. Даны сознанію готовыми изъ этого механизма лишь *потребности желанія*, но не цѣли. Цѣль, какъ такая, непремѣнно *конструируется* сознаніемъ. Иначе и не можетъ быть, такъ какъ въ понятіи цѣли выражается не одна данная субъективная опредѣленность потребности или желанія, также какъ и не одна данная опредѣленность объективнаго, внѣшнихъ окружающихъ субъектъ условій,—но не данное еще для сознанія готовымъ принаровленіе, примѣненіе послѣдняго къ первому. Это же примѣненіе, въ случаѣ не *привычныхъ*, автоматичныхъ актовъ, должно необходимо быть дѣломъ *сознательной работы*. Ergo—понятія цѣли въ сознаніи *нѣтъ*, пока послѣднее ее не конструировало, а потому *цѣли* сознанія и не могутъ опредѣлять его *подобно причинамъ*, такъ какъ всякая причина, дабы быть ею, произвести слѣдствіе, должна быть *дана* съ готовою опредѣленностью.

сознанія и дѣйствующія не черезъ *его* формы органическія и физіологическія условія и органы его. Для той психологіи, которая ставитъ отношеніе между разными представленіями сознанія, ихъ значеніе другъ для друга и въ механизмѣ борьбы другъ съ другомъ (а слѣдовательно, и ихъ значеніе для сознанія, какъ окончательнаго будто бы результата этой борьбы) въ зависимость отъ *содержанія* (напримѣръ, по противоположности, различію) представленій, какъ оно дается сознанію,—для этой психологіи нашъ выводъ не можетъ быть сомнителенъ. Если различно сознаваемое *содержаніе* представленій, то различно и ихъ *значеніе* для сознанія, и различна, слѣдовательно, ихъ *принудительная* для сознанія, опредѣляющая его сила (насколько именно ихъ *содержаніе* опредѣляетъ сознаніе, а не медленный или быстрый ходъ ихъ и т. п.). Но ничего не можетъ возразить противъ нашего вывода и матеріализмъ, для котораго рѣшенія сознанія зависятъ *не отъ сознаваемаго содержанія* представленій (ибо сознаніе, а, слѣдовательно, и данное только ему содержаніе представленій для матеріализма не есть самостоятельный, *настоящій* агентъ, причина дѣйствій [1], а отъ извѣстныхъ физіологическихъ процессовъ въ мозгу, отъ химическихъ измѣненій въ соотвѣтствующихъ отдѣльнымъ представленіямъ мозговыхъ клѣткахъ и связяхъ между ними, которыя и суть *настоящія*,

---

[1] Нетрудно видѣть, что исключая *сознаніе* (его представленія, по ихъ сознанному *содержанію*) изъ числа *дѣйствительныхъ* причинъ рѣшеній воли, и признавая за таковыя только произведшіе самое сознаніе физіологическіе процессы, матеріализмъ уже прибѣгаетъ не къ *позитивному* понятію причины, какъ простаго *постоянно-предшествующаго*, ибо ближайшее предшествующее здѣсь именно сознаваемое содержаніе представленій: на послѣднее понятіе причинности скорѣе можемъ согласиться мы, утверждающіе свободу воли, чѣмъ позитивизмъ и матеріализмъ, отрйцающіе ее. Но немного поможетъ матеріализму, если онъ замѣнитъ *позитивное* понятіе причинной связи—старымъ, въ которомъ причина есть *дѣйствующая сила*, а потому между нею и ея дѣйствіемъ существуетъ отрицаемый позитивизмомъ *нѣчто*. Не поможетъ это матеріализму потому, что и *дѣйствующая сила* дѣйствуетъ *такъ или иначе* вслѣдствіе того, что имѣетъ такую, а не другую опредѣленность, такія то свойства; сознательная же воля, какъ ближайшая причина хотѣній, именно опредѣлена сознательностію, *содержащимися въ сознаніи* моментами, и опредѣленность ея *этими* моментами, отличающая ее отъ всѣхъ другихъ силъ, и будетъ опредѣлять ея дѣйствія, какъ *ближайшая* причина ихъ. Исключать же изъ изслѣдованія извѣстныя ближайшія причины и отрицать ихъ, какъ причины въ пользу неопредѣленныхъ, отдаленнѣйшихъ—ни одно воззрѣніе, претендующее на точность и положительность, не можетъ.

реальныя причины психическихъ событій, а слѣдовательно, и рѣшеній сознанія; между тѣмъ какъ сознаваемое въ представленіяхъ есть только второстепенное *состояніе* этихъ реальныхъ дѣятелей. Ничего не можетъ намъ возразить матеріализмъ, потому что онъ можетъ допустить только два возможныя понятія объ отношеніи процессовъ въ мозгу къ опредѣленному содержанію сознанія и, слѣд., къ опредѣленнымъ событіямъ въ немъ. Во-первыхъ, онъ можетъ предположить, что мозговыя измѣненія суть только *общія условія, безъ которыхъ дѣятельность сознанія вообще* невозможна; но отъ такихъ *общихъ* условій и могутъ зависѣть только *общія же* черты въ дѣятельности сознанія вообще, то-есть быстрота или медленность въ смѣнѣ представленій, ихъ живость и яркость или блѣдность и вялость, но не *опредѣленное содержаніе ихъ*, не ихъ взаимное отношеніе по содержанію и не значеніе для сознанія, а слѣдовательно, не самая конкретная *опредѣленность* сознанія представленіемъ, имѣющимъ *это или другое* содержаніе [1]. Здѣсь относительное значеніе представленій для сознанія и въ борьбѣ другъ съ другомъ, такъ же какъ и опредѣленный исходъ ея,—всецѣло относятся на долю *содержанія* представленій, какъ оно дано *въ сознаніи и только въ немъ*: имѣя различное содержаніе, представленія, *по особенностямъ этого содержанія*, будутъ и разно опредѣлять сознаніе. Во-вторыхъ, матеріализмъ можетъ самую опредѣленность сознаваемаго *содержанія* отдѣльныхъ представленій поставить въ зависимость отъ измѣненій въ состояніяхъ различныхъ, соотвѣтствующихъ всякому изъ опредѣленныхъ по содержанію представленій, опредѣленныхъ мозговыхъ клѣтокъ, отъ *физіологическихъ*

[1] Мы, конечно, не думаемъ утверждать, чтобы такія условія, какъ, напримѣръ, медленность или быстрота въ смѣнѣ представленій, *не могли* вліять и на опредѣленность содержанія сознанія въ данномъ случаѣ: при медленности этой смѣны сознаніе можетъ быть принуждено остановиться на половинѣ того пути, который могло бы пройти подъ условіемъ ея быстроты, и конкретное содержаніе сознанія въ обоихъ случаяхъ можетъ быть не только различно, но и противоположно,—ассоціаціи, образовавшіяся путемъ предшествующаго развитія, ряды представленій—въ первомъ случаѣ гораздо болѣе связываютъ сознаніе, чѣмъ во второмъ и т. п. Мы, не отрицая этой *возможности*, утверждаемъ только, что она не *необходимость*, что чуждыя содержанію представленія условія (каковы медленность и быстрота) *могутъ и не измѣнять* существенно отношеній между представленіями по содержанію ихъ. Послѣдняя возможность явствуетъ уже изъ того, что кромѣ *крайностей* въ скорости движенія представленій (указывающихъ на умственное разстройство), существуетъ и множество промежуточныхъ степеней и нормальные предѣлы и т. п.

измѣненій которыхъ, слѣдовательно, а не отъ сознаваемаго содержанія соотвѣтствующихъ представленій сознанія и будетъ зависѣть значеніе и опредѣляющая сила представленій. Но не трудно видѣть, что, признавши *необходимую* связь опредѣленнаго содержанія представленій съ опредѣленными измѣненіями въ опредѣленныхъ клѣткахъ, мы признаемъ, что *особому* содержанію понятія цѣли (какъ оно дано въ сознаніи) соотвѣтствуетъ и *особое* состояніе (а слѣд., и дѣйствіе на другія клѣтки—представленія и противодѣйствія ея ихъ дѣйствіямъ) въ соотвѣтствующей клѣткѣ: все равно—значеніе и сила представленія *цѣли* въ опредѣленіи рѣшенія сознанія будутъ *отличны* отъ силы и значенія всѣхъ, данныхъ сознанію съ *иной* для сознанія опредѣленностью (слѣдовательно и иначе опредѣленныхъ въ соотвѣтствующихъ клѣткахъ), мотивовъ, представленій и т. под. Но важно здѣсь то обстоятельство, что, *зная различіе въ содержаніи* представленій, какъ оно дано сознанію, и—взаимное отношеніе и значеніе ихъ, здѣсь, по содержанію, мы *не знаемъ* и никогда *не можемъ знать*, *какая* опредѣленная клѣтка, и какая особенность въ составѣ ея соотвѣтствуетъ различіямъ въ содержаніи представленій, такъ что для рѣшенія вопроса о значеніи *опредѣленныхъ* представленій въ психическихъ событіяхъ, намъ вѣчно придется заключать отъ различія въ сознаваемомъ содержаніи представленій къ различію въ физіологическихъ отправленіяхъ мозга, *а не обратно*. Пусть всякій разъ, когда является въ сознаніи представленіе цѣли, опредѣленное выше приведенными моментами, совершается опредѣленное химическое измѣненіе въ соотвѣтствующей клѣткѣ: сознанное мной, какъ *поставленная* мной, цѣль иначе, соотвѣтственно ея особому содержанію, опредѣлитъ мое сознаніе, чѣмъ сознанное мной, какъ *данное* чувство, побужденіе, или объектъ, мотивъ. Сознаваемая мной, какъ мной поставленная и только черезъ меня имѣющая осуществиться, черезъ меня возможная, цѣль *не опредѣляетъ* моего сознанія *сама-по-себѣ* съ такою же готовою, *данною* силой, какъ мотивы, чувства и т. под., *не* опредѣляетъ меня, слѣд., какъ *причина* (ибо всякая причина *дана* съ готовою опредѣленностью, и только *какъ* и *поскольку дана—есть причина*), слѣдовательно или вовсе *не опредѣляетъ* меня, или же опредѣляетъ уже *не сама по себѣ*, а въ силу, напримѣръ, другихъ *причинъ*, или же и *цѣлей*, не сознаваемыхъ какъ такія (имманентныхъ, причиняющихъ себя не черезъ посредство личнаго сознанія). Если матеріализмъ *не знаетъ* такихъ, какъ бы *нейтральныхъ* состояній клѣтокъ, которыя могли бы дѣйствовать на сознаніе

не съ *опредѣленною* въ нихъ самихъ силой, и потому могли бы объяснить *(наглядно—не больше)* это свойство понятія цѣли,— то изъ незнанія чего-нибудь вообще не принято дѣлать выводовъ, и, далѣе, матеріализмъ долженъ помнить, что о строеніи, различіи въ составѣ, мельчайшихъ функціональныхъ измѣненіяхъ и т. под. въ мозговыхъ клѣткахъ онъ вообще *ничего не знаетъ* (и никогда не будетъ знать съ тою *опредѣленностью*, которая въ нашемъ вопросѣ требуется); опираться же на *логическую невозможность* такихъ состояній онъ не можетъ, доколѣ не отыскалъ, для ея доказательства, инаго основанія, кромѣ своей гипотезы, которую именно еще требуется доказать, то-есть, пока не далъ сколько-либо удовлетворительнаго, соотвѣтствующаго ей опредѣленія сознанія вообще. Между всѣми факторами дѣйствія одна цѣль (а признаніе возможной *для меня* цѣли дѣйствительною моею цѣлью и есть именно *рѣшеніе* сознанія, окончательное хотѣніе, о свободѣ котораго и идетъ рѣчь) является такимъ, который, хотя *и данъ* сознанію, но, вслѣдствіе своего сознаваемаго, особаго содержанія и вытекающаго отсюда отношенія къ нему сознанія, *не опредѣляетъ сознанія съ необходимостью*,—который, говоря словами Лейбница, *inclinat, non necessitat*.

Въ этомъ особенномъ *отношеніи* сознанія къ своему представленію *о цѣли*, проистекающемъ изъ существенныхъ для намѣренныхъ дѣйствій моментовъ послѣдняго, мы видимъ главнѣйшее основаніе и вѣрованія человѣческаго въ *свободу хотѣній* и ея дѣйствительности. Не останавливаясь здѣсь еще на вопросѣ о *дѣйствительной* свободѣ сознанія въ области цѣлей, сознанныхъ какъ такія, замѣтимъ здѣсь, что съ понятіемъ цѣли дано *всеобщее* и *необходимое* основаніе *вѣрованію* сознанія въ свою свободу, въ свою неопредѣляемость ни одною цѣлью, какъ *данной* ему objective, готовой помимо его собственнаго признанія, ибо вѣрованіе это, сознаніе себя свободнымъ относительно своихъ цѣлей (resp. намѣренныхъ дѣйствій), вытекая для сознанія изъ тѣхъ моментовъ понятія цѣли, безъ которыхъ послѣднее *никогда* не дано сознанію, какъ понятіе цѣли, должно быть *вездѣ и всегда*, гдѣ это понятіе есть *для сознанія*, т. е. во всякомъ намѣренномъ и сознательномъ *дѣйствіи* и у всякаго *существа*, совершающаго дѣйствія ради своихъ цѣлей, сознанныхъ, *какъ свои*. Это вѣрованіе, такимъ образомъ, необходимо *дано въ самой формѣ самосознанія, насколько ея содержаніемъ* являются понятія цѣли.

Здѣсь уже видно, такимъ образомъ, насколько *фактически* невѣрно утвержденіе Бэна, будто показанія личнаго сознанія

ограничиваются одними непосредственными ощущеніями и чувствами, „единичными опытами единичныхъ моментовъ въ единичныхъ существахъ (the emotion and the wille, p. 514), будто эти показанія *различны* у всѣхъ индивидовъ и по количеству и по качеству (яркости, отчетливости и т. п.). Въ вѣрованіи личнаго сознанія въ свою свободу, вытекающемъ изъ необходимыхъ моментовъ понятія цѣли, намъ данъ такой *фактъ* личнаго сознанія, который не есть *единичный опытъ*, не *различенъ* у разныхъ индивидуумовъ и т. п. Изъ предшествующаго ясно также и то, насколько невѣрно объясняется Бэномъ *представленіе свободы*, когда онъ говоритъ: „представленіе свободы не больше интуиція, чѣмъ и представленіе двойнаго разложенія солей. Здѣсь совокупность *припоминаемыхъ* хотѣній и *сравненіе* между ними и особымъ состояніемъ чувствующаго существа,—состояніемъ освобожденія отъ внѣшняго, превозмогающаго воздѣйствія,—подобно состоянію спущенной со своей цѣпи собаки“ (ibid. p. 518). Никакихъ припоминаній, сравненій и т. п., такъ же какъ и никакихъ опытовъ для *представленія* себя свободнымъ *сознанію*, имѣющему представленіе цѣли, какъ видно, не нужно; предоставленіе свободы необходимо *есть* въ сознаніи, какъ скоро есть въ немъ представленіе *цѣли* съ указанными моментами, т. е. сознанной, какъ цѣль, какъ только *возможное* для сознанія черезъ его *возможную* же дѣятельность. Эти моменты въ понятіи цѣли (какъ оно дано всякому личному сознанію) игнорировать невозможно, ибо *ими* полагается основное различіе между *волей*, какъ причиной дѣянія, и простымъ *желаніемъ*, влеченіемъ, мотивомъ, не переходящимъ въ дѣйствіе, *сознательно* причиняемое мной. Различіе это таково, что, очевидно, нельзя уже, обративъ на него серьезное вниманіе, смотрѣть на окончательное *рѣшеніе* воли, на поставленное ею себѣ дѣйствительное хотѣніе, какъ на простой математическій результатъ механической борьбы данныхъ мотивовъ, *какъ причинъ*. Если мотивы даже и суть дѣйствительныя *причины* въ томъ смыслѣ, какой этому понятію придается, т. е. если ихъ способъ дѣйствія, участіе въ произведеніи окончательнаго результата—рѣшенія воли—*предрѣшенъ въ той опредѣленности, съ которою они даны*; если такимъ образомъ борьба мотивовъ есть лишь чисто-механическое сложеніе силъ, представляющее частный случай общихъ законовъ объективной природы, то все-таки этимъ *ничего* не предрѣшается относительно вопроса о свободѣ или несвободѣ результата этой борьбы, *цѣли*, признанной какъ такая. Самый *актъ этого признанія*, безъ ко-

тораго цѣль не есть еще *дѣйствительная* цѣль, не необходимо предопредѣленъ для сознанія тѣми механическими факторами этого мнимаго результата ихъ (т. е. цѣли), ибо само, совершающее этотъ актъ, сознаніе относится къ представляемому какъ цѣль, какъ къ подлежащему еще утвержденію его, а слѣдовательно и не *опредѣлено* имъ механически, какъ *только данными*. Опредѣлитъ ли себя сознаніе этимъ результатомъ борьбы мотивовъ или нѣтъ,—это зависитъ, такимъ образомъ, не отъ самихъ мотивовъ, если даже они и чисто-механическія силы: *основаніе этого самоопредѣленія сознанія должно быть иное, чѣмъ упомянутые до сихъ поръ факторы дѣйствія*. Это остается несомнѣннымъ даже при признаніи, что борьба мотивовъ—чисто-механическая, что въ ней нѣтъ никакого слѣда произвольности, потому что, если бы эта борьба и была чисто-механическою и образъ дѣйствія мотивовъ, чувствъ, понятій и т. п. былъ бы подобенъ дѣйствію объективныхъ *причинъ*, то въ намѣренномъ, сознательномъ дѣйствіи результатъ этой борьбы *не непосредственно* становится дѣйствіемъ или импульсомъ дѣйствія, а только *въ формѣ* сознаннаго намѣренія, *черезъ посредство понятія цѣли*, какъ такой, *и въ этомъ посредствующемъ моментѣ—сознаніи цѣли, какъ цѣли,—тотъ механическій результатъ теряетъ уже свой механическій характеръ* [1].

Но оказывается, что и самые *мотивы* не просто *даны*, какъ независящія отъ нашего сознанія *силы*, опредѣляющія его. И въ борьбѣ мотивовъ участвуетъ сознаніе, вызывая (какъ мы увидимъ далѣе), посредствомъ своихъ понятій, представленій, *соотвѣтствующія чувства*, которыя могутъ уравновѣшивать дан-

---

[1] И странно, что мы, въ дѣлѣ *познанія*, считаемъ его результаты не за дѣло непосредственно *самихъ вещей*, а за невозможные *внѣ формъ* нашего сознанія, какъ познающаго внѣ представленій, понятій, заключеній и т. под.; въ области же сознательнаго *дѣйствія*, воли, признаемъ ея рѣшеніе за *непосредственное* дѣйствіе самихъ предметовъ, вещей, независимо *отъ формы* сознательной воли, т. е. представленія *цѣли*. Подобная непослѣдовательность признанія формъ сознанія въ одномъ случаѣ, дѣятельности сознанія и отрицанія ихъ въ другомъ ничѣмъ не можетъ быть оправдана: или познаніе *есть*,—на вещи, насколько онѣ познаваемы, сознаніе налагаетъ *свои формы*,—но тогда то-же нужно примѣнить и къ сознательной волѣ; или, если вещи *непосредственно* ставятъ рѣшенія сознательной воли, осуществляютъ себя, то онѣ же сами въ нашемъ сознаніи, независимо отъ его собственныхъ формъ (т. е. формъ сужденія и заключенія) и познаютъ себя. Обѣ стороны втораго члена альтернативы *равно*—нелѣпы.

ные намъ независимо отъ нашего сознанія мотивы, ослаблять и видоизмѣнять ихъ [1]. Чѣмъ же, спрашивается теперь, обусловливается самое это участіе или неучастіе сознанія въ борьбѣ мотивовъ, его вмѣшательство въ нее и измѣненіе ея механическаго результата посредствомъ вызова связанныхъ съ чувствомъ представленій?

Уже здѣсь можно предположить, что этотъ вызовъ (какъ *вызовъ*, онъ сознателенъ), какъ *намѣренный актъ*, совершается, подобно всякому намѣренному акту, ради *сознанной цѣли*. Сознанная же цѣль, *сама по себѣ*, какъ сказано, *не опредѣляетъ* сознаніе съ необходимостью. Такимъ образомъ, подходя къ рѣшенію сознательной воли и со стороны *факторовъ* его (мотивовъ) и со стороны ихъ окончательнаго *произведенія* (цѣли) мы не находимъ *готовой* опредѣленности сознанія, основаній *рѣшенія сознательной воли*, какъ даннаго ей,—не находимъ *опредѣленія* сознанія чѣмъ-либо даннымъ независимо отъ новыхъ, особыхъ актовъ его [2]. Если это происходитъ вслѣдствіе того, что цѣль, сознанная какъ такая, *сама по себѣ* не опредѣляетъ сознанія, то *чѣмъ* оно опредѣляется, откуда берется та или другая опредѣленность его въ данномъ случаѣ? Здѣсь мы приходимъ ко второму, не менѣе важному выводу изъ нашего анализа понятія цѣли.

Во-2-хъ, если сознаніе относится къ своей цѣли, *сознанной, какъ имѣющая быть только черезъ его дѣятельность и подъ условіемъ его признанія*,—какъ къ чему-то, еще не *данному* ему, не существующему помимо его, objective, но имѣющему существо-

---

[1] Возможность такого активнаго вмѣшательства сознанія въ борьбу мотивовъ будетъ видна дальше.

[2] Мы ограничиваемъ, съ одной стороны, понятіе причины ради его *содержанія*, дающаго возможность примѣнять его только въ области объектовъ для другаго и черезъ другое; съ другой же—показываемъ въ понятіи *цѣли* (которою воля опредѣляется) такой *фактъ* (или еще нужно доказывать, что мы *имѣемъ* цѣли, сознанныя какъ цѣли?), который, *опредѣляя волю*, опредѣляетъ ее *не какъ причина*, дѣйствіе которой было бы предрѣшено тою опредѣленностью, съ которою она *дана*. Съ точки зрѣнія позитивизма, т. е. признавая въ причинной связи явленій только ихъ безусловное послѣдованіе, не принимая *единообразія* за какую-то мистическую (ибо непонятную и непонятую для позитивизма) необходимость nexus'a (иначе ночь нужно бы считать причиной дня)—на это наше разсужденіе ничего возразить нельзя. Всякое возраженіе будетъ предполагать основаніемъ своимъ *иное* понятіе причины, чѣмъ признанное позитивизмомъ и затѣмъ вовсе уже не *позитивное* отрицаніе *факта* (понятіе цѣли въ нашемъ сознаніи) ради несогласимой съ нимъ *теоріи*.

бать такъ лишь черезъ него, то сознаваемое какъ цѣль *не есть* для сознанія, а только *возможно* для него. Поэтому, сознаваемая какъ только *возможная* цѣль, чтобы стать для сознанія дѣйствительною или недѣйствительною цѣлью его, ставитъ сознанію *задачу* предварительнаго *обсужденія* сознаніемъ цѣли, результатомъ каковаго обсужденія является признаніе или непризнаніе ея дѣйствительною: нѣтъ сознательно-намѣреннаго дѣйствія (котораго не должно смѣшивать съ часто очень на него похожимъ привычнымъ, вторично-автоматичнымъ дѣйствіемъ) [1] безъ предварительнаго обсужденія и притомъ—не обсужденія средствъ, наиболѣе соотвѣтствующихъ *уже признанной* цѣли, а *сужденія о самой цѣли*, въ результатѣ котораго является ея признаніе или непризнаніе дѣйствительною моею цѣлью. Очевидно, что актъ признанія или непризнанія цѣли, *сознанной*, *какъ такая*, долженъ быть дѣломъ раздѣльнаго *сужденія*, а не непосредственнаго *чувства*; ибо, если бы чувство непосредственно признавало цѣль или отвергало ее,—то цѣль была бы уже непосредственно *дѣйствительною*, отвергнутою или признанною, т. е. не была бы для сознанія *только возможною*, не была бы сознана какъ *цѣль*. Тамъ, гдѣ цѣль сознается, какъ цѣль, гдѣ въ ея понятіи есть указанные выше моменты,—тамъ есть, *какъ условіе* ея признанія или отрицанія, актъ *раздѣльнаго* сужденія.

Важность этого замѣчанія, направленнаго противъ морали

---

[1] Къ разряду вторично-автоматичныхъ дѣйствій должно бы относить не только механическое повтореніе актовъ, которые предъ тѣмъ часто совершались *сознательно* (съ сознаніемъ цѣли и средствъ какъ такихъ, слѣд. себя, какъ поставившаго и ограничившаго цѣль и т. п.), но и такія дѣйствія, которыя представляютъ сложный продуктъ, иногда весьма сложныхъ, но непроизвольныхъ психологическихъ ассоціацій, сложившихся въ душѣ помимо всякой критики, всякаго цѣлесообразнаго обсужденія цѣли и т. п. Такія ассоціаціи, не заключаетъ въ себѣ ни понятія цѣли, ни понятія средствъ, ни самосознанія, могутъ иногда быть регуляторами столь сложныхъ и, повидимому, цѣлесообразныхъ движеній, что даютъ поводъ ставить ихъ въ одну категорію съ сознательно-цѣлесообразными и распространять на первыя то, что примѣнимо только къ послѣднимъ. Но отсутствіе понятій цѣли, средствъ etc. во вторично-автоматичныхъ дѣйствіяхъ, происшедшихъ описаннымъ путемъ, совершенно отличаетъ ихъ отъ происшедшихъ путемъ повторенія сознательно-цѣлесообразныхъ актовъ, и первыя—съ точки зрѣнія нашего анализа—должны быть приравнены къ первично-автоматичнымъ дѣйствіямъ. Таковы, повидимому, цѣлесообразныя дѣйствія животныхъ, регулируемыя частью прирожденными механизмами движенія, чувствъ etc. (такъ называемый инстинктъ; ср. Phys. de la volonté, *Herzen*), частью психологическими ассоціаціями.

чувства (преимущественно представляемой англійскими моралистами), будетъ видна изъ непосредственно слѣдующихъ разсужденій объ *основаніи* нравственнаго сужденія. (Къ рѣшенію процесса между сужденіемъ и чувствомъ, какъ возможными основаніями морали, ср. Th. Reid. o. c. VI, pp. 405—434). Мы не можемъ не признать *раздѣльное сужденіе* условіемъ признанія или отрицанія цѣлей, если признаемъ, что выборъ между многими *средствами* есть дѣло не непосредственнаго *чувства* (что въ сложныхъ, предумышленныхъ дѣйствіяхъ невозможно), а *раздѣльнаго же сужденія*. Никто не будетъ отрицать модифицирующаго цѣль, обусловливающаго ея измѣненія, то-есть по крайней мѣрѣ, частичное признаніе или непризнаніе ея вліянія сознательнаго обсужденія средствъ къ осуществленію представляющихся только en ébauche цѣлей. Значеніе обсужденія этого таково, что оно можетъ заставить насъ и отказаться отъ представившейся цѣли, и отложить ея осуществленіе и на опредѣленное время, и до случая, и совсѣмъ и т. п. (намѣреніе, Vorsatz velleitas etc.) Цѣль, какъ *дѣйствительная* моя цѣль, и съ этой точки зрѣнія, *не дана* мнѣ готовою; какъ признанной моею, съ такою-то опредѣленностью, ей предшествуютъ многія раздѣльныя сужденія (хотя и не прямо о ней), модифицирующія ее, при чемъ *и она сама необходимо* перестаетъ быть признаваемою или отвергаемою только непосредственнымъ чувствомъ, а необходимо становится предметомъ раздѣльнаго сужденія (о ней самой уже, какъ *цѣли*). И послѣ *возможнаго непосредственнаго* признанія цѣли дѣйствительною, во все время ея осуществленія, всякій случай сужденія о средствахъ есть новый поводъ и для раздѣльнаго сужденія о цѣли, — сужденія, снимающаго уже съ нея характеръ необходимой опредѣленности непосредственнымъ чувствомъ. Раздѣльное сужденіе о цѣли въ сознательно намѣренныхъ (и не вторично-автоматичныхъ, привычныхъ) дѣйствіяхъ остается по-прежнему необходимымъ.

Какъ же совершается это сужденіе? *Каковы* основанія его, и слѣдовательно — основанія признанія или непризнанія данной цѣли? Берется ли критерій этого сужденія, его основаніе изъ области *цѣлей* же, къ которымъ данная цѣль находится въ какомъ-нибудь отношеніи, какъ, напримѣръ, подчиненная цѣль, или средство? Берется ли это основаніе, какъ полагаютъ одни моралисты (кромѣ Канта и *строгихъ* кантіанцевъ), изъ сферы *объективныхъ* цѣлей, цѣлей болѣе общихъ, чѣмъ данная, — напримѣръ, требованій порядка, общаго блага, космическихъ цѣ-

лей всего мірозданія и т. п., санкціонирующихъ и данную частную цѣль? Или же это основаніе берется, какъ полагаютъ другіе (опять кромѣ Канта и *строгихъ* кантіанцевъ), изъ цѣлей *субъективныхъ* и, въ концѣ-концовъ, изъ соотвѣтствія или несоотвѣтствія данной цѣли—основной цѣли *самосохраненія*, относительно которой всевозможныя субъективныя цѣли занимаютъ положеніе средствъ?

Ни то, ни другое, ни сужденіе изъ объективныхъ, ни сужденіе изъ субъективныхъ цѣлей, отвѣтимъ мы, не имѣетъ *необходимаго, всеобщаго* основанія въ тѣхъ факторахъ, которыми слагается сознательное рѣшеніе воли *(рѣшеніе въ формѣ признанной цѣли)*. Есть третій путь, третье основаніе сужденія о цѣли, лежащее въ приведенныхъ уже моментахъ понятія цѣли, какъ оно дано во всякомъ сознаніи, и какъ оно присутствуетъ во всякомъ сознательно-намѣренномъ дѣйствіи, направляя его. Если *признаніе* цѣли не дано еще *сознаніемъ* цѣли, какъ только—*возможной*—(что было бы противорѣчіемъ),—то и *основаніе* къ признанію такой или иной цѣли не можетъ лежать въ *какой бы то ни было* цѣли, субъективной ли, объективной ли, если послѣдняя сознана мной, какъ цѣль, какъ только возможное черезъ меня (а она должна быть сознана такъ, если самый актъ сужденія по ней о данной цѣли есть намѣренный). Это — тавтологія. Поэтому основанія сужденія о цѣли должно искать не въ самой цѣли: оно есть *не прямо* сужденіе о цѣли. О чемъ же оно сужденіе?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ намъ второй изъ указанныхъ моментовъ понятія цѣли: цѣль есть, для моего сознанія (а индѣ ея нѣтъ) поставленное *мной*, какъ имѣющее быть *черезъ меня*. Поэтому сужденіе о *возможной* только черезъ меня цѣли *есть прежде всего и непосредственно* сужденіе *обо мнѣ самомъ*, ставящемъ себѣ сознательно эту цѣль. И только *посредственно* уже переносится это сужденіе сознательно-намѣреннаго субъекта *о себѣ* на его частныя цѣли, становится сужденіемъ и о цѣли. *Такимъ образомъ человѣкъ, насколько онъ дѣйствуетъ сознательно намѣренно, всегда есть лицо, судящее непосредственно о себѣ, ибо такое сужденіе необходимо предполагается требуемымъ сужденіемъ о цѣли, а это послѣднее сужденіе необходимо требуется тѣми моментами, отъ которыхъ цѣль неотдѣлима въ имѣющемъ ее сознаніи.*

Этотъ послѣдній выводъ нашъ имѣетъ бездну важнѣйшихъ послѣдствій для всей этики, и множество споровъ и вопросовъ въ области послѣдней совсѣмъ не было бы понятно, множество

искусственныхъ системъ и софизмовъ вовсе не могло бы продержаться и одного дня, если бы пути къ этому выводу не заграждала непривычка къ изслѣдованію *элементовъ сознанія въ сознаніи и для сознанія* и надежда добиться какихъ-либо точныхъ результатовъ въ этой области путемъ изслѣдованія *психологическаго* (дающаго *исторію* психическихъ образованій *до и внѣ* этого отношенія сознанія къ себѣ) или физіологическаго и т. п., въ которыхъ эти элементы разсматриваются, какъ *объекты* природы, *данные какому-то случайному стороннему наблюдателю съ готовою опредѣленностью, независимо отъ отношенія ихъ самимъ имѣющимъ ихъ сознаніемъ къ себѣ.* Собственно понятно это игнорированіе изслѣдованія сознанія въ его *для себя бытіи* только въ системѣ матерьялизма, признающей сознаніе за *явленіе*, по необходимости игнорирующей *самосознаніе*, бытіе сознанія объектомъ себѣ, ибо этотъ неоспоримый *фактъ* самосознанія не можетъ быть предметомъ изслѣдованія подъ категоріей *причины*, приложимой только къ объектамъ *для* инаго, *въ* иномъ и *изъ* инаго, а такъ же не можетъ быть *выведенъ* изъ явленій объективной природы, представляющихъ простой, ни въ одномъ случаѣ не показывающій возвращенія *на себя*, опредѣленія себя и для себя рядъ послѣдованій (см. *Fichte* Seinor, Bd. I, S. 435).

Прежде чѣмъ указать слѣдствія нашего вывода изъ анализа понятія цѣли, какъ оно дано въ сознаніи и для сознанія, для всей области этики,—еще одно замѣчаніе. Быть можетъ, вслѣдствіе желанія не оставить ничего невыясненнымъ въ такомъ важномъ вопросѣ, какъ занимающій меня здѣсь, я вдался въ излишнюю и подозрительную для многихъ логомахію. Могутъ сказать, что все это прекрасно въ *логическомъ* выводѣ, какъ продуктъ сознательнаго мышленія, но что къ дѣйствительности это не приложимо, такъ какъ въ дѣйствительности важнѣйшія, элементарнѣйшія понятія сознанія образуются не путемъ логическаго вывода, а безсознательнымъ, психологическимъ, интуитивнымъ путемъ. Поэтому выражу предшествующую аргументацію проще:

Во всякомъ сознательно-намѣренномъ дѣйствіи есть сознанная *цѣль;* цѣль сознается, какъ *мое возможное* дѣло, между тѣмъ какъ началомъ дѣйствія становится уже какъ *дѣйствительная;* поэтому, во-первыхъ, лишь до признанія мной, *обсуждается*, а во-вторыхъ, сужденіе мое о цѣли, какъ только *моемъ* возможномъ дѣлѣ, заключаетъ въ себѣ какъ предисловіе, и *мое сужденіе обо*

мнѣ самомъ. Что всѣ эти моменты, какъ *фактъ*, даны во всякомъ сознаніи, при сознательно-намѣренномъ дѣйствіи, — это можетъ подтвердить только *фактическое* же личное сознаніе всякаго (пусть всякій скажетъ, сознаетъ ли онъ свою цѣль, какъ *свое возможное* дѣло? и судитъ ли онъ *о себѣ*, рѣшаясь сознательно на какое-либо непривычное дѣло?); наука же *факта* никогда *не даетъ*; она можетъ показать его *необходимость*, его основанія; но беретъ его и ссылается на него тамъ, гдѣ *онъ данъ*, — а даны эти факты (какъ исходная точка и провѣрка теоріи) только въ *личномъ сознаніи*. Если кого-либо,—далѣе, — остановитъ здѣсь то соображеніе, что въ своемъ сознаніи онъ не находитъ *всѣхъ звеньевъ*, составляющихъ переходъ отъ его понятія цѣли къ сужденію его о себѣ, ставящемъ себѣ эту цѣль, то пусть вспомнитъ, что и виртуозъ не находитъ въ своемъ сознаніи представленій о той силѣ удара по клавишѣ, о положеніи пальца и т. п., точное соблюденіе которыхъ необходимо, однако, для виртуозности его исполненія, — между тѣмъ, какъ при началѣ его обученія искусству, соблюденіе этихъ тончайшихъ условій стоило ему страшныхъ и *сознательныхъ* усилій. Въ области же намѣренно-сознательныхъ дѣйствій всѣ мы великіе виртуозы, ибо очень много упражнялись, хотя также и здѣсь было *начало* ученія, и сознательными усиліями давалось намъ то, что теперь дается безъ всякихъ усилій и сознанія, какъ бы механически. Наконецъ важное подтвержденіе вышеприведеннаго анализа представитъ намъ совпаденіе вытекающихъ изъ него этическихъ выводовъ съ традиціонными и основными требованіями морали и права.

IX.

Выводы изъ ученія о цѣли въ примѣненіи къ области морали и права.

Изъ предложеннаго ученія о цѣли вытекаютъ слѣдующіе важные выводы для всей сферы нравственности и права:

а) Всѣ сознательно-намѣренныя дѣйствія, какъ заключающія въ себѣ сужденія дѣятеля о себѣ самомъ, суть дѣйствія существъ *самосознающихъ* и *нравственныя* дѣйствія; съ другой-же стороны—нравственны только дѣйствія самосознающихъ существъ. Есть множество дѣйствій, въ которыхъ есть *и* сознаніе *и* намѣреніе, но мы не зовемъ ихъ нравственными, потому что въ нихъ намѣреніе переходитъ въ дѣйствіе *непосредственно*, *безъ*

обсужденія цѣли, а слѣдовательно и безъ сужденія дѣятеля о себѣ, что составляетъ существенное въ нравственномъ сужденіи. Такія намѣренныя дѣйствія, въ которыхъ нѣтъ нравственнаго характера, *потому* что нѣтъ сужденія дѣятеля о ихъ цѣли, а слѣдовательно *и о себѣ*, — суть дѣйствія *привычныя*, вторично-автоматичныя, именно потому, что цѣль такихъ дѣйствій мнѣ привычна, что дѣйствія эти мною совершаются ежедневно и чаще,—именно поэтому и не вызываетъ *намѣреніе* къ такимъ актамъ предварительнаго обсужденія этого намѣренія, а слѣдовательно и нравственнаго сужденія субъекта о себѣ. Поэтому эти дѣйствія и не имѣютъ, *сами-по-себѣ*, нравственнаго характера, и не сопровождаются *необходимо сознаніемъ свободы*, которое дано, какъ сказано, въ сознаніи цѣли, какъ только *возможной* еще черезъ меня, *подлежащей* обсужденію и признанію и т. п. Такія привычныя, вторично-автоматичныя дѣйствія совершаю я, напр., умываясь, одѣваясь, закуривая сигару, счищая съ книгъ пыль и т. д. Чѣмъ намѣренное дѣйствіе по существу своему *исключительнѣе*, менѣе можетъ быть вторично-автоматичнымъ, больше требуетъ предварительнаго обсужденія, даже ради необходимаго для подбора сложныхъ средствъ времени, выбора момента совершенія и т. под. (напр., умышленное убійство, грабежъ),—тѣмъ больше было совершено актовъ обсужденія цѣлей (ибо и средства, въ сложномъ дѣйствіи, обставленномъ множествомъ препятствій, такъ какъ ихъ еще нужно добыть, суть сознанныя *второстепенныя цѣли*), а слѣдовательно и актовъ сужденія дѣятеля о себѣ, тѣмъ вѣроятнѣе, что дѣйствіе, слѣдовательно, имѣетъ нравственный характеръ и сопровождается *сознаніемъ свободы, возможности для себя иначе*, какъ однимъ изъ факторовъ въ сложеніи сознательныхъ рѣшеній воли [1].

---

[1] Понятіе „вторично-автоматичности“, „привычности“ нѣтъ основанія ограничивать только *дѣйствіями*. И понятія *цѣли*, не переходившія долго въ дѣйствіе, остававшіяся только признанными мною *въ мысляхъ* цѣлями моими, могутъ вслѣдствіе частаго повторенія мной въ мысли акта признанія ихъ, возникать затѣмъ въ умѣ моемъ и безъ новаго сознательнаго акта признанія,—самый этотъ актъ станетъ *вторично-автоматичнымъ*. Такая, долго лелѣянная, признанная въ мысляхъ цѣль, въ *тотъ разъ*, когда дѣйствительно переходитъ въ дѣйствіе, можетъ переходить въ него и безъ акта сужденія о себѣ, безъ сознанія свободы, по самому ничтожному, повидимому и несоразмѣрному съ важностью акта поводу и т. под. Но такое отсутствіе этого условія вмѣненія нравственной свободы,—*если оно грѣхъ* въ данномъ случаѣ, есть здѣсь *слѣдствіе* частаго предшествующаго повторенія сознательнаго грѣха *при присутствіи* условія. Дѣй-

в) Нравственное сужденіе, какъ сужденіе самосознающаго агента непосредственно *о себѣ*, есть сужденіе, совершеніе котораго необходимо,—***необходимое*** [1]. Нѣтъ намѣрено-сознательныхъ, и не вторично-автоматичныхъ, въ то же время, дѣйствій, которыя не сопровождались-бы *нравственнымъ* сужденіемъ, сужденіемъ субъекта о себѣ, подъ какими-бы условіями внѣшними (гдѣ, когда, въ какой культурѣ, подъ дѣйствіемъ какой системы положительныхъ законовъ, ради какой *опредѣленной* цѣли и т. под.) или субъективными (съ этими, или другими чувствами, настроеніями) они ни совершались,—ибо это сужденіе, какъ мы видѣли выше, не есть прямое сужденіе ни о цѣляхъ объективныхъ или *изъ нихъ*, какъ данныхъ (никакая цѣль, какъ такая, сознанію не дана готовою), ни о цѣляхъ субъективныхъ или изъ нихъ; оно не есть сужденіе о частномъ, особенномъ, эмпирическомъ [2]. При томъ это сужденіе дѣятеля о себѣ, какъ

ствіе, вытекающее изъ отдаленнаго грѣха, по существу грѣховно, хотя конечно (по значенію *времени*, протекшаго между актомъ *еще* сознательнаго мысленнаго грѣха и грѣхомъ уже безсознательнымъ въ дѣйствіи,—времени, въ теченіе котораго я могъ существенно измѣниться и даже *забыть* то сознательное рѣшеніе на грѣхъ) *наказуемость* его должна быть *меньшая*, чѣмъ наказуемость того же бѣдствія, если оно вызвано сознательнымъ грѣхомъ *непосредственно*. А для этого случая существуетъ критерій распознаваемости для суда,—именно: отдаленность или близость къ совершенію дѣйствія *дѣйствительнаго повода* къ нему; если поводъ этотъ близокъ, то и непосредственный грѣхъ акта былъ ***сознательный***, не имѣлъ времени стать вторично автоматичнымъ etc. См. Lotze Medic. Psychol, S. 295.

[1] Ясно, что и это сужденіе сознательнаго субъекта о себѣ есть *раздѣльное сужденіе*, требующее особаго *акта* сознанія, акта, въ которомъ субъектъ дѣлаетъ себя объектомъ себѣ, а не дѣло *непосредственнаго чувства*. Это ясно изъ того, что сужденіе о себѣ происходитъ *не безъ цѣли*, а именно ради произнесенія сужденія о предлежащей конкретной цѣли; произнесеніе послѣдняго сужденія есть сознанная *задача* перваго и первое есть только предисловіе послѣдняго. Къ тому же самое понятіе сужденія о себѣ включаетъ самораздвоеніе, самораздѣленіе, которыхъ нѣтъ въ простомъ непосредственномъ чувствѣ, хоть-бы то было и такъ называемое самочувствіе. Въ самочувствіи, какъ такомъ (какъ чувствѣ) есть только противоположеніе *своего—чужому*, а не бытіе объектомъ себѣ, не ***самораздвоеніе***.

[2] Отсюда видна вся неосновательность возраженія Шопенгауэра противъ Кантова обоснованія этики на *необходимомъ само-по себѣ законѣ* сознательной нравственной дѣятельности,—неосновательность его признанія невозможнымъ, чтобы „человѣкъ самъ-по-себѣ *вздумалъ*“ auf den Einfall Käme освѣдомиться о *законѣ* для своей воли, которому эта воля должна была бы подчиняться и слѣдовать. Какъ видно, человѣку эта *фантазія* должна придти *необходимо*, ибо если цѣли требуютъ обсужденія, то должно

данное со *всеобщими*, *формальными* моментами понятія цѣли (отнесеніемъ цѣли сознаніемъ къ себѣ, какъ своего возможнаго дѣла), независящими отъ того частнаго, конкретнаго содержанія, которое цѣль во всякомъ данномъ случаѣ имѣетъ,—отъ того, *эта или другая цѣль* его вызвала,—должно быть и *всеобщимъ* сужденіемъ, т. е. сужденіемъ, критерій котораго одинъ и тотъ же вездѣ и всегда (ибо его единственное, *чисто формальное* условіе есть отнесеніе самосознающимъ субъектомъ своихъ цѣлей къ себѣ), несмотря на всё различіе объективныхъ и субъективныхъ условій дѣянія и совершенно независимо отъ нихъ. Такимъ образомъ, рѣшаются для нихъ вопросы о *всеобщемъ или невсеобщемъ основаніи* нравственнаго сужденія, о *необходимости его внутренней* (основанной въ природѣ самого самосознающаго субъекта) или же только внѣшней, основывающейся на историческихъ условіяхъ, индивидуальномъ опытѣ и т. под., какъ у Гартмана, напр. Если это сужденіе не есть прямо сужденіе о цѣляхъ (объективныхъ-ли, субъективныхъ-ли) и *основаніе его есть всеобщая и необходимая форма* отнесенія самосознающимъ субъектомъ своихъ цѣлей къ себѣ, то необходимость его присутствія во всѣхъ сознательно-намѣренныхъ, не вторично-автоматичныхъ дѣйствіяхъ не стоитъ въ зависимости ни отъ *какихъ эмпирическихъ условій*. Совершенно, поэтому, невѣрнымъ оказывается всякое объясненіе понятія нравственнаго закона изъ какихъ бы то ни было индивидуальныхъ опытовъ субъекта, изъ образующихся, путемъ этихъ опытовъ, ассоціацій въ индивидуальномъ сознаніи между представленіемъ извѣстнаго образа дѣйствій и представленіемъ связанныхъ съ нимъ послѣдствій (напр., наградъ и наказаній, наслажденій и страданій и т. под.). Совершеннымъ извращеніемъ фактическаго положенія дѣла представляется, напр., то объясненіе понятія нравственнаго закона изъ *опыта* (представленія) *наказанія*, общественнаго и политическаго, связаннаго съ извѣстнымъ образомъ дѣйствія,—объясненіе, лишающее самое наказаніе *внутренняго* основанія, исключающее изъ категоріи нравственныхъ сужденій сужденія одобренія и изъ категоріи нравственныхъ дѣйствій—

быть у судящаго о нихъ, какъ своихъ, человѣка и сужденія о себѣ, а такъ какъ никакое сужденіе невозможно иначе, какъ на основаніи общаго *закона*, то долженъ быть у него и *законъ для него*, *представленіе* закона по поводу всякаго сознательно-намѣреннаго дѣйствія (ибо представленіе закона, основанія сужденія одно и даетъ послѣднему *форму* опредѣленнаго сужденія).

дѣйствія, не подлежащія наказанію,—какія мы встрѣчаемъ, напр., у Бэна и Д. С. Милля, и которыхъ невѣрно указаніе и самаго *содержанія* нравственнаго закона (въ объективной *цѣли* „общественной безопасности“ и въ индивидуальныхъ чувствахъ, вкусахъ и т. д.), что влечетъ за собою отрицаніе *всеобщаго критерія* нравственности. Бэнъ, усердствуя за то положеніе, будто наше личное сознаніе есть только *истолкователь опыта*,—всегда индивидуальнаго,— доходитъ до того, что признаетъ невозможнымъ не только всеобщій критерій *нравственности*, но и всеобщій критерій *истины*,—не замѣчая, что при этомъ ни истина, ни нравственность не имѣли-бы *никакой* необходимости, что не было-бы критерія и для различенія истины отъ лжи, ибо непосредственный опытъ даетъ намъ очень мало, выводъ-же изъ него *знаній* самъ уже предполагаетъ критерій. Причина этихъ грубыхъ недоразумѣній у Бэна (большею частію встрѣчаемыхъ и у Д. С. Милля, хотя и не въ такой явной формѣ) именно въ томъ, что онъ въ личномъ сознаніи находитъ только отдѣльныя *перцепціи*, данныя ему съ готовою, эмпирическою опредѣленностью, и дѣйствующія подобно *объектамъ* природы, даннымъ *стороннему* наблюдателю, упуская изъ вида *апперцепцію*, отнесеніе самосознаній своего содержанія къ себѣ,—моментъ, *безъ принятія котораго въ разсчетъ, и при отношеніи изслѣдователя къ фактамъ личнаго сознанія, какъ къ объектамъ природы, даннымъ только стороннему наблюдателю, никогда не можетъ получиться сколько-либо удовлетворительное знаніе о совершающемся въ личномъ сознаніи и его законахъ.* Въ понятіи цѣли, какъ оно *дано* въ сознаніи, а слѣд. какъ и оно *дѣйствуетъ въ немъ, есть* отнесеніе сознаніемъ своего содержанія *къ себѣ* (и къ себѣ не какъ *объекту* внѣ и независимо отъ сознанія, какъ къ субстрату сознанія,—*душѣ*, напр.); а, въ силу этого отнесенія, есть *всегда и вездѣ*, какъ *необходимое предусловіе* сужденія о цѣляхъ объективныхъ-ли, субъективныхъ-ли, независящее отъ ихъ особенности (*какъ такое предусловіе*) сужденіе субъекта о себѣ, есть такимъ образомъ всеобщее, необходимое и независящее ни отъ какого *опыта*, ни отъ какого *представленія эмпирическихъ объектовъ* и ни отъ какого индивидуальнаго *чувства* основанія нравственнаго сужденія.

Признаніемъ этого положенія осуждаются всѣ системы нравственности, видящія ея послѣднее, *высшее* основаніе въ какихъ-либо *цѣляхъ*, объективныхъ и субъективныхъ (эвдемонизмъ и утилитаріанизмъ), въ ученіи о *благахъ* (эвкосмія древ-

нихъ и новѣйшее ученіе объ идеяхъ), въ психологическихъ ассоціаціяхъ и *чувствахъ* (преимущественно англійскіе моралисты) и въ *эстетическихъ* (*невольно*, т. е. значитъ безъ особыхъ, *намѣренныхъ* актовъ сужденія, вызывающихъ одобреніе или неодобреніе) представленіяхъ событій и отношеній (отношеній воль у Гербарта) и т. д. Всѣ эти системы, исходя изъ своего, признаннаго за высшее, основанія нравственности, никакъ не могутъ истолковать его какъ такое основаніе, которое придавало бы нравственному закону (критерію нравственнаго сужденія) *внутреннюю* и потому *всеобщую* (независящую отъ индивидуальныхъ эмпирическихъ условій) необходимость, ergo—сознаную *обязательность*, безъ которой, однакоже, нравственный законъ не сознанъ *какъ законъ для меня*, къ самому стоящему подъ нимъ сознательному субъекту имѣетъ внѣшнее, *случайное* отношеніе [1]. Одни изъ этихъ моралистовъ и прямо *отрицаютъ* всеобщее и внутренно (само по себѣ) необходимое основаніе нравственности, признавая послѣднюю, въ концѣ-концовъ, за чисто-*положительное* (только данное) *учрежденіе*,—общества ли, церкви ли (подобно Гоббзу), признавая такимъ образомъ implicite (а иногда даже и explicite) нравственность, отвѣтственность за дѣянія, наказаніе и т. под. за не имѣющія необходимаго основанія въ *самомъ самосознающемъ лицѣ*, какъ такомъ, въ его всеобщихъ опредѣленіяхъ, неизмѣнныхъ при всевозможныхъ эмпирическихъ условіяхъ, такъ что является возможнымъ и предположеніе такого состоянія вещей и людей, въ которомъ вовсе *не было* бы нравственности, нравственнаго сужденія человѣка о себѣ и всего съ нимъ связаннаго (наказанія, раскаянія и т. под.) [2]. Другіе же, чтобъ избѣжать этихъ выводовъ, подрывающихъ нравственность въ ея основаніи, или стараются рекомендовать извѣстныя любимыя нравственныя предписанія, *какъ долженствовавшія бы* (съ ихъ личной точки зрѣнія) заслуживать всеобщее признаніе, показывая связь ихъ съ тѣмъ или другимъ (т. е. опять индивидуальнымъ, не дающимъ всеобщаго критерія) религіознымъ вѣрованіемъ, съ тою или другою заманчивою (но всегда, какъ и всякое *доказанное* положеніе, подлежащею *воспроизведенію* доказательства, то есть подлежащею сомнѣнію) философемою, съ уваженіемъ (чисто-инди-

[1] См. краткій очеркъ исторіи нравственной философіи въ моемъ „Монизмъ или Дуализмъ?“ Яросл. 1873 г.

[2] Для дѣла все равно, представляется ли такое состояніе въ будущемъ или въ прошедшемъ.

видуальнымъ, если оно *не основано* само на сужденіи по *искомому* всеобщему критерію) къ тому или другому авторитету и т. под.; или же прямо *утверждаютъ* всеобщность и необходимость признаннаго ими основанія нравственности,—подобно, напр., Гербарту, отличающему нравственныя сужденія отъ *прочихъ эстетическихъ* тѣмъ, что первыя необходимы сами по себѣ, но нигдѣ не показывающему: почему это они необходимѣе другихъ эстетическихъ сужденій, почему необходимо сужденіе *о волѣ*, и всегда ли и вездѣ ли? Но если нравственное сужденіе дѣйствительно есть только сужденіе *о данныхъ объектахъ* (отношеніяхъ объектовъ), то, во-1-хъ, и нельзя показать его безусловной необходимости для субъекта, ибо дается ему различное и, *для него* (субъекта), случайно, а во-2-хъ, *въ немъ* (сужденіе объ объектахъ) нельзя отыскать понятіе *закона для субъекта*, необходимо сознаннаго субъектомъ, какъ такой. Очевидна необходимость нравственнаго сужденія, только если основанія его не зависятъ отъ *отношенія* субъекта къ чему-либо внѣшнему ему, что можетъ быть и дано и не дано ему,—но *есть даны уже въ самомъ субъектѣ*, въ самой общей формѣ его,—вездѣ и всегда, потому, носятся имъ съ собой, въ какихъ бы отношеніяхъ онъ ни стоялъ. Но такія основанія могутъ быть даны только *въ самосознаніи* (которое дѣлаетъ субъекта—субъектомъ), въ *perceptio*, въ которой мы, изъ анализа понятія цѣли, и нашли эти всеобщія и необходимыя основанія (*каково* ближайшее опредѣленіе ихъ, сейчасъ будетъ видно). Всякое другое доказательство всеобщности и необходимости нравственнаго закона,—а безъ нихъ нѣтъ и его *единства*, которое однако для нравственности существенно,—есть или проповѣдь, или же заключаетъ въ себѣ необходимо petitio principii. Дѣйствительное основаніе этой всеобщности и необходимости—въ самой *формѣ самосознанія*, въ отнесеніи имъ своего содержанія къ себѣ [1].

---

[1] Это отнесеніе самосознаніемъ своего содержанія къ себѣ и есть основаніе того, что законъ самосознающаго существа (въ области сознанія, его актовъ) есть ***сознанный имъ какъ законъ*** для него,—откуда и его ***императивная*** форма въ сознаніи (а внѣ сознанія нравственный законъ не данъ). Понятно отсюда, что вся этика должна выставлять положенія свои въ императивной формѣ, что она должна быть наукой не о томъ, что только ***есть*** для сознанія, а о томъ, что *для* ***сознанія должно быть*** черезъ него; что, говоря словами Канта, человѣкъ (самосознающее существо) отличается отъ всѣхъ существъ, дѣйствующихъ *по закону*, тѣмъ, что онъ дѣйствуетъ по *представленію* закона. Отъ *представленія* закона *для меня* - императивная форма неотдѣлима.

Не нужно заключать изъ сказаннаго, будто мы отрицаемъ *всякое* значеніе у другихъ нравственныхъ принциповъ: уваженія къ авторитету, міроваго порядка (насколько онъ познанъ), блага, пользы, чувствъ нашихъ и даже наслажденія. Всѣ эти начала имѣютъ свое естественное и человѣческое значеніе и законность въ *полной системѣ* законовъ человѣческой дѣятельности; но задача нравственной системы именно въ томъ, чтобы всякому изъ этихъ началъ опредѣлить *мѣсто и задачу въ системѣ другихъ* (это простое обстоятельство упущено, однакоже, изъ вида Д. С. Миллемъ въ началѣ его „утилитаріанизма“); основнымъ же принципомъ системы, какъ мы видѣли, можетъ быть только *неотдѣлимая отъ формы самосознанія, всеобщая необходимость сужденія сознательнаго дѣятеля о себѣ.*

c) Эта самая необходимость сужденія о себѣ *по поводу* ставленія себѣ цѣлей, неотдѣлимая отъ формы самосознанія, *какъ сознанная субъектомъ необходимость для него,* и есть искомый высшій критерій нравственности, всеобщій и необходимый, но *потому именно* и *формальный*, и не могущій быть инымъ. Сознавая необходимость для себя судить о себѣ, человѣкъ сознаетъ для себя необходимость какого-либо критерія этого сужденія, то-есть *какого-либо закона*, и такъ какъ его сужденіе о себѣ для него самого есть *предусловіе* сужденія его о цѣляхъ, и субъективныхъ и объективныхъ, пока онѣ для него суть только цѣли, то-есть *возможныя* не иначе, какъ черезъ *его* дѣятельность,—то этотъ критерій его сужденія о себѣ, этотъ *законъ*, сознанный имъ, какъ такой, и не можетъ быть заимствованъ изъ объективныхъ и субъективныхъ цѣлей: цѣль, сознанная какъ *возможная* (и *realiter* и *idealiter*) только черезъ *мою* дѣятельность, для меня самого никогда не можетъ быть сознана, какъ *законъ*, дать мнѣ законъ: это—тавтологія. Такимъ образомъ законъ, на основаніи котораго человѣкъ произноситъ сужденіе о себѣ, не имѣетъ *содержаніемъ* своихъ какихъ-либо конкретныхъ цѣлей, космическихъ или индивидуальныхъ,—на долю содержанія этого закона остается только сознанная *необходимость закона* въ ставленіи себѣ цѣлей, resp. дѣйствіяхъ и вытекающихъ отсюда отношеніяхъ воль. Искомый критерій, законъ такимъ образомъ оказывается чисто-*формальнымъ*. Формула такого основнаго формальнаго закона воли была высказана Кантомъ, хотя и безъ приведеннаго нами обоснованія его, въ *категорическомъ императивѣ*: дѣйствуй такъ, чтобы правило *твоего* дѣйствія могло *хотѣться* тобой, какъ законъ дѣйствія во-

обще. Этотъ законъ, какъ видно изъ предшествующаго, *основанъ вовсе не* на „законѣ тождества“ (по которому будто бы подъ *одно* правило подводится все однородное—и мое и чужое), какъ первомъ законѣ логическаго мышленія, хотя, конечно, послѣдній присутствуетъ и въ приведенной формулѣ, какъ *долженъ* вообще присутствовать *во всемъ*, что мыслимо; *основаніе* категорическаго императива—въ формѣ самосознанія, насколько ея содержаніе составляютъ понятія цѣли. Если апперцепція, отнесеніе самосознаніемъ своего содержанія къ себѣ есть дѣйствительный фактъ и необходимое условіе всякой дѣятельности сознанія, имѣющей дѣло съ представленіями (и цѣлей и средствъ), и если высшій нравственный законъ *необходимо* слѣдуетъ для него изъ этой всеобщей и необходимой формы сознанія, *по поводу всякого новаго сужденія* о цѣляхъ,—то понятно, что для насъ уже не можетъ представляться неразрѣшимою задачей, какъ *для Канта* (не выведшаго императива изъ самой формы апперцепціи) отвѣтъ на вопросъ: „какой *интересъ* могу я имѣть къ этому закону? *Почему* я долженъ подчиняться этому принципу и именно въ качествѣ *разумнаго* существа *вообще*, а слѣдовательно—и подчинять ему *всѣ* другія, одаренныя разумомъ существа?“ Если сужденіе о цѣляхъ, интересующихъ насъ, немыслимо *внѣ* формы апперцепціи и даннаго уже *съ нею* императива, то немыслимо и отсутствіе *всякаго интереса* къ этому императиву, и указанный вопросъ самъ собой рѣшается.

Изъ того же обоснованія императива, которое мы привели, вытекаетъ и подтвержденіе положенія Канта, возбуждавшее столько недоразумѣній и дешевыхъ критикъ,—мысль, что нравственный законъ есть законъ *всѣхъ возможныхъ разумныхъ* существъ, какъ разумныхъ,—доколѣ, впрочемъ, кто-нибудь не найдетъ возможности *разума безъ формы апперцепціи. Это* основаніе не могло дать не-всеобщаго и не необходимаго закона, ибо есть само личное сознаніе, для котораго только и существуетъ нравственный законъ, но оно не могло дать и закона *не-формальнаго*, такъ что полное непониманіе (и незнаніе [1]) Кантовой задачи обиаруживаютъ тѣ, кто, подобно Бэну, хотятъ *поправить* Кантову формулу, дополнивъ ее разными конкретными *цѣлями*.

[1] Если не намѣреное искаженіе ученія Канта, на которое мы встрѣчаемъ нѣчто очень похожее у Шопенгауэра, когда онъ ссылается на Канта,—безусловно раздѣлявшаго теоретическую философію отъ нравственной, особенно настаивавшаго на безусловной самостоятельности и независимости этики отъ какихъ бы то ни было *знаній объ объектахъ* и

Какъ основанный въ самой формѣ *апперцепціи*, отношенія субъекта *только къ себѣ*,—какъ всеобщій и необходимый, этотъ законъ *не можетъ не быть формальнымъ*. Критики Кантовой нравственной системы почти единогласно (кромѣ Гербарта) *обвиняютъ ее въ формализмѣ*, и, на томъ основаніи, что формальные законы *воли* еще не даютъ *всего*, что должна дать этика, то-есть законовъ конкретнаго *дѣйствія*, отрицаютъ у формальнаго катег. императива *всякое* значеніе, и на мѣсто его, какъ неудовлетворительнаго, ставятъ *высшимъ* принципомъ нравственной системы опять принципы матеріальные (цѣль, благо, добродѣтель и т. п.). Забываютъ они здѣсь прежде всего, что никакой заимствованный изъ области *даннаго* матеріальный принципъ не имѣетъ въ *самосознающемъ*, самоотносящемся субъектѣ необходимаго внутренняго основанія (именно какъ только данный ему),—не можетъ быть *сознаннымъ* необходимымъ для меня закономъ ставленія *себѣ* только возможныхъ (а не данныхъ готовыми) цѣлей; что никакой матеріальный принципъ не можетъ дать единаго, всеобщаго и имѣющаго внутреннюю обязательность закона, сознаваемаго какъ такой. Забываютъ они здѣсь и то, что, отрицая значеніе у категорическаго императива, какъ высшаго закона воли, на томъ основаніи, что онъ чисто-*формаленъ* и не даетъ опредѣленныхъ законовъ *дѣйствія*,—съ тою же логикой они должны бы отрицать и значеніе понятій причины, субстанціальности, модальности и т. п., какъ законовъ познанія, на томъ основаніи, что эти понятія также чисто-формальны и сами-по-себѣ не даютъ опредѣленныхъ познаній о сущемъ! Но невозможно проглядывать разницу *общаго закона* и правилъ *примѣненія закона* къ частному конкретному случаю; послѣднія не могутъ быть выяснены безъ принятія во вниманіе и свойствъ случая въ его конкретности, хотя бы и общихъ свойствъ его (въ дѣлѣ этики эти *конкретныя* начала дѣйствій

объективномъ,—для подкрѣпленія *своего* мнѣнія о теоретической философіи (о сущемъ), какъ основаніи нравственной (о должномъ). Слово „метафизика“ въ Кантовой системѣ, слѣдовательно и въ приводимой здѣсь Шопенгауэромъ цитатѣ изъ Канта,—имѣетъ совершенно иной смыслъ, чѣмъ то же слово у Шопенгауэра; для Канта метафизика вовсе не наука *объ объективномъ*, *о вещи въ себѣ* и т. п., и такую науку Кантъ *отрицалъ*, а не считалъ основаніемъ какой бы то ни было науки: въ своей метафизикѣ Кантъ только развивалъ, выяснялъ формы, основоопредѣленія нашего сознанія, какъ условія и законодателя познанія и дѣйствія. Впрочемъ, различіе своей этики отъ Кантова обоснованія нравственности Шопенгауэръ самъ ясно сознавалъ и высказываетъ.

будутъ: цѣль, благо, наслажденіе и т. п.). Только такимъ путемъ (которому *не* слѣдовалъ, однако, Кантъ) и могутъ быть получены *axiomata media* этики, *законы дѣйствія*, что нисколько не мѣшаетъ формальному категорическому императиву оставаться единственно-возможнымъ, единымъ, всеобщимъ и необходимымъ *принципомъ* этики. И не нужно думать, что этотъ принципъ, какъ чисто-формальный, такъ *бѣденъ и пустъ*, что съ нимъ возможно согласить *всякую* возможную опредѣленную систему конкретныхъ законовъ этики, что онъ, поэтому, ни къ чему опредѣленному не годенъ. И понятіе причины формально; однако же, какъ мы не разъ уже указывали, оно примѣнимо *только* къ объектамъ для другаго, опредѣляемымъ другимъ, и *непримѣнимо* къ тому, чего основная форма есть „бытіе объектомъ себѣ самому“ и черезъ себя.

d) *Сознанная необходимость своего сужденія о себѣ по общему закону*, какъ начало этики, настолько не бѣдна и не пуста, что изъ нея прежде всего слѣдуетъ внутренняя *автономія* нравственнаго существа,—а она весьма богата послѣдствіями. Сознавая необходимость для себя сужденія о себѣ,—я считаю необходимымъ признаніе меня судьей надъ собой. Законъ, по которому я сужусь необходимо для меня самого, *не данъ мнѣ отвнѣ*, а есть *законъ моей собственной совѣсти*, признанный мной за законъ для меня. Въ сферѣ *внутренняго* дѣйствія, намѣреній, умысловъ и т. п. требованіе автономіи, требованіе, чтобы меня осуждалъ мой собственный законъ, по которому я самъ себя осуждаю, безусловно; эта автономія есть только форма необходимости сужденія мной о себѣ, какъ нравственнымъ существомъ. Поэтому и въ той области положительнаго права, гдѣ главное значеніе имѣетъ внутренній актъ (умыселъ, намѣреніе), то-есть въ уголовномъ правѣ, вовсе не безразлично для вмѣненія дѣянія совершившему его, совершилъ ли онъ преступленіе, *сознавая* законъ, который нарушаетъ, или нѣтъ, и для полнаго осужденія его судомъ не безразличенъ вопросъ: осуждаетъ ли онъ самъ себя или нѣтъ? На этомъ основано и различіе дѣйствій: безусловно и условно преступныхъ,—дѣйствій, воспрещаемыхъ только господствующимъ положительнымъ закономъ, или же и воспрещаемыхъ собственною совѣстью. На этомъ основаніи и различная цѣнность, которую мы придаемъ поступкамъ только *легальнымъ* и *моральнымъ*, — отсутствіе наказанія, сопровождающее первые, и положительное одобреніе, связанное со вторыми,—и возможность коллизій легальнаго съ моральнымъ

нымъ [1]. Нравственное значеніе поступка по автономіи, то-есть *нравственнаго* поступка (гдѣ субъектъ судитъ о себѣ) признаютъ и положительныя законодательства и судъ, и почтеннѣйшія теоріи криминалистовъ; въ предшествующемъ указано и *раціональное* основаніе этого признанія въ самомъ происхожденіи закона и сужденія, какъ нравственныхъ и прилагаемыхъ къ нравственнымъ существамъ. Въ этомъ же основаніи нравственнаго закона и отвѣтъ на прежде приведенныя нами сомнѣнія: какъ возможно судить объ *индивидуумѣ* по *общимъ* нормамъ?—на вопросъ объ отношеніи права къ морали, свободѣ совѣсти и т. п. Но основаніе это дано только съ *сознаніемъ цѣли, какъ такой, то-есть съ самосознаніемъ.*

е) Изъ этого значенія, которое выведенный нами нравственный законъ автономіи имѣетъ для того *сознанія*, которому онъ данъ, какъ законъ *для него*, явствуетъ и та *опредѣляющая* сила, которую этотъ законъ можетъ имѣть для этого сознанія, а слѣдовательно и родъ участія этого закона въ сложеніи *рѣшеній* сознанія, рѣшеній воли,—такъ же какъ получаетъ раціональное основаніе идея *долга*. Необходимость сужденія о себѣ, а слѣдовательно и высшаго нравственнаго закона сознается субъектомъ, какъ необходимость *для* дѣйствительнаго обсужденія *цѣлей*, для ставленія себѣ дѣйствительной *цѣли* дѣйствія (это *идеальная* необходимость); этой необходимости сужденія о себѣ для самаго сознанія, признающаго ее своимъ *закономъ*, *нѣтъ помимо* об-

---

[1] Моральныя обязанности принято называть Liebespflichten въ противоположность правовымъ—Rechtspflichten. Намъ такое наименованіе ихъ кажется и недостаточно-опредѣленнымъ и невѣрнымъ. *Основное* различіе обязанностей права и морали—гетерономія и автономія, а не эгоизмъ и любовь. Подъ понятіе гетерономіи подходитъ не только принужденіе *даннымъ* (а не постановленнымъ мной) мнѣ закономъ, но и влеченіе *даннаго* мнѣ (то-есть непосредственнаго) чувства, будь то любовь или эгоизмъ, съ другой же стороны и *непосредственное* чувство любви, какъ и всякое непосредственное чувство—эгоистично, само-по себѣ есть только проявленіе самосохраненія. Становится не-эгоистичнымъ чувство—только переставая быть непосредственнымъ, то-есть черезъ посредство *разума* съ его *всеобщими* нормами, съ его *объективностью* и т. п. Наконецъ, такъ какъ *автономія* принадлежитъ только разуму (какъ и идея долга и идея свободы), мораль же противополагается праву какъ автономія—гетерономіи, то и нравственныя обязанности скорѣе слѣдовало бы назвать обязанностями разума (не разсудка), передъ разумомъ—Vernunftpflichen. Эти обязанности могутъ придавать и простой легальности моральный характеръ: между римскимъ jus civile pro vigilantibus scriptum est—и мыслями романиста—Іеринга (въ его Kampf um's Recht)—большое разстояніе.

сужденія и ставленія имъ себѣ цѣли. Такъ какъ теперь самыя цѣли, сознанныя какъ такія, т. е. какъ только возможныя черезъ его дѣятельность, не даны сознанію, подобно прочимъ объектамъ природы, какъ *опредѣлившія* уже его помимо его *признанія*; такъ какъ, согласно предшествующему, *представленія цѣли, сами по себѣ* не опредѣляютъ имѣющее ихъ сознаніе съ *необходимостью* (не необходимы ни idealiter, ни realiter), то не могутъ они *сами отъ себя* придавать это необходимо-опредѣляющее сознаніе значеніе и тому закону, который для самого сознанія есть *предусловіе, законъ* въ ставленіи имъ цѣлей, слѣдовательно не есть законъ *помимо* обсужденія сознаніемъ себя, какъ ставящаго себѣ цѣли. Если, такимъ образомъ, цѣль есть для сознанія только возможное для него черезъ его дѣятельность, то только, какъ *необходимый* для него черезъ его *возможную* дѣятельность, т. е. какъ только *возможный* для него realiter будетъ признаваться сознаніемъ и требуемый *только* ставленіемъ цѣлей законъ автономіи. Если цѣль, именно *вслѣдствіе того*, что сознается, какъ только возможная, не опредѣляетъ сознанія съ независящею отъ него необходимостью, но для такого опредѣленія требуется еще особый актъ *признанія* ея сознаніемъ,—то и законъ, сознаваемый мной, какъ только возможный realiter черезъ меня,—моего сознанія *самъ по себѣ* (однимъ тѣмъ, что мнѣ дано представленіе его) не опредѣлитъ съ необходимостью, но для такого опредѣленія требуется всякій разъ опять *особый актъ* признанія его сознаніемъ за законъ, которымъ оно опредѣляется въ данномъ случаѣ. Вслѣдствіе особенности обоснованія своего категорическаго императива,—необходимость котораго *не была* выведена Кантомъ изъ анализа общей формы сознательной (цѣлесообразной) дѣятельности,—и является категорическій императивъ у Канта не *предусловіемъ* обсужденія (resp. ставленія) цѣлей, но самобытно опредѣляющимъ *разумъ, независимо* отъ какого бы то ни было ставленія цѣлей [1], интересовъ, мотивовъ

[1] Кантъ дѣлаетъ здѣсь заключеніе для *цѣли*, которая имѣетъ для разума *безусловную цѣну*, дана *однимъ* разумомъ и дана ему, какъ *объективная*, какъ такая, которую не *я* самъ дѣлаю своею цѣлью; такая *самоцѣль* и могла бы, по Канту, быть основаніемъ *категорическаго* императива. Но дѣло въ томъ, что представленіе объективной цѣли *моего* дѣйствія - независимо отъ ея причиненія *мною*, какъ объективнаго (не мною поставленнаго) закона *для меня*, противорѣчитъ вообще понятію цѣли. Кантъ считаетъ за данную намъ, какъ безусловную цѣль, самоцѣль – человѣка. Мы можемъ и должны признавать человѣка за *самоцѣль*, но именно въ силу того, что онъ—нравственное существо, *автономиченъ*, а потому для насъ

и т. п. Вслѣдствіе этого обстоятельства,—раздѣленія и противоположенія области *закона* съ одной стороны, и *цѣлей*, *интересовъ* и т. п., съ другой—являются у него безусловно-раздѣленными и даже и враждебными области *разума*, которому принадлежитъ единственно нравственное достоинство, и *чувственности* (желательной способности), сама по себѣ не имѣющей этого достоинства. Отсюда стало возможно и признаніе Кантомъ за истинно-нравственныя только такихъ дѣйствій, которыя совершались *безъ всякаго* интереса, цѣли и т. п.—ради *одного* безпримѣснаго уваженія къ закону,—дѣйствій, возможность которыхъ для самого Канта составляла нѣчто непонятное и совершенно основательно отвергается Шопенгауэромъ, ибо *дѣйствіе* безъ интересующаго *волю* какого бы то ни было *побужденія* къ дѣйствію немыслимо. Отсюда же происходитъ и также основательно отвергаемый Шопенгауэромъ взглядъ Канта на дѣйствіе, какъ результатъ взаимодѣйствія относительно самостоятельныхъ силъ разума и чувственности, всякая изъ которыхъ *опредѣлена* уже *сама по себѣ*. Понятно при этомъ, что и разумъ и желательная способность должны были представляться Канту опредѣленными уже сами по себѣ *съ необходимостью*, что никакого *самоопредѣленія* въ области ихъ взаимодѣйствія (слѣдовательно въ являющихся конкретныхъ дѣйствіяхъ) Кантъ допустить не могъ. При нашемъ же обоснованіи категорическаго императива, какъ *предусловія* обсужденія цѣлей, необходимость котораго лежитъ въ *апперцептивномъ* (самоотносящемся) характерѣ *сознательныхъ* дѣятельностей вообще,—устраняются указанные выводы Канта, изъ которыхъ послѣдній (отрицаніе самоопредѣленія въ явленіи) спеціально враждебенъ нашей задачѣ,—а первые послужили поводомъ къ серьезной критикѣ *всей* Кантовой этики,—критикѣ, въ которой пальму первенства должно отдать Шопенгауэру. Но устраняя эти несостоятельные выводы Канта, обусловленные *недостаточностью* (а не положительною ложностью) его обоснованія этики,—нашъ выводъ подтверждаетъ главнѣйшія, составлявшія *основную* задачу Канта положенія его,—*показываетъ априорный, всеобщій и необходимый, непатологическій элементъ въ дѣйствіяхъ* человѣческихъ,—необходимое a priori основаніе нравственнаго законодательства, независящее ни отъ какихъ эмпири-

---

самоцѣль, т. е.—*исходя изъ нравственнаго* закона. Но тогда, во-1-хъ, *эта* цѣль сознанію не *дана*, какъ безусловная цѣль; во-2-хъ, не *ей* (а закону автономіи) принадлежитъ безусловная цѣнность, и въ-3-хъ, она не *основаніе* категорическаго императива.

ческихъ условій, субъективныхъ и объективныхъ, — основаніе долга, автономіи и т. п., — и нисколько не связанъ съ средневѣковымъ раздѣленіемъ человѣка на *два* вѣчно враждующія существа (разумное *и* чувственное), непроизвольный отголосокъ котораго Шопенгауэръ видитъ въ Кантовыхъ понятіяхъ объ отношеніи носителя закона, практическаго разума, къ области мотивовъ, интересовъ etc.

Въ то же время, повторяемъ, сохранена возможность самоопредѣленія и *къ цѣлямъ и къ закону*. Законъ, сознаваемый мной какъ законъ, и въ то же время сознаваемый, какъ законъ, *возможный* только черезъ мою *возможную* же дѣятельность, черезъ мое *возможное* сужденіе о себѣ, есть, съ одной стороны, такой законъ, который сознанію данъ съ опредѣленіемъ *долга*, т. е. такого закона, который *долженъ бы* быть осуществленъ мной (необходимъ идеально), но *можетъ быть и не* осуществленъ (не необходимъ реально). И въ этомъ понятіи долга нѣтъ никакого petitio principii, также мало, какъ и въ формѣ *самосознанія*, apperceptio вообще, которое есть и фактъ *личнаго опыта всякаго* и необходимое предусловіе всѣхъ сознательныхъ операцій и непосредственно дано намъ въ понятіи цѣли, отрицать которое (съ тѣми моментами, которые выше выяснены) нельзя, не отрицая вообще всей категоріи намѣренныхъ, умышленно-планомѣрныхъ (не вторично-автоматичныхъ) дѣйствій. Отрицать же категорію этихъ дѣйствій нельзя, нельзя ихъ сводить на дѣйствія вторично-автоматичныя, т. е. *несознательно-планомѣрныя*, — ибо цѣлесообразныя дѣйствія становятся вторично-автоматичными, безсознательно-цѣлесообразными только путемъ частаго *сознательнаго* повторенія извѣстныхъ актовъ. Безсознательная планомѣрность вторично-автоматичныхъ дѣйствій *предполагаетъ* соотвѣтствующую, предшествующую *сознательную* планомѣрность.

Отрицать значеніе нашихъ выводовъ въ области цѣлесообразныхъ дѣйствій возможно, поэтому, только сводя всѣ наши дѣйствія, *какъ бы ни была сложна ихъ цѣлесообразность*, на первично-автоматичныя, т. е. объясняя ихъ всецѣло *изъ прирожденнаго* въ организаціи нашей и не придавая, слѣдовательно, никакого значенія въ психическомъ развитіи ни опыту, ни воспитанію (въ самомъ широкомъ смыслѣ). Съ другой стороны мы получили въ результатѣ нашего анализа, что *ни цѣли*, сознанныя, какъ такія, *ни законъ*, сознанный, какъ такой, не имѣютъ собственной, готовой, помимо особыхъ актовъ сознанія, опредѣляющей сознаніе *силы*, что сознаніе ни этими цѣлями, ни этимъ закономъ не опредѣлено *съ необходимостью*.

X.

Значеніе въ вопросѣ о свободѣ воли стремленія къ самосохраненію и психическаго настроенія.—Вопросъ о свободѣ воли въ сущности сводится къ вопросу о свободѣ мышленія.—Возможность, необходимость и дѣйствительность свободы.—Свобода и причинность.

Мы разсмотрѣли всѣ психическіе факторы, участвующіе въ сложеніи рѣшеній воли: характеръ, чувство, мотивъ, цѣль и законъ, сознанный, какъ такой. Мы признали, съ одной стороны, немыслимость безсознательной воли, какъ *особаго* психическаго начала дѣятельности, — признали, что воля всегда и всецѣло опредѣлена или *содержащимся* въ сознаніи, или же *отношеніемъ* этого даннаго въ сознаніи къ безсознательному, къ особенностямъ организаціи, несводимымъ на какую бы то ни было *волю*, — что нѣтъ факторовъ рѣшеній воли, кромѣ сознанія и физической организаціи. Съ другой стороны, мы показали, что никакое взаимодѣйствіе сознательнаго элемента воли (представленій) и безсознательнаго (органическаго) невозможно, если *посредствомъ* этого взаимодѣйствія не служитъ *сознанное* чувство, дающее сознанію знать и о безсознательномъ характерѣ, о вѣроятномъ родѣ реакціи безсознательнаго элемента на сознательный *до* ея совершенія. Наконецъ, мы доказали невозможность отрицанія категоріи сознательно намѣренныхъ дѣйствій, необходимыми факторами которыхъ являются *цѣль и законъ*. Въ этомъ анализѣ даны были уже всѣ указанія для рѣшенія вопроса о взаимномъ *отношеніи* всѣхъ этихъ факторовъ воли,—о *родѣ и степени* участія ихъ въ сложеніи того окончательнаго рѣшенія воли, о свободѣ или несвободѣ котораго идетъ рѣчь. Оказалось, что если бы мотивы, чувства, характеръ и были чисто *причинными* дѣятелями, данными съ готовою опредѣленностью, какъ силы объективной природы, — если бы результатъ *ихъ* борьбы и былъ чисто-механическій, не могъ бы модифицироваться вмѣшательствомъ *въ нее сознанія* (которому и въ которомъ, однако же, даны и мотивы, и чувства, и—черезъ послѣднія — характеръ), — то все-таки результатъ этой борьбы переходитъ въ окончательное хотѣніе и дѣйствіе *не непосредственно*, не такъ, какъ онъ *данъ сознанію тою механическою борьбой*, а только въ формѣ *цѣли*, сознанной какъ такая (если дѣйствіе не вторично-автоматично и не рефлекторно); что,

поэтому, результатъ этотъ только въ томъ случаѣ опредѣлялъ бы сознаніе съ *необходимостью*, если бы опредѣляла его съ необходимостью *цѣль*, сознанная имъ, какъ такая. Но цѣль, какъ видно, не опредѣляетъ сознанія *сама по себѣ* съ необходимостью, но требуетъ *признанія* своего сознаніемъ, сужденія о себѣ; основаніе же этого признанія ея (придачи ей актомъ сознанія опредѣляющаго для сознанія значенія), *законъ* сознанія, опять *самъ по себѣ*, съ собственною необходимостью, сознанія не опредѣляетъ, но самъ опять требуетъ акта *признанія* его сознаніемъ за опредѣляющее въ данномъ случаѣ основаніе, и становится таковымъ только въ силу этого признанія. Признаніе и тамъ и здѣсь есть дѣло *особаго* акта сознанія,—акта, который, такъ какъ онъ есть *актъ сужденія* сознанія, есть актъ сознательный и, такъ какъ онъ актъ сужденія сознанія *по поводу ставленія цѣли*,—самъ есть актъ для извѣстной *цѣли*, для сужденія о цѣли. Но если и признаніе цѣли, какъ такой, и закона, какъ такого, суть опять дѣло *намѣренныхъ сознательныхъ* актовъ, а цѣли и законы, которыми опредѣляется сознаніе во всѣхъ такихъ актахъ *вообще*, — не опредѣляютъ сознаніе съ необходимостью, *сами по себѣ*, какъ новаго акта его, то и эти акты признанія *цѣли за цѣль* и *закона за законъ* не опредѣлены для сознанія съ необходимостью никакою законною цѣлью и никакимъ даннымъ закономъ,—ни представленіе цѣли, ни представленіе закона не производятъ, какъ причина, рѣшенія сознанія, какъ слѣдствія. Такимъ образомъ сознаніе, насколько *въ немъ* совершается постановленіе рѣшеній воли, является *не опредѣленнымъ съ необходимостью* ни однимъ изъ разсмотрѣнныхъ факторовъ, какъ даннымъ; его опредѣленность *такимъ образомъ не есть дѣло* ни одного изъ этихъ факторовъ, насколько они ему только *даны*, и опредѣлять его всѣ они могутъ только если *оно* къ нимъ нѣчто отъ себя прибавитъ, *признаетъ* само опредѣленность себя ими. Это *признаніе* можетъ быть, поэтому, *несвободно*, необходимо только если оно есть дѣйствіе *не сознанія*, дѣйствующаго опять ради цѣлей и по сознанному закону воли,—а или безсознательныхъ *причинъ* органическихъ и психологическихъ,—или такихъ *цѣлей*, которыя *не сознаются какъ цѣли*, и образъ дѣйствія которыхъ, поэтому, подобенъ необходимому причиненію (цѣлей такъ-называемыхъ имманентныхъ, причиняющихъ себя безъ посредства сознанія). Какъ такую возможную причину рѣшающихъ актовъ сознанія, намъ остается разсмотрѣть здѣсь еще: 1) имманентную цѣль *самосохраненія* и 2) *психическое настроеніе*.

1) Что касается прежде всего до цѣли самосохраненія, самоутвержденія, которая есть дѣйствительно *имманентная* цѣль всякаго живого существа, и причина его *дѣятельности* вообще (хотя бы дѣятельность эта и имѣла своимъ физическимъ условіемъ извѣстную капитализацію питанія и слѣдовательно накопившуюся скрытую энергію, требующую себѣ исхода, какъ думаетъ Бэнъ),—то прежде всего видно, что эта имманентная цѣль есть чисто *формальная*, *всеобщая* и *неопредѣленная*. Въ самосохраненіи, какъ такомъ, еще нисколько не *предрѣшено для сознанія* опредѣленное содержаніе хотѣній и актовъ, которыми оно должно быть осуществленно. Въ дѣйствіяхъ безсознательныхъ, или хотя сопровождающихся сознаніемъ, но рефлекторныхъ, опредѣленность ихъ, черезъ которую такъ или иначе осуществляется цѣль самосохраненія, самоутвержденія, зависитъ отъ тѣхъ прирожденныхъ связей разныхъ частей организма, вслѣдствіе которыхъ эти части дѣйствуютъ не отдѣльно, самостоятельно, а *группами*, эти связи даны уже въ анатомическомъ строеніи организма и въ данномъ индивидѣ унаслѣдованы отъ его предковъ, въ теченіе длиннаго ряда поколѣній, выработавшихъ *эти именно* группы совокупно дѣйствующихъ органовъ, путемъ процесса *приспособленія* [1]. Но дѣло совершенно измѣняется въ болѣе сложныхъ, сознательно-намѣренныхъ дѣйстві-

[1] И на такія прирожденныя, унаслѣдованныя свойства физической организаціи (въ которой уже даны готовыя связи извѣстныхъ чувствительныхъ нервовъ между собою и съ извѣстными двигательными, также какъ и послѣднихъ между собою, готовые аппараты сложныхъ рефлексовъ) многіе физіологи сводятъ *инстинкты* животныхъ, объясняя такимъ образомъ инстинктивныя дѣйствія ихъ, часто поражающія зрителя своею *видимою* цѣлесообразностью, намѣренностью. Но человѣкъ рождается болѣе бѣднымъ инстинктами, чѣмъ любое животное, и даже *теряетъ, по мѣрѣ* высшаго развитія, и тѣ немногіе инстинкты, которые получилъ первоначально въ даръ отъ природы. Соотвѣтственно этому дано ему при рожденіи и меньшее число готовыхъ аппаратовъ для сложныхъ рефлексовъ, сочетанныхъ движеній. Все это онъ долженъ еще создать себѣ, въ отличіе отъ животнаго, собственными усиліями,—*сознательными въ болѣе сложныхъ случаяхъ*; а нужды человѣка безконечно сложнѣе нуждъ животнаго вслѣдствіе сравнительной физической безпомощности перваго при рожденіи, о которой можно съ большою вѣроятностью сказать, что она, по мѣрѣ развитія человѣчества, *увеличивается*. Отсюда—отличающее человѣка отъ животнаго, существенно *необходимое* для перваго—развитіе. Отсюда объ одномъ человѣкѣ можно сказать, и *необходимо* нужно сказать съ Гёте:

Nur der verdient sich Freiheit wie das Leben
Der täglich sie erwerben muss

яхъ (будь они даже вторично-автоматичны, ибо послѣднія предполагаютъ первыя). Тамъ, гдѣ *дѣйствіе не совершается безъ сознанія*, тамъ *опредѣленность* направляющаго его хотѣнія (*осуществляющагося* въ предѣлахъ физически-возможнаго), между прочимъ, по крайней мѣрѣ, зависитъ и отъ сознанія (ставящаго цѣль, опредѣляющаго для субъекта направленіе къ представляемому объекту и т. под.); *истолкователемъ* той имманентной, всеобщей и неопредѣленной цѣли самосохраненія является именно *сознаніе*,—*имъ* опредѣляется та или иная форма хотѣнія самосохраненія. Поэтому и имманентная цѣль самосохраненія, проявляющагося будто-бы необходимо въ опредѣленныхъ *хотѣніяхъ сознанія*, только тогда дѣйствительно необходимо опредѣляло бы сознаніе къ тому, а не другому хотѣнію, если бы какіе-либо *другіе* факторы сознательнаго рѣшенія опредѣляли сознаніе съ необходимостью, *какъ объективныя причины*; мы же, пока, такихъ факторовъ, причиняющихъ рѣшеніе сознанія еще не нашли. Насколько мало предрѣшено для сознанія опредѣленное хотѣніе, соотвѣтствующее имманентной цѣли самосохраненія, въ послѣдней—видно на примѣрѣ *самоубійства*; уничтожая себя, самоубійца, однако, совершаетъ актъ самоутвержденія, утвержденія *своей* воли quand-même, по преимуществу [1]. Остается

[1] Цѣль самосохраненія *для сознанія* есть самая абстрактная, общая, менѣе всего опредѣленная; детерспинацію, опредѣленность конкретнаго хотѣнія можетъ придать ей только сознаніе *своими актами*. Весьма большое,—хотя и очень распространенное недоразумѣніе думать, что вообще *абстрактные* элементы сознанія (общія понятія) какъ-то *сами собой*, безъ сознательныхъ, иногда и очень сложныхъ актовъ (субсумціи, детерминаціи) сливаются съ конкретными его элементами (единичными представленіями). Если бы было такъ, то и наука была бы самое простое въ мірѣ дѣло, и всякій безъ труда былъ бы прирожденнымъ ученымъ; разница была бы только въ *количествѣ* опытовъ, единичныхъ представленій и, слѣдовательно, знаній. Къ сожалѣнію, дѣло далеко не такъ легко; ни одно понятіе, напримѣръ, само-по-себѣ не есть *основаніе* другого даннаго сознанію понятія: основанія мышленію не даны, какъ такія, готовыми, а *составляются* мышленіемъ и только тогда становятся основаніями. А между тѣмъ указанное недоразумѣніе принимается чуть не за аксіому,—особенно матеріалистами (напримѣръ, *Маудсли*). Представленія сознанія, при всевозможныхъ сознательныхъ комбинаціяхъ ихъ, не перемѣшиваются и не сливаются въ нѣчто среднее,—не *исчезаютъ* въ результатѣ своей комбинаціи, подобно слагающимся механически силамъ, и только вслѣдствіе этого и возможны наука, отчетное мышленіе и т. п. „Намъ извѣстно, что нѣтъ такой наклонности въ сознательномъ ходѣ представленій, такъ какъ въ немъ остаются сохранными всѣ *разнообразныя* впечатлѣнія, да не можетъ быть ея и въ тѣхъ безсознательныхъ состояніяхъ,

такимъ образомъ, какъ возможная *причина*, необходимо опредѣляющая рѣшенія сознанія, признаніе или непризнаніе имъ цѣлей или закона, изо всѣхъ факторовъ, могущихъ участвовать въ сложеніи этихъ рѣшеній—одно *настроеніе* [1].

2) Психическое настроеніе есть дѣйствительно такой факторъ который играетъ весьма немаловажную роль въ человѣческихъ дѣяніяхъ и даже мысляхъ. Есть много людей, вся жизнь которыхъ, всѣ дѣйствія и даже мысли, суть только дѣло *настроеній*, дающихъ непроизвольно и незамѣтно ту или иную окраску, ту или иную *силу* и значеніе для сознанія его мотивамъ и чувствамъ. Но отсюда еще очень далеко до признанія, что настроеніе *вообще*, само-по-себѣ, *вездѣ* и *всегда* есть опредѣленная и *потому* опредѣляющая *причина* рѣшеній сознанія, какъ необходимыхъ слѣдствій взаимодѣйствія его и прочихъ факторовъ хотѣнія [2]. Въ жизни человѣка нѣтъ ни одного момента сознательности, когда онъ былъ бы *безъ всякаго* настроенія; но человѣкъ между прочими актами совершаетъ и акты *мысли*, акты критики своихъ понятій, ихъ цѣлесообразной комбинаціи и т. п.; условіемъ *этихъ* актовъ признается такъ-называемое *спо-*

въ которыя переходятъ исчезающія представленія, такъ какъ изъ сплошной глубины забвенія они возникаютъ опять съ тѣми же яркими противоположностями, какими обладали въ прежнемъ сознаніи (*Лотце* Микрокосмъ., пер. Корша, т. I., стр. 246).

[1] Если бы имманентная цѣль самосохраненія *сама собою* опредѣляла и отдѣльныя сознаваемыя *цѣли* нашихъ актовъ, то ею же, а не нашимъ сознаніемъ, опредѣлены были бы и всѣ *средства* осуществленія этихъ цѣлей (ибо средства суть второстепенныя цѣли, слѣдующія синтетически изъ главной). Если при этомъ самосохраненіе—цѣль природы, то послѣдняя представила бы и цѣли и средства нашихъ дѣйствій инстинкту, а не способному заблуждаться разуму.

[2] Психическое настроеніе есть вообще результатъ нѣсколькихъ (многихъ) аффекцій души, *которыя сознаніемъ не различены въ своей отдѣльности*, почему „настроеніе“ и опредѣлено для сознанія только въ *общемъ тонѣ* своемъ. Самый тонъ этотъ тѣмъ опредѣленнѣе, тѣмъ сильнѣе, чѣмъ рѣшительнѣйшій перевѣсъ надъ всѣми, произведшими во взаимодѣйствіи настроеніе аффекціями, имѣла въ данномъ случаѣ одна или нѣсколько однородныхъ. Подавляя противодѣйствіе другихъ и затемняя его, эти сильнѣйшія аффекціи даютъ и болѣе *опредѣленный* тонъ сознаваемому настроенію, и большую *силу* ему: *чѣмъ настроеніе въ тонѣ болѣе опредѣлено для сознанія, тѣмъ съ меньшею суммой содержащихся въ сознаніи чувствъ, а черезъ нихъ и соотвѣтствующихъ представленій, понятій и т. п. оно можетъ слиться, исключая несоотвѣтствующія ему* (иногда до *одного* представленія),—*слѣдовательно, тѣмъ оно сильнѣе вліяетъ на опредѣленное содержаніе сознанія* (это, а не другое), постепенно съуживая его.

койное настроеніе, т. е. такое, которое не придавало бы *одному* опредѣленному представленію (черезъ посредство соотвѣтствующаго послѣднему *чувства*) силу, *подавляющую* всѣ другія представленія (не дѣлало бы первое такъ-называемымъ навязнымъ представленіемъ) и тѣмъ уничтожающую самую возможность критики и т. п. Это *спокойное* настроеніе, составляющее необходимое условіе *дѣйствительнаго факта* мышленія, именно *потому не опредѣляетъ* такого или иного исключительнаго содержанія сознанія съ необходимостью,— что оно само есть самое *неопредѣленное* для сознанія въ тонѣ настроеніе, не замѣчается само-по-себѣ сознаніемъ (подобно тому, какъ не замѣчается нами само-по-себѣ физическое здоровье); оно *не есть* для сознанія, почему и не вліяетъ *опредѣленно* детерминирующимъ образомъ на его опредѣленныя мысли и акты критики, сужденія (не сливается непремѣнно только съ *этимъ*, а не другимъ чувствомъ или понятіемъ, придавая однимъ изъ нихъ *большую* силу, чѣмъ другимъ. Акты, совершаемые сознаніемъ подъ условіемъ этого, такъ-называемаго спокойнаго, незамѣтнаго ему, неопредѣленнаго для него и потому не опредѣляющаго его настроенія, такимъ образомъ своей *небходимой опрдѣленности* (хотя бы, напримѣръ, исключительнаго направленія *вниманія* на опредѣленный объектъ) заимствовать отъ этого настроенія не могутъ, а такъ какъ они, поскольку они акты цѣлесообразные, сознательно-планомѣрные (отрицать же сознательную планомѣрность въ актахъ мышленія, въ изслѣдованіи, доказательствѣ, критикѣ—*нельзя* серьезно) не стоятъ подъ *необходимымъ опредѣленіемъ* какого-либо изъ другихъ, разсмотрѣнныхъ нами факторовъ сознательныхъ актовъ, то значитъ они не *опредѣлены съ необходимостью ни однимъ*, какъ даннымъ съ готовою, помимо самостоятельнаго акта сознанія, опредѣляющею силой.

Такимъ образомъ предшествующій анализъ факторовъ сознательнаго дѣянія доказываетъ, по крайней мѣрѣ, отсутствіе необходимой опредѣленности сознанія какими-либо, данными помимо его признанія, причинами, въ области *его актовъ критическаго мышленія*. Но, если нѣтъ необходимой, причинной опредѣленности актовъ сознанія (не матерьяловъ и объектовъ этихъ актовъ) въ *этой сферѣ*, то значитъ *нѣтъ ея и вообще тамъ гдѣ участвуетъ, какъ рѣшающее, критическое мышленіе*,—слѣдовательно, и въ сферѣ сложившихся подъ его вліяніемъ рѣшеній воли; ибо оказывается для сознанія возможность актомъ *свободнаго* мышленія (не исключительно направленнаго настроені-

емъ къ одному или немногимъ представленіямъ) вызвать извѣстное представленіе, связанное съ опредѣленнымъ чувствомъ, и *произвести* такимъ образомъ *своимъ* актомъ (не опредѣленнымъ ничѣмъ, *даннымъ* ему съ необходимостью причинно) въ душѣ такое или иное опредѣленное уже *настроеніе*, опредѣляющее вліяніе котораго на дальнѣйшую борьбу мотивовъ, ставленіе цѣлей, признаніе или непризнаніе закона, и слѣдовательно, опредѣленное рѣшеніе сознанія—уже будетъ *дѣло не даннаго независимо отъ меня настроенія*, а собственнаго, ничѣмъ необходимо причинно не опредѣленнаго, акта моего сознанія. Условіемъ этого сведенія рѣшеній воли на *собственный актъ* сознанія, дѣлающій цѣль—цѣлью, законъ—закономъ, мотивъ—мотивомъ и настроеніе—дѣятельнымъ настроеніемъ, является такимъ образомъ *присутствіе въ актѣ постановленія рѣшенія критическаго, сознательно-планомѣрнаго мышленія.* Условіе это признается и законами и судомъ, и имѣются критеріи распознаваемости его присутствія или отсутствія въ данномъ случаѣ. Такимъ образомъ вопросъ о свободѣ рѣшеній воли сводится на вопросъ о *свободѣ мышленія*,—что очень хорошо сознаютъ спорящія стороны, почему и стараются главнымъ образомъ доказать или отвергнуть *эту* свободу, будь они идеалисты или матеріалисты.

Изъ предшествующаго видно, что *если* акты мышленія суть акты въ виду *цѣли*, сознательно-планомѣрны, то, *какъ такіе* (какъ *акты* именно), они не опредѣлены условіями акта сознанія вообще *съ необходимостью*, то-есть свободны; поэтому намъ остается доказать только, что акты мышленія *суть*, дѣйствительно, сознательно-планомѣрные *акты* сознанія.

Шопенгауэръ отрицаетъ самый вопросъ о *свободѣ мышленія* на томъ основаніи, что оно связано и своими объектами и логическими законами. Однако, онъ забываетъ при этомъ, что вопросъ идетъ вовсе не о свободѣ *данныхъ матеріаловъ и орудій* мышленія (о которой никто и не говоритъ), а о свободѣ сознанія *въ актахъ* мышленія, въ признаніи и оставленіи имъ *цѣлей этихъ актовъ* и т. под. [1]. Забыть, что мышленіе (логи-

[1] Матеріалисты и гербартіанцы очень много говорятъ, когда отрицаютъ или ограничиваютъ „свободу мышленія“, о связывающихъ, опредѣляющихъ такъ, а не иначе *направленіе мысли*, *рядахъ* связанныхъ между собою и вызывающихъ одно другое съ *необходимостью* представленій,—рядахъ, образующихся съ развитіемъ, путемъ повторенія однородныхъ ассоціацій. Вообще весьма склонны придавать этимъ рядамъ какое-то ро-

ческое) есть *актъ*—простительно матеріализму, считающему вообще сознаніе *за явленіе* (для кого?), за состояніе *иного* и т. п., но по меньшей мѣрѣ странно у философа, называющаго себя идеалистомъ.

Вслѣдствіе того, что личное сознаніе необходимо *относится* къ своей цѣли, какъ цѣли, и къ закону, сознанному, какъ законъ, какъ къ только возможнымъ для себя,—ни сознанная цѣль, ни сознанный законъ на результаты событій, *совершающихся въ этомъ личномъ сознаніи*, не имѣютъ непосредственнаго, собственнаго, необходимо опредѣляющаго вліянія. Актъ самосознанія ими какъ данными, самими по себѣ, *не опредѣленъ*, и сознанію предстоитъ, такимъ образомъ, возможность уходить отъ всякой опредѣленности данною цѣлью и даннымъ закономъ,—возможность *не опредѣляться* ими. А такъ какъ всѣ прочіе факторы воли въ сознательно-намѣренномъ дѣйствіи этими факторами для самосознанія являются *не непосредственно* (самосознаніе же предполагается во всякомъ сознательно-на-

---

ковое значеніе. При этомъ упускаютъ изъ виду, что такъ какъ всякое изъ представленій, составляющихъ звено такого ряда, бывало связано со *многими* (а не съ однимъ слѣдующимъ за нимъ въ томъ же ряду) представленіями, состоитъ въ отношеніяхъ со многими, послѣднія же также звенья не одного ряда, а многихъ,—то всякое изъ представленій одного ряда *можетъ* и остаться звеномъ этого ряда, и стать началомъ цѣлей массы *другихъ* рядовъ. *Какое* будетъ послѣдующее за нимъ звено, какого ряда?—это въ представленіи *самомъ по-себѣ* не предрѣшено, но зависитъ отъ того, съ какой точки зрѣнія, *для чего* мы теперь на него направили наше вниманіе. Это господство *цѣлей* мышленія надъ звеньями своихъ рядовъ представленій характеризуетъ *логическое*, отчетное мышленіе и составляетъ принадлежность *болѣе* развитыхъ умственно людей, между тѣмъ какъ по теоріи, видящей въ *роковыхъ* рядахъ представленій результатъ долгаго психическаго развитія, слѣдовало бы, что, чѣмъ человѣкъ болѣе мыслилъ, тѣмъ въ большей степени онъ рабъ существующихъ ассоціацій. *Связывающее* мысль значеніе ассоціаціи и ряды представленій имѣютъ только для мысли неразвитой, для развитой же—они играютъ роль *облегчающаго* ея дѣло средства, ибо черезъ нихъ возможно сбереженіе времени, пропускъ, напримѣръ, многихъ промежуточныхъ звеньевъ въ привычномъ разсужденіи и переходъ прямо къ заключенію. Но и это *практическое* удобство—для логики, для отчетной, считающей свои шаги мысли, какъ научной, не имѣетъ никакого значенія; научная строгость именно состоитъ въ томъ, что мысль разбираетъ всѣ звенья данной ассоціаціи, ряда, и даетъ себѣ отчетъ въ переходѣ отъ одного къ другому, въ порядкѣ ихъ. И этотъ порядокъ, какъ было сказано, таковъ или инаковъ—смотря по *цѣли* мысли въ данномъ случаѣ, отнимающей такимъ образомъ и въ этой области роковой, необходимо—опредѣляющій характеръ у данныхъ сознанію продуктовъ *психической* жизни.

мѣренномъ дѣйствіи, ибо безъ него невозможно понятіе о цѣли), а только въ формѣ *цѣли*, сознаваемой, какъ цѣль, и закона, сознаваемаго какъ законъ,—то самосознанію предстоитъ возможность уходить и отъ всякой опредѣленности всѣми *тѣми* факторами, возможность *не опредѣляться* и ни однимъ изъ нихъ. Такимъ образомъ, изъ предшествующаго видна возможность для самосознанія *не опредѣляться, не оставить себѣ цѣлей и не слѣдовать закону.* Эта отрицательная возможность,—возможность отсутствія рѣшеній воли, несмотря на мотивъ, чувство, характеръ etc., какъ они даны,—сама-по-себѣ уже нѣчто достаточно важное, ибо съ признаніемъ ея падаетъ механическая теорія воли, такъ какъ *главнымъ* ея факторомъ оказывается нѣчто, не подлежащее механическимъ законамъ. Чрезъ это объяснена возможность *не дѣйствовать при данныхъ мотивѣ, чувствѣ и характерѣ* (подъ условіемъ раздѣльнаго, критическаго мышленія).

Но, скажутъ намъ: при этой возможности не объяснено, почему самосознающій человѣкъ *дѣйствуетъ*, почему онъ *рѣшается* на дѣйствія?! Отвѣтъ на это возраженіе въ томъ, что возможность уходить отъ всевозможныхъ опредѣленій, *не рѣшаться—не безграничная.* И физіологическія условія (хотя бы, въ духѣ Бэна, капитализація энергіи) и духовныя (требованіе *единства*, завершенности въ своихъ актахъ, выражающее духовно космическую цѣль самосохраненія, самоутвержденія) требуютъ съ необходимостью, чтобы человѣкъ на что-либо *рѣшался*, *принялъ* какую бы то ни было *опредѣленность* въ своемъ хотѣніи. Такъ какъ въ этихъ условіяхъ предрѣшена только *общая* необходимость для сознанія опредѣлиться какъ-нибудь, но не необходимость опредѣлиться *такъ* или *иначе* (эта опредѣленность есть, какъ было показано, дѣло самосознанія),—то, не уничтожая отрицательнаго момента *самоопредѣленія* сознанія къ такой или иной цѣли и закону, *независимости* его отъ всего даннаго ему,—они въ то же время объясняютъ и дѣйствительность конкретныхъ рѣшеній сознанія *вообще.* Чѣмъ настоятельнѣе въ данномъ случаѣ необходимость рѣшиться на что-нибудь, чѣмъ слѣдовательно *время* для постановленія рѣшенія короче, а слѣдовательно и дана *меньшая* масса представляющихся возможныхъ рѣшеній и возможныхъ комбинацій данныхъ условій, требующихъ новыхъ проволочекъ, тѣмъ, понятно, ограниченнѣе для сознанія *предѣлы*, въ которыхъ оно можетъ *не опредѣляться*, *уходить* отъ представляющихся возможными въ данныхъ условіяхъ рѣшеній. И

эти условія,—время и количество представляющихся возможностей (слѣдовательно и масса представленій и искусство въ комбинированіи ихъ, то-есть *умственное развитіе* вообще), тѣсно между собою связанныя,—признаются и законами и судомъ за опредѣляющія болѣе или *менѣе широкія границы*, въ предѣлахъ которыхъ акты самосохраненія *не необходимо опредѣлены* данными мотивами, чувствами etc. въ данномъ случаѣ, то-есть въ которыхъ оно *свободно* (опредѣляютъ они, какъ видно, предѣлы *области* свободно, ея возможные объекты и средства, а не *степени* самой свободы, которая, какъ и самозознаніе, степеней имѣть не можетъ). Условія эти имѣютъ и несомнѣнные критеріи распознаваемости ихъ во всякомъ данномъ случаѣ, пригодны для рѣшенія вопроса о вмѣненіи всякаго *отдѣльнаго дѣянія*,— не такъ, какъ, напримѣръ, Шопенгауэровъ главный агентъ (безсознательный характеръ), знаніе о которомъ есть всегда плодъ неточныхъ и сомнительныхъ заключеній. Изъ описаннаго здѣсь отношенія *свободы* актовъ сознанія къ *ограниченію сферы* ея проявленія условіями времени, развитія, средствъ etc. ясна становится намъ и причина такъ часто замѣчаемаго различія между людьми преимущественно—мыслящими, высоко развитыми умственно и притомъ—обыкновенно нерѣшительными,—и людьми, скоро рѣшающимися, не видящими возможностей выжидать и выбирать, но притомъ обыкновенно вращающимися въ узкихъ умственныхъ сферахъ, мало развитыми.

Изъ предшествующаго видно и *между чѣмъ* можетъ выбирать сознаніе—сознаніе свободное въ *томъ или другомъ* опредѣленіи себя, но съ необходимостью вынуждаемое къ *какому бы то ни было* самоопредѣленію, къ рѣшенію вообще. Такъ какъ все, что дано ему для постановленія сознательнаго рѣшенія (помимо *предѣловъ*, зависящихъ отъ представляемой возможности, массы объектовъ выбора и т. п.), дано ему или въ формѣ представляющейся *цѣли*, или же въ формѣ *закона*, сознаваемаго какъ законъ: то и выбирать вынужденное къ какому бы то ни было выбору сознаніе можетъ только между представляющеюся *данною цѣлью* и *закономъ*, съ которымъ эта цѣль можетъ быть и несовмѣстима и который можетъ требовать ставленія другой цѣли, прямо противоположной этой данной цѣли, или простого бездѣйствія. [1]

[1] Въ самомъ общемъ видѣ возможность выбора сознаніемъ между представляющимися ему опредѣленіями, отъ которыхъ оно можетъ (въ извѣстныхъ, данныхъ предѣлахъ времени и условій) уходить дальше и

Такимъ образомъ, мы приходимъ къ выводу, къ которому, въ общихъ чертахъ, пришелъ и Целлеръ. Целлеръ думаетъ, что „свобода состоитъ не въ рѣшеніи *безъ* всякихъ мотивовъ, а въ рѣшеніи *между* мотивами; не въ опредѣленіи *какого то ни было* рѣшенія, а — рѣшенія, *относящагося къ нравственной области*; не въ простомъ выборѣ между *средствами* (въ этомъ отношеніи мы употребляемъ то средство, которое считаемъ пригоднѣйшимъ) и не выборѣ между *цѣлями* вообще, а — въ рѣшеніи, касающемся того, руководиться ли намъ *чувственными*, или руководиться *нравственными* мотивами.“ [1]

Показавъ, что ни одинъ изъ факторовъ сознательнаго рѣшенія воли, ни всѣ они въ совокупности (подъ условіемъ критическаго мышленія, слѣдовательно спокойнаго настроенія) не опредѣляютъ рѣшенія сознанія съ необходимостью, что, вступая въ сферу *самосознанія*, всѣ они теряютъ для него, а слѣдовательно и для его актовъ, значеніе *данныхъ причинъ*, сами-по-себѣ, независимо отъ *самостоятельнаго* акта самосознанія, дѣятельныхъ,—мы показали, что *свобода хотѣній возможна*, что для сознанія *возможно* не только *имѣть* данныя ему независимо отъ его признанія хотѣнія, но и *ставить* свои хотѣнія. Требовать, кромѣ этого доказательства, *возможности* свободы хотѣній, можно, пожалуй, еще только доказательства ея *необходимости*, какъ условія какихъ-нибудь данныхъ фактовъ, явленій. Но

дальше, является возможностью для него остановиться, какъ на окончательно опредѣляющемъ его, на представленіи данной цѣли, не идя дальше, не произнося, *до* самоопредѣленія его, нравственнаго сужденія, — или же произнести и это сужденіе, рѣшающее нравственное достоинство самоопредѣленія представляющеюся цѣлью. Въ первомъ случаѣ нравственное сужденіе признается, актомъ *непосредственнаго* самоопредѣленія цѣлью, какъ бы за нѣчто безразличное; во второмъ—за нѣчто рѣшающее. Слѣдующій затѣмъ актъ въ первомъ случаѣ или безразличенъ въ нравственномъ отношеніи или безнравствененъ, во второмъ—нравствененъ, моралевъ (хотя бы и не легаленъ). Психологическая свобода здѣсь во всякомъ случаѣ необходимо такъ или иначе относится къ нравственности, то-есть нѣтъ свободы *психологической вић области свободы нравственной, вић сознанія закона, какъ закона.*

[1] См. у *М. И. Каринскаго*: „Критическій обзоръ послѣдняго періода германской философіи“. Спб. 1873, стр. 130. Однако, насколько можно составить себѣ, по краткому изложенію г. Каринскаго (стр. 125—130), ясное понятіе о пути, которымъ Целлеръ приходитъ къ этимъ результатамъ, и объ *основаніяхъ*, которыя онъ имъ находитъ,—этотъ путь и эти основанія совершенно отличны отъ изложенныхъ нами, и во многомъ даже враждебны, противоположны послѣднимъ.

нельзя требовать доказательствъ ея *дѣйствительности*. Свобода сознанія есть, сама-по-себѣ, только *возможность* для него опредѣлить себя; выступаетъ же въ сферу объективнаго сознанія, въ міръ внѣшнихъ явленій, только дѣйствительно-совершившееся уже самоопредѣленіе сознанія, а не *возможность* его, которая, какъ такая, есть только *въ личномъ сознаніи*. Въ личномъ сознаніи только, поэтому, можетъ быть дана его свобода, какъ *дѣйствительный* фактъ, и отрицать этотъ фактъ какъ дѣйствительный, потому-что онъ *не данъ внѣ* личнаго сознанія, возможно только *отрицая дѣйствительность личнаго сознанія*, самосознанія. Тѣмъ, кто требуетъ, помимо доказательства возможности и необходимости свободы воли, еще иного доказательства ея дѣйствительности, кромѣ ссылки на дѣйствительное личное сознаніе, остается альтернатива: или отрицать дѣйствительность личнаго сознанія (что̀ и дѣлаетъ матеріализмъ), или же, не отрицая этого факта, отказаться вовсе отъ участія въ рѣшеніи вопроса. Позитивизмъ, не отрицающій (въ лицѣ Милля) дѣйствительности личнаго сознанія, но отрицающій дѣйствительность его свободы на томъ основаніи, что *вообще нѣтъ дѣйствія безъ причины*, противорѣчитъ собственному понятію причинности. Если онъ единственное основаніе этого закона видитъ въ бывшихъ субъективныхъ психологическихъ ассоціаціяхъ представленій, единообразныхъ послѣдованій, основывая всеобщность этого закона безусловнаго *единообразія* въ послѣдованіи явленій только на томъ, что въ огромной массѣ нашихъ знаній о предметахъ *объективнаго* міра этому закону не представилось *пока* исключеній; если Бэнъ, однако, говоритъ, что мы не можемъ утверждать, что исключеніе *здѣсь невозможно*, пока не узнаемъ *всего*, что существуетъ, и не найдемъ также исключеній въ этомъ *всемъ*, каковое заключеніе опытнаго знанія, могущее дать основаніе утвержденію *всеобщности* причинности, *немыслимо*; если Милль доходитъ до того, что даже въ сферѣ объектовъ природы (въ недоступныхъ намъ, отдаленныхъ частяхъ вселенной) допускаетъ возможность непримѣнимости понятія причинной связи („Система Логики“, I, 415); если, такимъ образомъ, позитивизмъ вообще *не* признаетъ примѣнимости этого понятія ко *всѣмъ явленіямъ a priori*: то и аргументъ его противъ свободы воли изъ *всеобщности понятія причины* для него самого не имѣетъ никакой силы *до тѣхъ поръ*, пока его примѣнимость къ сферѣ личнаго сознанья, *какъ такого* (то-есть относящаго свое содержаніе къ себѣ), а не существующаго только

какъ *готовый* объектъ для стороннаго наблюдателя не будетъ доказана положительно анализомъ послѣдняго,—анализомъ, котораго позитивизмъ пока не предпринималъ и не можетъ предпринять, оставаясь позитивизмомъ, ибо это былъ бы ансигизъ для себя—и черезъ себя—бытія, то-есть не явленія. Что касается до насъ, то, признавая понятіе причины (единообразнаго послѣдованія *одного за другимъ*) примѣнимымъ a priori въ области объективной, въ области объектовъ для *другого и изъ другого*, [1] ибо безъ априорной всеобщности этого понятія *здѣсь*

---

[1] Примѣнимость понятія причины a priori въ области познанія о *существующемъ*, объективномъ, можетъ быть выведена изъ самаго основнаго формальнаго опредѣленія познающей дѣятельности вообще. Эта дѣятельность, по самому общему опредѣленію своему, есть дѣятельность, дающая сознанію *отчетъ* въ признаніи имъ этого или инаго понятія о существующемъ за истинное. *Отчетъ* въ своихъ мысляхъ для сознанія можетъ состоять только въ томъ, что онѣ уже не берутся имъ какъ *непосредственно данныя* ему, что ихъ непосредственность этою дѣятельностью снимается, а требуется сознательное *опосредствованіе* ихъ, въ которомъ и состоитъ *все* познаніе. Въ области познанія о *существующемъ* (данномъ) требуется опосредствованіе представленій существованія представленіе опосредственнаго существованія. Но это можетъ быть достигнуто только черезъ *другое* существованіе же (ибо существованіе, какъ такое, просто *дано*) и т. д. до безконечности. Поэтому въ этой области объективнаго примѣнимо a priori понятіе причины, какъ опредѣленія *одного другимъ*, отношенія между разными *данными*, и нѣтъ мѣста понятію самоопредѣленія. Совершенно иначе представляется дѣло въ области предметовъ, которые, для сознанія, не *существуютъ самихъ-по-себѣ*, а *дѣлаются* сознаніемъ, то-есть въ области *понятій* сознанія. Здѣсь *отчетъ* состоитъ не въ простомъ отысканіи отношеній между *данными*, но въ *конструкціи*, созданіи. Не требуется поэтому непремѣнно опредѣленіе *одного* (готоваго понятія) *другимъ*, (готовымъ понятіемъ): такое опредѣленіе, если и есть въ этой области, то только какъ *вспомогательное* средство конструкціи. Наконецъ, *познаніе* здѣсь, совпадая съ произведеніемъ конструкціи познаваемаго, *непосредственно-практично*. Въ этой области, дѣйствительно, *есть* то, что только *должно быть*, и человѣкъ есть то, что онъ о себѣ думаетъ. *Понятна отсюда безусловная несводимость одной области* (идеальнаго, должнаго, этическаго) *на другую* (реальнаго, существующаго, теоретическаго). Понятно и то, что, напримѣръ, вопросъ о *назначеніи* и достоинствѣ человѣка (и какой бы то ни было изъ его силъ и дѣятельностей) совершенно не зависитъ отъ такого или иного рѣшенія вопроса о *происхожденіи* его (и ихъ); что этика, оставаясь *реальнымъ* агентомъ жизни человѣческой, независима отъ антропологіи, психологіи и т. п. (въ своей общей, основной части о нормахъ и началахъ), ибо здѣсь *ratio cognoscendi совпадаетъ съ ratio essendi*,—обстоятельство, на упущеніи котораго изъ виду основана критика этики идеализма вообще, а Кантовой Шопенгауэромъ въ частности.

было бы невозможно никакое изслѣдованіе этихъ объектовъ *для другого и изъ другого*, никакое обращеніе къ новому не изслѣдованному еще до конца предмету съ *вопросомъ*: откуда? почему? Мы не признаемъ понятіе, имѣющее указанное содержаніе, примѣнимымъ къ тому, что есть не объектъ для другого и въ другомъ, а—*объектъ для себя и въ себѣ*, то-есть къ самосознанію, къ личному сознанію, камъ такому. Это ограниченіе примѣненія понятія причинности есть тезисъ чисто аналитическій. *Если есть самосознаніе, то законъ причинности не всеобщъ, а, слѣдовательно, свобода самосознающей воли не невозможна a priori.*

